

П. ОЛЬХОВСКИЙ и
К. ЕВСТАФЬЕВ

30-2

440

ПОСЛЕДНЯЯ ГИМНАЗИЯ

РОМАН

Ольховский Павел Григорьевич (1907-1983), Евстафьев Константин.
Последняя гимназия. Предисл. Анат. Горелов. Л. ЛАПП ПРИБОЙ
1930.256 РНБ 30.2/440, БАН 1930./2450.

Роман "Последняя гимназия" Павла Григорьевича Ольховского (1907-1983) – по сути педагогическая «анти-поэма» (1920-е, энциклопедия разносторонних аспектов неправильностей в ведении детских домов). Её первое издание вышло в 1930 г., т.е. за 3-4 года до первого выхода «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко и было своего рода ответом на выход книги «Республика ШКИД» от учащихся и участников описываемых событий в школе В.Н. Сорокина-Росинского, позже определённых А.С. Макаренко, как «пример педагогической неудачи».

Благодарим З.Ш. Тененбойма (СПб.) за оцифровку издания и ряд редакторских пояснений к нему.

Р.С. Разбивка по страницам в электронном издании не соотв. разбивке в бумажном.

Г.П.Б-на обяз. экз.
Лнгр. 1930 г.
Ант № 9-1449

Инвент. № 4244

ЛАПП
П Р И Б О Й
1 9 3 0

Предисловие [Анат. Горелов]

Со школой им. Достоевского (сокращённо ШКИД) мы познакомились по нашумевшему роману воспитанников этой школы Л. Пантелеева и Г. Белых.

Выходцы той же "Республики ШКИД" П. Ольховский и К. Евстафьев задумали продолжить жизнеописание школы, доведённое в "Республике ШКИД" только до 1923 года.

Таким образом "Последняя гимназия" является фактически продолжением романа Л. Пантелеева и Г. Белых.

Авторы "Последней гимназии" подошли значительно серьёзней к теме. Если в романе тов. Пантелеева и Белых школа выглядит эталим "домом шалунов", правда трудно воспитуемых, но всё же местом, где маленькие беспризорники безусловно превращаются в конце-то концов в полезных членов общества, то "Последняя гимназия" несравненно суровее разделяется со школой.

Роман т. т. Ольховского и Евстафьева явно задуман как разоблачительный документ. Роман беспощадно разбивает то несколько идиллическое впечатление, которое остаётся от книги "Республика ШКИД".

Таким образом, если первый роман о школе им. Достоевского грешил излишним затушёвыванием подлинной действительности, то второй роман, наоборот, характерен подчёркнутым сгущением красок.

Т. т. Ольховский и Евстафьев несколько недооценили факта создания в Республике Советов в период голода и разрухи школы, считанной на перевоспитание беспризорников.

Без средств, без педагогических кадров было затеяно труднейшее предприятие по переделке искалеченной природы одичавших беспризорников. Понятно, что тут было великое множество ошибок и основная та, что школа слишком уж походила на старую классическую гимназию.

Излишний упор авторов на личность заведующего школой может оставить впечатление, что тяжкий путь школы объясняется индивидуальными особенностями её руководителя, тогда как причины эти более общие и более важные.

Если авторы "Республики ШКИД" в тёплых тонах нарисовали образ Викникора (так прозвала Шкида своего заведующего), то авторы "Последней гимназии" превратили его в упрямого, грубого человека, не умеющего ладить со своими буйными воспитанниками.

Разлад между Викникором и школой объясняется в первую очередь тем, что педагогический опыт, полученный в буржуазной школе, давал злейшую осечку при применении к новому социальному материалу.

Большая ценность романа "Последняя гимназия" в том и состоит, что тут с большой рельефностью показан разрыв между буржуазной педагогической системой и новой социальной средой.

Педагогическое руководство делало всё для превращения советской школы в чисто гуманитарный институт. Но институты, так лобовно воспетые Чарской, не могли строиться на людском материале питерских беспризорников.

Дикая орда испорченных улицей ребят могла быть превращена в разумный коллектив только системой трудового воспитания. Но этого и не было в ШКИДе, где ребят заставляли по десять часов в сутки зубрить иностранные языки и упорно налегать на литературу.

Руководство школы неуклонно тормозило самостоятельность, срывало попытки ребят построить самоуправление и тем мешало выработке коллективистических навыков.

Недаром заведующий школой, взамен созданного ребятами юнкома, советовал наподобие английских школ создать организацию только лучших учеников – тутеров.

На этом примере ясно видно, как опыт буржуазной школы механически переносился в совершенно иную социальную среду.

Авторы "Последней гимназии" совершенно правы, когда указывают, что ШКИД это отнюдь не единичное, случайное явление. Таким тяжёлым ухабистым путём развивались наши школы дефективных детей.

Проблема перевоспитания беспризорников отнюдь ещё не решена, и тем большее значение приобретает изучение психики трудновоспитуемого ребёнка. "Последняя гимназия" даёт для этого богатейшую галерею интереснейших типов.

Авторы склонны несправедливо отрицать то положительное, что дала школа им. Достоевского, несмотря на все свои огромнейшие недостатки. Т. т. Ольховский и Евстафьев не учитывают хотя бы тот разительный факт, что именно из этой школы вышли авторы двух, чрезвычайно интересных литературных произведений

Анат. Горелов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (вступительная)

1

После зимы, как известно, бывает весна и лето... Зимой и весной в школах занимаются, а летом ничего не делают.

Эту немудрую истину особенно твёрдо помнили в Шкиде (так сокращённо назывался детдом для дефективных: "Школа имени Достоевского" — Шкид), помнили не только одни воспитанники — шкидцы, но и воспитатели — "халдеи": программы летней школы загонялись в самые тёмные углы шкафов, об экскурсиях говорилось всё туманней и туманней, хотя, впрочем, ребята и не пылали особенной охотой путешествовать.

В мае месяце халдеи начинали понемногу "смываться" и "смываться", т. е., попросту говоря, уходить в отпуск, а шкидцы начинали "вертеть вола" или "трепаться", т. е., попросту говоря, ничего не делали.

Так начиналось лето.

В 1923 году всё шло, как было заведено и положено по закону, но к августу тихое и беспорядочное благополучие всё-таки нарушилось...

Половина воспитателей в это время была в отпуску; заведующий школой Виктор Николаевич (сокращённый предпримчивыми ребятами в Викниксора) уехал в Москву на сельскохозяйственную выставку, а шкидцы, наотдыхавшись за июнь и июль, принялись развлекаться.

Развлечения вначале были мирны и невинны. Носились ногами, закутавшись в одеяла, по школе, пугали и сбивали с ног халдеев, устраивали кошачьи концерты, плевали с самым добродушным видом из окон на прохожих или, наконец, крали из учительской "Петопись" — толстейшую книгу, куда записывались все проступки воспитанников, — и тащили её жесть.

Но однажды в Шкиде исчезли все электрические лампочки. На другой день из спальни пропало несколько пар сапог. Ещё через день оказалась взломанной и обворованной кладовая. Потом с седнего, закрытого в войну завода огнетушителей, пришёл с милицией сторож разыскивать срезанные ночью провода и свинцовые трубы...

Шкидцы знали, что это работают со своими сламщиками — подручными из малышей — четверо старших ребят, приобретших впоследствии грозную кличку "особенных".

Эта четвёрка — Цыган, Бык, Гужбан и Бессовестин — сошлась между собой случайно, и общего у них ничего не было.

Цыган и Бессовестин — четвероклассники, умные и способные ребята, дельные ученики, впрочем, уже в возрасте и начинавшие скучать.

Гужбан, первый в Шкиде после Кулца силач, высокий широкоплечий детина из третьего отделения, с узким лбом, заросшим чёрными жёсткими волосами, с толстыми вывороченными губами и узловатыми по-обезьяньи длинными лапами, всем обличьем похожий на ломовика, прехитрое и предобродушнейшее существо, недавно был прислан из пересыльной тюрьмы. Хотя на вид ему было лет восемнадцать, документы представил он на пятнадцатилетнего. Разница в три года — куда входили кражи, тюрьма, приводы — давала ему возможность спасаться как несовершеннолетнему от суда и заключения... В Шкиде Гужбан науками не интересовался, занимался через силу и больше думал насчёт того, что плохо лежит...

Бык, тоже третьеклассник, ничем особенным, кроме силы, не отличался.

Эта четвёрка, после отъезда Викниксора в Москву, воспользовавшись временным беспорядком и замешательством, поворовывала. Сперва работали порознь, потом группой, потом со своими сламщиками. Работали не по-шкидски — широко, обделывали дела, которые под-стать были и профессиональным скокарям.

Этот "промысел" так захватил школу, что, пожалуй, половина всех шкидцев начала заниматься им...

Дошло до того, что даже Кося Финкельштейн, пирический поэт Кося, и тот увлёкся этим прибыльным делом...

Однажды ночью, трясясь от страха и судорожно лязгая зубами, он перелез забор, вынеся в своих огромных поэтических штанах до полпуда скоблёного свинца с завода огнетушителей.

2

В середине августа из санатории приехали шкидцы — четвероклассники: Иошка [Здесь и ниже Ионин Георгий — прим. ред.] и Гришка Белых [Гришка здесь и ниже — это один из авторов "Республики Шкид" Григорий Белых — прим. ред.]. Немного раньше вернулся от родных Лёнька Еремеев [Лёнька здесь и ниже — это один из авторов "Республики Шкид" Леонид Пантелеев-Еремеев — прим. ред.], куда он был на месяц сослан Викниксором после того, как, разгравшись, переколотил однажды в прачечной стёкла... Вся компания, которую делили ещё Воробей и грузин Дзе, была между собой дружна, мнениями расходилась не очень и в первый же вечер собралась у Сашки .. [Сашка здесь и ниже — это Павел Ольховский. прим. ред.] у Сашки в школьном музее (которым этот шкидец заведовал) и там, между прочим, зашёл разговор о воровстве и о бузе...

Больше всех говорил Иошка. Остальные ребята отнесли к школьным событиям довольно равнодушно, потому что и сами бузили, а Лёнька в своё время даже организовал "таинственный орден летучих мышей" (задачи "ордена": закутавшись в одеяла, ордами, носиться по школе, сбивая всех и всё с ног)...

Лёнька с Воробьём, хваставшиеся вчерашней бузой, сначала сконфузились, когда Иошка сказал, что со всем происходящим сейчас в школе надо бороться, потом обозлились и начали с ним пираться. Однако сейчас же всё объяснилось. Иошка привёл не-

сколько примеров, когда не только воруют, но и "наводят" на кражи, занимаясь скупкой вещей и выдачей денег под будущие удачи.

Летом того же года среди шкидцев появился новый воспитанник — Вознесенский.

Новичок (про которого рассказывали, что он сын знаменитой балерины) прежде учился в балетной школе и был оттуда исключён за воровство.

Был он высоким шестнадцатилетним юношей, очень стройным, лёгким на ходу, с красивым девичьим лицом и длинными, слегка выщипанными волосами... В четвёртом классе, куда его посадили, он держался скромно и незаметно, но через несколько дней сдружился и сблизился со многими из младших шкидцев. Потом поползли слухи, что он занимается скупкой краденого, "наводит" и сам ходит на "дела" и снабжает своих подручных деньгами "под сдачу". Потом стали обращать на себя внимание некоторые ненормальности и по-дозрительно-странные отношения с младшими ребятами. Впрочем, всё было замаскировано, и о скупке краденого и обо всём прочем знали только по слухам. И выходило, что дела у Вознесенского во всех областях идут крупно и успешно.

На другой день после разговора в музее Дзе подошёл вечером к Вознесенскому, заговорил с ним и за разговором как бы невзначай подвёл его к дверям.

Он неожиданно толкнул своего собеседника в комнату и защёлкнул за собой дверь.

В музее за длинным столом сидели Иошка, Гришка и Воробей. Сбоку Сашка приготавливал для протокола бумагу. Дзе и Лёнька стояли возле Вознесенского...

— Тебя сейчас будет судить тайный трибунал, — сказали они и подтолкнули его к столу.

Иошка задавал вопросы, Сашка записывал. Вознесенский спросил, в чём его обвиняют. Иошка начал перечислять, но при словах "развращение младших" обвиняемый подскочил и дал ему хлёсткую

пощёчину. Тогда Дзе наотмашь ударил Вознесенского по лицу. Сашка вскочил из-за стола и замахал руками. Началась свалка.

3

Ночью приехал из Москвы вызванный тревожным письмом Викниксор. Днём было общее собрание, где он громил воров (на что, впрочем, "особенные" небрежно заметили: "пугает"), а вечером вызвал к себе в кабинет весь "тайный трибунал".

Викниксор кричал, что не потерпит у себя в школе никаких самосудов, и при этом тряс письмом, которое ему оставил Вознесенский, убежавший утром из Шкиды.

Когда Викниксор, накричавшись, замолчал, Иошка объяснил, что они хотели этими судами очистить школу от всей накопившейся за лето дряни. И хотели сделать это, исключительно желая помочь править школу (вообще-то Иошка говорил долго, много, горячо и путано, но такова была основная его мысль).

Викниксор слушал удивлённо. Потом обрадовался, захолопотал, усадил ребят и, забыв о Вознесенском, принялся обсуждать с ними планы общешкольной воспитательной работы. Проговорив до полноты, решили организовать кружок — ячейку школьного строительства под названием "Юный Коммунар", которое сейчас же сократили в "Юнком", а себя решили называть "юнкомцами".

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Июшка с Гришкой сидят в музее, переименованном теперь в клуб, на подоконнике и разговаривают...

Июшка — маленький человечек, босой и без пояса, одетый в до- нельзя затрёпанные обвисшие чёрные штаны и в ещё более затрёпанную бывшую когда-то серой рубашу, которая сидит на нём теперь вроде капота на швабре. Рубаха расстёгнута в воротах, откуда торчит худенькая шея, на которой покачивается маленькая головёнка с тоненькими, растрёпанными волосиками. Лицо у Июшки бледное, испитое, с большими чёрными глазами и с красным, как у пьяницы, крошечным пуговичным носиком. Говорит Июшка не по росту и виду зычно и смело, очень часто и много смеётся, растягивая свой большой синева-тый рот с неровными и словно лошадиными зубами.

Гришка, его собеседник, лучший в Шкиде художник, имеющий, кроме имени, ещё разнообразные клички в роде "Янкеля", "Подлого", "Тартюфа", слушает внимательно, изобразив на своём художественном и подвижном лице неопределённую хитрую улыбку. Фигура у него подвижная и гибкая. Впрочем, сейчас, в шкидской коломянковой рубашке и штанах из чёртовой кожи, он выглядит неуклюжим и горбатым.

— Юнкому есть где развернуться, — говорит Июшка, размахивая руками. — Мы должны работать, как работает комсомольская ячейка... И по программе и по тактике... Что раз наметили, от того уж не отступать, а вести до конца. Как вот: борьба с воровством и за школьное строительство... Конечно, умело только надо, особенно вначале...

— Правильно, — осторожно соглашается Гришка.

В глубине комнаты суетится, снимая со стен диаграммы и убирая со стола журналы, чтобы очистить помещение для клуба, заведующий музеем Сашка.

У нескладного Сашки широкое добродушное лицо и маленькие припухшие глаза. За последние месяцы он очень вытянулся и сейчас стыдится своего роста, постоянно стараясь спрятать длинные, с широкими ладонями, красные руки, торчащие из коротких рукавов рубахи.

Ещё только семь часов утра, но Шкида уже просыпается. Навернуху в спальнях звенит звонок; слышно, как топаят и возятся ребята; слышно, как в умывалке начинает гудеть пушечная из кранов вода; слышно, как в столовой гремят кружками и готовятся к чаю. Потом на несколько минут всё затихает, и наконец снова слышится звонок: сейчас всем надо собраться в спальнях, построиться парами и идти в столовую.

После чая в музее собирается весь Юнком. Ребята заняты серьёзной работой: Гришка вместе с Лёнькой готовят газету, Дзе и Воробей пишут большой плакат "В новую жизнь через новую школу", Сашка протоколит вчерашнее "организационное" собрание, а Июшка сочиняет манифест.

— "Не записаться в отчуждённую от масс секту... Юнкомцы должны быть впереди школы..." Правильно? — спрашивает он...

— Правильно.

— "Цель Юнкома состоит в содействии школьному строительству и активному участию в нём"... Правильно?

— Правильно!

— "Первоочередной своей задачей ячейка ставит искоренение воровства, хулиганства, картёжничества и других проявлений и при- вычек преступного мира".

— Сегодня ночью опять трое засыпались, — перебивает его Лёнька. — Слыхал? Фановые свинцовые трубы срезали. А в кладовой замок сбили.

— По этому случаю я напишу заметку, — прибавляет Гришка, не отрываясь от газеты, где он сейчас старательно разрисовывает заголовки. — А кому-нибудь надо нацарапать статью о кухонном ста-

росте. Совсем зарвался, стерва! Видали, какие пайки хлеба он ут-ром раздавал? С гулькин нос.

Иошка, торопливо закончив манифест, принимается за статью о кухонном старосте.

Когда весь материал будет готов, его отдадут Гришке, чтобы вписать в газету. И надо будет убирать музей под клуб.

Так незаметно прошёл весь день. Ребята почти не вылезали из музея, появившись только за обедом и ужином. К вечеру главная работа была кончена. Шкидцы осмотрели готовую газету с манифестом и сообщением об организации Юнкома, вывешенную в столовой, и отправились гулять... В музее остался один Дзе, решивший не терять лишнего времени и принявшийся разрисовывать доску для объявлений.

2

Когда ребята вернулись в Шкиду и позвонили, дверь им открыл сам Курочка, кухонный староста. Он хмуро оглядел их и, пропустив в тёмный и грязный шкидский коридор, запирая дверь, хмуро забузил:

— Так-с... Здрасте, наше вам! Граблю, значит!..

Наверху в зале закричали:

— Ищейки пришли!

Ребята переглянулись.

— Это они про вас, — осклабился вдогонку староста: — про ячейку вашу, про Юнком...

На стене в столовой газеты уже не было, только грязные и оплыванные ключья её валялись раскиданными по полу, а на том месте, где она висела, тянулась разухабистая карандашная надпись:

"Бей ищейек"...

Ребята уже не смотрели друг на друга и пошли быстрее. Иошка толкнулся в музей. Двери были заперты.

— Открывай! — крикнул Иошка. — Кто там? Чего заперлись?

— Не кричи! — ответил, открывая изнутри, Дзе. — Зачем кричишь?.. Посиди на моём месте — и не так замкнёшься...

Дзе рассказал, как после их ухода минут через двадцать в столовой зашумели (музей находился рядом со столовой, через комнату). Там собралась толпа, слышен был Курочкин крик:

— Свои же ребята по накатке пошли!

Орал Гужбан:

— Надо бить ищейек!

Потом рвали газету. Потом ломились в музей.

Дзе притаился, и шкидцы, решив, что там никого нет, разошлись.

Ребята молча прослушали этот рассказ. Того, что произошло здесь недавно, они никак не могли предполагать и теперь с крайним смущением переминались и переглядывались...

Неожиданно зазвонил звонок, вдалеке затопотали.

— Пить чай!..

Юнкомцы беспомощно оглянулись на дверь. Сейчас надо было идти в столовую, показываться перед всеми и вообще что-нибудь делать.

Иошка молча прошёлся по комнате и, повернувшись к ребятам, сказал:

— Надо собрание устроить... Постановили сегодня утром. Помните?

— Помним, — тоскливо отозвался Гришка. — Что ж из этого?

— Устроим это собрание открытым, позовём на него всех желающих и поговорим об Юнкоме. Надо привлечь и остальных шкидцев.

Снова закричали "пить чай", но теперь уже близко, почти у самых дверей.

— Идём, — забеспокоился Сашка. — Идём, братцы, а то подумают, что мы прячемся.

В столовой — мрачной полутёмной комнате с низким потолком, с длинными, расставленными четырёхугольными столами, с портре-

тами Маркса и Достоевского и с огромным плакатом-подсолнухом, эмблемой школы — на стенах, — уже собрались все шкидцы. За столами было шумно и весело, но при появлении в дверях юнкомцев всё вдруг стихло, потом раздался свист, топот.

— Ищейки!.., Накатчики!..

Ребята молча прошли на свои места и сели. Иошка остановился посреди столовой и поднял руку.

Столовая замолчала.

— После чая в музее состоится собрание, — бодро, громко сказал Иошка. — Юнком пригласает всех желающих, которые хотят...

— Долой!

И — свист... топот...

Видно, как шевелятся Иошкины губы, но слов за шумом не слышно. Махнув рукой, он идёт на своё место.

— Суки! — шепчет Лёнька.

На собрание в музей никто не пришёл. Ряд заранее приготовленных скамеек так и остался пустовать, и прежнее чувство страха, чувство неизвестности, беспокойство, сомнения — опять овладели юнкомцами. Они сидели не зажигая света и ко всему прислушиваясь. И когда по звонку надо было отправляться спать, никто не тронулся.

— Нас наверное отволохают в спальне, — предположил Дзе.

— Пускай попробуют, — крикнул Гришка. — И сами огребут не меньше, — крикнул надорванно, несмело и сам себе не поверил.

Но маленький воинственный Воробей взмахнул вытасенной откуда-то железной палкой от кровати.

— Я проломлю голову первому, кто сунется ко мне.

Иошка улынулся.

— Что ж... Вооружимся и мы, ребята...

В спальне, против ожидания, ничего не произошло. Вся шестёрка имела достаточно внушительный вид, а начавшему приставать Бобору Воробей погрозил палкой...

Так прошёл первый день существования Юнкома, первый день шкидской общественной организации.

3

— Ионин, Ионин!..

Кричали с улицы.

Под окнами, задрав кверху голову, стоял человек с очень тоненькими ножками, которые на манер зубочисток, всунутых в рыжие ботфорты, торчали из-под долгополого пальто.

Он выпячивал шею и пискливым голосом взывал:

— Ионин... Ионин!..

Через подоконник во втором этаже перевесилась лохматая Лёнькина голова. Секунду он глядел вниз на человека, потом нырнул обратно.

— Иошка! Там тебя Богородица зовёт.

— Слышу, — ответил Иошка...

Богородица был прежде воспитателем в Шкиде, и когда узнал, что через несколько недель его сократят, принялся собирать обличительный материал против Викниксора... А материал был: Иошка, одно время сильно недовольный, всячески поощрял Богородицу, обещал подписи, факты, показания.

Но Богородицу сократили раньше срока и теперь, в жажде отмщения, он стоял под окнами:

— Ионин!.. Ионин!..

Иошка тоскливо оглядел ребят, как и вчера, с утра собравшихся в музей.

— За материалом пришёл...

— Не давай, — всполошился Сашка. — Не надо, что ты... Ты же юнкомец!

Окошко тихонько прикрыли... Но Богородица оказался настоящим, прошёл в Шкиду, и несколько минут спустя в двери музея послышался осторожный стук.

В комнату просунулось испитое и вытянутое лицо отставного халдея.

— Можно? Здравствуйте, дорогие товарищи! Дело моё на мази-с, — заговорил Богородица, словно соблазняя и торопливо оглядываясь: — ему будет дан верный ход... Да-с... Верный ход... Я у прокурора был... В Губоно был... У следователя был... Все-с... все одобряют... Очередь, можно сказать, за вами... Документики-с... Фактики... подписи... Заявление у меня, кстати, приготовлено-с... Вам подписать, только подписать... Помните, обещали.

Иошка заулыбался, закивал с каким-то испуганным выражением.

— Как же, как же... Мы помним... Покажете заявление?

— Пожалуйста! — Богородица вынул из-за пазухи несколько больших листов бумаги и протянул их Иошке...

— Ого, да тут целое сочинение...

Богородица довольно хихикнул и потёр руки.

— Всё-с... Всё описано в точности; и не подкопаешься.

Иошка держал в руках заявление, и испуг на его лице обозначился ещё больше. Ему было совестно за себя, стыдно за Богородицу, за ребят, за всех, кто когда-то поощрял этого халдея на донос. Нужно было бы теперь сразу высказать ему своё нежелание, отшить его, но момент был упущен, заявление Иошка держал в руках и уже готов был подписать его, чтобы избавиться от кляузника...

Нужно было решаться.

Иошка подумал и протянул заявление Лёньке.

— Отнеси это.

Лицо Богородицы дрогнуло.

— Не беспокойтесь. Он снесёт его подписать Косе Финкельштейну, тот наверху, — и чуть слышно, одними губами, что заметил только Лёнька, Иошка добавил: — Викниксору...

О приходе Богородицы в Шкиду раньше всех узнали "особенные".

Они всегда вертели на кухне и возле неё, и первые увидели входящего халдея. Они имели все основания радоваться успеху бо-

городицыного дела. Ведь с приездом Викниксора исчезла почти всякая возможность заниматься по-прежнему воровством, промыслом, который давал независимость и деньги. А всякое вмешательство было бы для них полезно.

Впрочем, так рассуждал только один Цыган, самый умный и дальновидный из всех "особенных". Остальные просто злорадовали и радовались, что Викниксору, их запятому врагу и мучителю, придётся плохо...

— Молодец Богородица, — говорили они. — Даром, что халдей, а сообразил... Здорово придумал.

Гужбан, колотя себя в грудь, убеждённо прорицал:

— Теперь Вите гибель. Амба!... Вите теперь не жить, верьте сполну, братишки.

Братишки верили. Всем почему-то представлялось, что "это" должно произойти сейчас, здесь, у этих дверей; здесь посрамится Викниксор, здесь выйдет Богородица, и здесь они увидят всё, увидят редкое представление, увидят чудо...

И увидели.

Неожиданно у музея появился Викниксор.

Он распахнул дверь, взглянул на Богородицу и потом сказал:

— Вон!.. Сию же минуту вон отсюда!

Викниксор стоял в дверях, заняв полпрохода и вытянув вперёд руку.

У отставного халдея была лишь одна мысль: выскочить как можно быстрее в дверь, ставшую такой узенькой, — выскочить, чтобы эта вытянутая рука не опустилась ему на голову.

— Во-он! — затопал Викниксор, и Богородица стремительно вылетела из музея.

Он бежал не оглядываясь, путаясь ногами в пальто, промелькнул мимо "особенных" и скрылся.

А сзади, тяжело ступая, шёл Викниксор, и летели ключья разрываемого им "доноса".

Юнкомцы хохотали до слёз, смотря из дверей музея, как гонят по коридору халдея и выпроваживают на улицу. Но смех стал стихать; на лицах ребят появилось недоумение, потом испуг, страх, и дверь захлопнулась...

К музею шли "особенные". Их возмутило не то, что юнкомцы обманули Богородицу, — тот был халдей, и по отношению к нему, следовательно, всё допустимо, — но ведь теперь он пришёл как союзник, как мститель, и его обманули, с головой выдав Викниксору. Теперь этот мститель гремит, выкатываясь по лестнице...

"Особенные" не выдержали; неприязнь к "ищейкам", "выскачкам", "подлизам", "накатчикам" и "лягавым" превратилась в ненависть.

— Открывайте, мать вашу, — закричал Гужбан, и дверь вздрогнула под его кулаками.

За дверями засуетились, задвигались, забегали. Гришка нетвёрдым голосом спросил:

— Ч-что тебе надо?

— Открывайте, суки!.. Разговоры разговаривают... Ну?

— Не надо открывать, — взвизгнул Июшка.

Дверь загремела от посыпавшихся на неё ударов.

— Да что тебе надо, Гужа? — умоляюще прокричал Сашка.

— Разбить кой-кому харю.

— Кому?

— А тем сволочам, кто на Богородицу накатил.

— Н-не надо открывать! — разом крикнули и Июшка и Лёнька. — Заприте дверь...

— Открывайте, паскуды! Хуже будет.

В музее не отвечали. Там торопливо возводили у дверей баррикаду, воздвигали огромную кучу, куда валили столы, стулья, скамейки. Валили витрины, тумбы, доски, валили ящики, экспонаты, книги, — а дверь грохотала, трещала, — за ней собралась толпа, пробовали вышибить кулаками, плечами, наваливались кучей, потом выволокли из класса парту, оттащили и с размаха хватили по дверям.

Дверь рухнула...

— Бей гадов!

— Ищейки!

— Бей!

Июшке досталось первому. Гужбан знал в кого метить, а кулак его был тяжёл и грузен. Сашка отпрыгнул в сторону, но в него вцепился Бык, и они, колотя друг друга, визжа и царапаясь, покатились по пыльному полу. Воробей отбивался в углу, размахивая своей железной палкой.

Но уже от канцелярии, сверху, снизу, из классов, коридоров бежали любопытные.

Стоявший на стрёме Козёл свистнул, потом крикнул: "зекс", потом побежал в музей.

— Халдеи!..

Нападавшие разбежались.

Всё случилось быстро и стремительно, и от момента, когда упала дверь, не прошло и полминуты. Июшка поднялся с пола. Поднялся Сашка. У обоих были разбиты лица: у Июшки распухла и кровилась губа. У Сашки стояли волосы, и синяком подмигивал глаз.

— Здорово! — выдавил из себя Сашка.

— Здорово! — согласился Июшка и сплюнул. На полу появилось кровавое пятнышко и что-то щёлкнуло.

— Зуб.

Музей был разгромлен. Вся мебель лежала у порога, одним концом на неё упала сверху дверь, и кучами лежали разбросанные бу маги.

— Надо убрать, — глухо сказал Июшка и, сморщившись, схватился за губу. — И закрыть дверь... — И потом поговорить...

— Зачем потом? — удивился Дзе. — Сейчас говорить надо... Устраивай заседание.

У Июшки нестерпимо заныла губа, но он нашёл силы соорудить:

— Так как же заседать, братцы, когда сидеть не на чем?..

— Посидеть? — отозвался от порога Воробей, пробовавший закрыть полусбитые двери. — Пожалуйте! Сейчас устроим, — и начал оттаскивать из баррикады скамейку. — Садись.

Юнкомцы покорно сели на подставленную скамью. Воробей, после яростной обороны в углу, чувствовал себя героем и поэтом, взяв почин, заговорил:

— Молчите?... Хорошо?... Тогда я скажу... И скажу вот что: стукнули вам немножко, а уже из вас цыца попёрла.

— Хороша цыца! — огрызнулся Сашка. — Вся школа бить поднялась! Цыца-а!

— А вы, дорогой Саша, закажите себе очки да получше, какие-нибудь с вентилятором... Вся школа!.. Скажет тоже... Кто бил, видел?... Особенные — раз... сламщики — два!.. Всё... человек делясь... А он — вся школа!..

— Ну и что из этого?

— Да ничего... Не вся школа...

— Стойте, граждане, — вмешался оправившийся Иوشка. — Помните, что мы вчера в манифесте написали: "Не запирайтесь в отчуждённую от масс секту. Юнкомы должны быть впереди школы..." Помните?..

— Помним... Как же!.. — усмехнулся Гришка. — Вот заперлись — нас и отколотили...

Ребята рассмеялись.

— Факт, — воодушевился Иوشка. — Оттого и колотили... Сидим мы взаперти, будущая ячейка комсомола, и никто про нас ни черта не знает. А "особенные" и распускают разные слухи и агитируют против...

— Так что же делать? Созывать опять собрание, да?

— Да!

— Попробовали... Вчера... Много пришло?

— Не важно, — отмахнулся Иوشка. — Надо так устроить, чтобы пришли... Да что тут разговаривать? Здесь дело ясное: ребят в Шки-

де много, в комсомол хотят и комсомольскую ячейку поддержат. А они про нас ничего не знают. Пойдём к ним, поговорим, подготовим их — и префартовое получится собранище... Факт!

— Факт, — согласился Воробей, — это верно... Наскрёбём в Юнком членов...

— Наагитируем, — строго поправил Сашка...

Агитировать пришлось осторожно и по одиночке. На счастье, "особенные" куда-то из Шкиды ушли, и юнкомцы получили возможность смело ходить по зданию.

Не удалась разьяснительная кампания только Сашке: подобранный его глаз подмигивал так лукаво, что первый же шкидец, которого он остановил, вырвался и поскорее куда-то убежал.

Перед вечерним чаем устроили в музее собрание... Правда, громких о нём объявлений не было, но, тем не менее, ни одна скамейка не осталась пустовать. Пришло пятнадцать человек, что вместе со старыми юнкомцами составило почти треть всех шкидцев. Тут же окончательно оформили организацию, переименовали её в коллестив и выбрали Центральный комитет, куда вошли Иوشка, Сашка, Гришка и Лёнька.

Собрание кончилось, когда в столовую собрались остальные шкидцы. Учредители Юнкома появились после всех, появились спокойно и довольно улыбаясь. Курочка, разжалованный из старост, ждал их выхода и теперь, приставив к губам ладони, закричал:

— Ищейки пришли!

Рядом сидел Будок — новый юнкомец. Будок ударил Курочку по губам. Тот вскрикнул и кувыркнулся под стол. На голову ему выплили чай, и бывший староста взвился обратно. Столовая хохотала.

"Особенных" в этот вечер в столовой не было... Накануне у них вышло одно "дело", а сегодня они, обеспокоенные приездом Викнисора и Юнкомом, решили поскорее продать "фарт" и втихомолку кутнуть. Кутили весь вечер где-то на Обводном, пили, ночь провели,

вытрезвляясь, в милиции, а когда утром вернулись в Шкиду, их уже поджидал Викниксор.

5

Будь они маленькими шкетами, он изругал бы их, отхлестал по щёкам и потом посадил в изолятор, и они лучше согласились бы теперь перенести эти пощёчины, чем его жестокую и холодную речь.

— Мне всё известно, — сказал он, — не отпирайтесь... Я хотел дать вам возможность доучиться — вы пошли воровать. Я предупредил вас — вы сказали: "пугает"... С меня довольно. Ни одного часа вы не останетесь больше в школе. Мне воров и хулиганов не надо. В Лавру!

Сноска. Лавра — распределитель, нечто вроде детской пересыльной тюрьмы. Теперь закрыта.

И ушёл... У Бессовестина, розовенького, кудрявого паренька, задргались губы, и он отвернулся к стене. Остальные молчали. Отправление в Лавру пришло для них совсем неожиданно. Куда девалось Цыганово бахвальство, когда он говорил: "Наплевать!.. В Лавру — так в Лавру!" Теперь он молчал, понимая, что их снова отбрасывают на то дно, откуда они с таким трудом поднимались. А им уже было по шестнадцати и семнадцати лет, они вышли из того возраста, когда можно ещё вернуться в детдом.

Все поняли, что это конец...

Их привели в узенькую светлую учительскую. За огромным столом сидел Сашкец, маленький, похожий на армянина халдей, уже выправлявший их препроводительные документы.

Он покачивал головой и бормотал: "Ах, гуси, гуси лапчатые, что наделали!".

"Особенные" даже теперь ещё не осознали толком, что произошло с ними недавно. После буйного вечера и ночи, проведённой в загаженной камере, пахнувшей испражнениями и креозотом, после бессонного валяния по липким и жёстким нарам, после душевной и

сырой темноты им хотелось просто покоя: свалиться, заснуть, захрапеть.

Гужбан только — как показалось — на минутку закрыл глаза, и ему сразу же представилась полутёмная камера... У решётки пьяный машет ручкою и плачет: "Мопра... спаси!.." А сзади кто-то красноречивый, с запухшим лицом, хрипло спрашивает: "За что вкапался, парнишка?.." Голос звучит очень близко, над самой головой, похожий на голос Сашкеца...

— Подождите, ребята; может, и не пошлют вас в Лавру. За вас юнкомцы хлопочут!..

Гужбан открыл глаза и зашептал: — Только бы остаться... Только бы остаться... Только бы остаться...

— Что ты?

— Так...

— Пошли, что ли, — сказал Сашкец.

Ребята поднялись и двинулись за воспитателем.

Путь до музея показался новым и страшным, словно они шли к экзамену, который во что бы то ни стало надо выдержать и который решал судьбу. В дверях Цыган, шедший первым, остановился и перешагнул порог только когда его подтолкнули.

Думалось, что в музее собралась вся Шкида. И "особенные" поглядели на ряды ребят так, как будто хотели увидеть и своих — сламщиков. Но тех не было. Сидели все, которых "особенные" недавно называли "сознательными". У конца стола, против двери, стоял Иошка с почерневшей, запёкшейся губой, которая особенно бросилась им в глаза, особенно Гужбану, как и Сашкин подмигивающий глаз.

Иошка стоял и спокойно глядел на вошедших. Рядом с ним сидел Викниксор, крепко опираясь локтями на ручки кресел. Бык, Цыган и Бессовестин стояли неподвижно, не решаясь выйти на середину комнаты. Сзади за спинами их неслышно шептал Гужбан:

— Только бы остаться... Только бы остаться... Только бы остаться...
ся...

А Викниксор не торопился начинать; он рассматривал свои руки, узкие, слегка пожелтевшие на кончиках пальцев, с ровно подстриженными розовыми ногтями, с обручальным кольцом на безымянном пальце.

— Моё решение неизменно, — медленно, словно с трудом отделив слова, заговорил он. — Вы должны уйти из школы и уйдёте. Вот прос только — куда?... Ваши поступки дают мне право отослать вас в Лавру. Но по ходатайству ваших товарищей я оставляю вас на две недели в школе. Вы используете это время для занятий, а я приложу все усилия, чтобы устроить вас в другие учебные заведения... Понятно?!

Цыган подумал, что надо бы хоть улыбнуться, но только зажёг губой и выдавил:

— Спасибо!

— Не за что... У вас ещё есть что-нибудь, — обратился заведующий к Иошке. Тот отрицательно мотнул головой. — В таком случае мне прибавить больше нечего.

— Кто желает ещё говорить? — спросил Иошка. — Никто? Общее собрание членов Юнкома считаю закрытым.

Гужбан подошёл к Иошке и, глядя в сторону, сказал, сдерживая свой бас:

— Ты... этого... ты прости меня... я тебя стукнул...

Иошка покраснел от удовольствия и махнул рукой.

— Стоит вспоминать...

А Сашка подмигнул им своим подбитым глазом.

Так прошли второй и третий день существования Юнкома, второй и третий день первой шкидской общественной организации. Но и четвёртый и пятый и другие дни уже не нарушили начатой работы, не принесли никаких изменений, разве что в музее открылся клуб, и "особенные" через две недели уехали в Стрельну, куда выдержали

экзамен в сельскохозяйственный техникум. Воровство понемногу прекратилось, и за эти две недели пропало всего полпуда масла и два одеяла. По-шкидски — сущие пустяки.

А в Шкиде появились новые халдеи, и начался учебный год.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Он пришёл, как и все халдеи, внезапно: фигурой был коренаст, подстрижен в скобку, одет в зелёный полугулупчик, из тех, что носят кондуктора; так уже и хотели его прозвать Кондуктором, но нашла фамилия произнесённая выразительным свистом:

— С-селезнёв.

Это было во время вечерних уроков, после обеда. Селезнёв, от-рекомендовавшись, прошёлся, заложив в карманы руки, по классу, кашлянул и, став напротив Горбушки, гардеробного старосты и заики, спросил:

— Ну-с?.. Что проходите?

Горбушка взметнулся с парты и, полный услужливой готовности, залепетал:

— Э... э... Э... э... К... к... К...

— Коммунизм, что ли? — хотел попытаться Селезнёв. Коммунизм, да?

Староста замотал головой.

— Эт-тот, как его... Г... Г... г...

— Гуманизм, — поднялся Голый Барин. — Гуммунизм прохо-дили...

— Гуманизм, — обрадовался халдей, — А ты знаешь, что такое гуманизм?

— Нет, — чистосердечно сознался Голый: — не знаю. А что?

— Гуманизм, это есть студия гуманорум...

До этого в классе мало кто обращал внимание на нового халдея, — шумели, разговаривали, — но теперь сразу притихли. Купец, ко-торый всегда читал на уроках, изумился внезапной тишине и, ото-рвавшись от книги, пнул в бок Адмирала.

— Что тихо?.. Витя?..

— Не-е... Студия...

— Студия? — изумился Купец. — Ну?

— Ей-богу. Селезнёв говорит.

— То есть как так студия? — спросил Иошка, явно издеваясь. — Почему вдруг студия?.. И отчего студия?.. — Непонятно!

Но Селезнёв рылся торопливо в своём брезентовом портфель-чике и потом выволок на свет трéпанный учебник новой истории Ива-нова, где на одной из страниц в примечании говорилось, что слово гуманизм происходит от латинского "студия гуманорум".

— Паскудство, а не учебник, — покачал головой Иошка. — Что у вас другого не было, что ли?

— Тише, — остановил Селезнёв. — Про гуманизм это я вам ме-жду прочим... Я у вас буду преподавать главным образом политгра-моту.

— Всё едино, — согласились шкидцы. — Шпарьте политграмоту.

— Ну вот, — удовлетворённо вздохнул Селезнёв. — Приготовьте тетрадки. Запишите. "Советская власть есть власть рабочих и кре-стьян..."

— Знаем, — ответили с парт.

— Тише... Написали?.. пишите дальше: "Ленин есть вождь тру-дящегося пролетариата".

— Интересно, — подхватил Сашка. — Что это за "трудящийся пролетариат"?

Иошка же рассердился:

— Не буду я вам это писать!

— То есть как так?

— Да так!

А кто-то с задней парты, одержимый мрачным веселием, доба-вил:

— Корова пасху съела, тебе велела!

И здесь произошло нечто странное и необъяснимое с новым халдеем. Он затрясся, из розового превратился в красного и поро-сячьим голосом закричал:

— В-выйди вон!

Ребята так и шарахнулись на партах.

— Эпилептик, что ли? — с испугу предположил Иوشка.

Халдей, не останавливаясь, кричал, полаясивая зубами.

— Да ладно, ладно... Успокойтесь...

— Выйди во-он!

Ребята топтались вокруг него и, размахивая руками и перекрикая друг друга, пытались втолковать ему, остановить его:

— Да замолчите! В чём дело, скажите нам?

Но халдей кричал!..

— Да что мы вам сделали! Да хватит вам! Да будет!.. Да замолчи ты, чёрт тебя побери!!!

Халдей кричал.

— Да кому выйти-то? — в отчаянии вцепился в него Адмирал.

Рёв прекратился. Все стояли посреди класса, и только один Купец продолжал сидеть на своём месте.

Селезнёв указал на Купца.

— Ты выйди.

Купец апатично поднял голову.

— Я выйди?.. А этого не хотел? — и его самых оглушительных размеров кулак протянулся к носу Селезнёва. Халдей открыл рот, но ребята кинулись к Купцу и поволокли его с парты.

— Скорей... Уходи к чёрту!.. Уходи, Купа... Смотри, опять пасть разевает.

Купец, выругавшись, ушёл. Селезнёв успокоился.

— "Интернационал есть международное объединение рабочих всех стран".

Ребята молчали.

Однако не все шкидцы оказались такими слабонервными, как четвероклассники. У кипчаков

[ЗТ. кипчаками именовали ребят 3-его отделения (класса) школы, см. "Республика Шкид", гл. Улиганштадт]

Селезнёв, прокричавшись до хрипоты, в изнеможении свалился на стул, а младшие, проведая о странностях нового халдея, встретили его дружным воплем:

— Выйди вон!

Так утвердился Селезнёв в Шкиде...

2

Для Гришки и Лёньки дисциплина коллектива оказалась тягостной. Им скоро наскучило работать в Юнкоме. Лёнька уже успел провороваться. Гришка бузил и занимался производством порнографических открыток. Книжки, пожертвованные ими в читальню, они взяли обратно, чтоб загнать на рынке. На лекциях хулиганили, подсмеиваясь, курили, не обращая внимания на постановления общих собраний, а когда им делали замечания, покрикивали:

— Ну, ну, молчи!.. Не твоё дело учить членов Цека...

Наконец у "членов Цека" потребовали объяснений. Гришка и Лёнька дать их отказались. Состоялось собрание, и они ушли из организации.

Ушли озлобленные, с желанием отомстить.

На завтра на стене в столовой уже висела вновь народившаяся газетка "День", где Лёнькиным фельетоном "Коллектив матёрых матёрщиков" против Юнкома открывалась кампания... На ряду с этим Гришка склонил Лёньку вступить в его предприятие, носившее громкое название "Шкидкино", где предполагался "прокат" порнографических туманных картин собственного производства... Предприятие оказалось выгодным. Друзья бойко заторговали, но зато много шкидцев уже через несколько дней были кругом в долгу у ловких предпринимателей...

А Юнком медленно переживал кризис. Вначале казалось, что уход двух шкидцев, учредителей коллектива, развалит всю организацию, — на это и были ушедшие, и об этом злорадно, писал "День".

Но Юнком оправился, пополнился новыми членами; вместо городского и медлительного "Ц. К." учредили президиум из троих че-

ловек: Йошки, Дзе и Сашки. А оправившись, — обрушился на врагов.

Первым своим постановлением обновлённый коллектив прикрыл "Шкидкино", лавочку похабищины, которая окончательно превратилась теперь в гнездо вымогательства и ростовщичества.

Оставшиеся без доходов редактора, доведённые этим до бешенства, с новой силой ударили по Юнкому...

Коллектив решился и здесь. Многим, правда, было жалко расправляться с бывшими товарищами, но — так было нужно...

И в газете "Юнком" появилось обращение президиума:

"Юнкомы! Пора знать и действовать объединённо! Нельзя молчать в то время, когда твой коллектив изо дня в день систематически обливают помоями! Осколок нашего коллектива, пара саботажников, срывающих работу и с позором изгнанных, теперь осмеливаются оплёвывать ту организацию, откуда их выставили. В своей галее зете они открыли травлю против Юнкома, организовав вокруг себя всю шипящую на коллектив сволочь, всех врагов дисциплины и общечеловечности, всех, срывающих нашу работу.

"Довольно молчать! Пусть вся школа знает, что это за птицы... Бесшабашный срыв лекций, ломанье стульев, курение в клубе и постепенное превращение его в хлев и ночлежный дом — вот краткий перечень "развлечений" этих господ. Когда шли лекции, они кричали, возились, в читальне из стульев и плакатов устраивали крепости, которые тут же брались штурмом. Если их просили успокоиться, Еремеев кричал: "Выйди вон! Я — член Цека и помощник заведующего клубом". В дни основания Юнкома было постановлено устроить читальню, и Белых и Еремеев рьяно принялись за её организацию, но в один прекрасный день коллектив нашёл свои шкафы пустыми, потому что книги были разворованы и проданы этими шкидками на рынке. На стене висели "правила пользования клубом", а в самом клубе школа могла наблюдать бой на книгах и игру на биллиарде развеселившихся членов Цека...

"Теперь они клянутся в своей газетке перебить всех юнкомов и называют их подлецами и накатчиками. Помнится, когда в первые дни Юнкома Еремеев прекращал азартные игры, Белых не называл его подлецом и накатчиком. Но теперь они оба, объединившись, затянули эту мрачную песню после того, как получили по рукам.

"Довольно!... Мы — коллектив школьного строительства и не позволим срывать нашу работу подвывалам из "Дня"... Зарубите это себе где угодно, г.г. Белых и Еремеев... Революция не терпит предателей и сметает с дороги всех, кто ей мешает. Запомните это покрепче.

Президиум коллектива Юнком".

Экстренный выпуск "Дня" смог опять ответить на это обращение только бранью и обещанием переколотить всем морды. Но даже и этому никто в Шкиде уже не верил, и "День" кончился так же внезапно, как и начался. Его редакторА, в конце скомпрометированные, без друзей, без доверия, без надежд, махнули на всё рукой, мечтая только собрать денег и уехать на юг, на кинофабрику к Перестиани.

В ноябре, вскоре после этой склоки, с бывшими юнкомцами случилось ещё одно и последнее несчастье: они засыпались с казёнными американскими одеялами.

Это было тёмное дело, и никто не мог поручиться, Лёнька ли с Гришкой тиснули одеяла, или у них украли. Викниксор не стал разбираться в подробностях и, будучи скор на расправу, вышиб обоих приятелей.

В другое время их уход был бы событием, но сейчас прошёл незаметно. Правда, на прощанье старым шкидцам стало грустно, но к вечеру уже всё забылось и смешалось. Да и не было времени грустить, надо было работать, надо было готовиться к очередному учёту.

Из кризиса Юнком вышел необычайно окрепшим и сильным. Бои с врагом сделали его уверенным и настойчивым. Ему уже тесно ста-

новилось в рамках внутришкольной организации и поэтому, когда заговорили об учёте, коллектив решил выступить тоже.

Учёты бывали два-три раза в год. Шкиде они заменяли и экзамены, и выпуски, и акты, словом всё, что может быть торжественного в учёбе. Обычно устраивалась грандиозная выставка, перед гостями демонстрировали знания и достижения ребят, выступали ученики и педагоги, и отчитывалось школьное самоуправление...

На этом учёте три четверти всего времени было посвящено Юнком, настолько заполнил он собою школьную жизнь. Были прочитаны доклады, устав, демонстрировались диаграммы, плакаты и наконец здесь, на учёте, произвели выпуск политшколы коллектива, занимавшейся под руководством Июшки.

Гостей ошеломил этот фейерверк достижений, и никто не был удивлён, когда инспектор в ответной, посвящённой юнкам, речи сказал:

— Если до сих пор мы воздерживались от организации у вас ячейки РКСМ, то теперь вы достойны её... Вы заслужили право называться комсомольцами, и, верьте нам, мы приложим все усилия, чтобы у вас был не коллектив "Юнком", а коллектив Коммунистического союза молодёжи".

Этого Викниксор не ожидал...

3

Вечером после учёта юнкмы отправились в общество Старый Петербург на лекцию.

Впереди, размахивая руками, стремился Дзе с Воробьём и Го-лым, за ним Июшка и Сашка.

Шли по Садовой. Желтки фонарей плавали, отражаясь на мок-рых панелях, по желобам струилась вода, и порывистый осенний ветер бросал в лицо дождевые капли.

Но никто не обращал внимания на непогоду, все шли вперёд, громко разговаривали, счастливые, полные радостных надежд. В общество Старый Петербург юнкамцы начали похаживать ещё с ле-

та. Летом Шкида изучала город; устраивали экскурсии, посещали дворцы и музеи. Во время этой работы и перезнакомились шкидцы с руководителями общества.

Старопетербуржцам пришлось по душе пылкое увлечение ребят прошлым, они стали звать их на свои доклады и лекции — и шкидцы зачастили. Им определённо нравился Петроград, а романтика прошлого, окутывавшая город, делала его ещё более таинственным и привлекательным. Июшка, Кося и другие писали стихи о "камнем скованной Неве", о белых ночах, о тумане, в рассказах действовали таинственные рукописи, клады, сказания и описывался мрачный и великолепный город царей, город Петра и Медного Всадника — чет-вёртый Рим.

Но рядом с этим с тем же увлечением подбирался и исследовался научный материал, который потом соединялся в сборники и док-лады.

И здесь сказалась вся система шкидского образования. О том, что Петроград — индустриальный центр, город революции и строя-щегося социализма — даже не упоминалось. Всё изучение строилось только на внешнем обозрении города и любовании его красотами.

Понятно, что вскоре у шкидцев надо всем поднялось увлечение архитектурой. Началось оно собственно от Сашки. Этот шкидец лю-бил архитектуру, ему доставляло удовольствие рассматривать кра-сивый дом, он знал все стили, формы и приёмы архитектуры и все-гда безошибочно и точно определял их.

Это сделалось модой.

Ни один шкидец не мог пройти мимо более или менее заметного дома, чтобы не задрать голову и не начать рассуждать о его стиле...

Сегодня юнкмы очень торопились: должен был читать сам Стол-пнянский, и опоздать было бы преступно.

С Садовой они свернули на Вознесенский, но проезжавший мимо грузовик заставил их остановиться и подняться на панель.

На углу, под фонарём пивной, мальчик в рваной куртке продавал искусственные цветы. Огромный букет неестественной раскраски, яркий и пёстрый, словно фантастический качан, раскачивался в его руках.

— Стойте, — вдруг крикнул Иوشка. — Стойте, ребята. Да ведь это Лёнька. Честное слово, он... Лёнька!

В оборванном скупастом шкете — продавец искусственных цветов — узнали старого шкидца.

— ЗдорОво!

— Здравствуйте, — Лёнька смущённо улыбался. Он похудел, чернел, выглядел устал и беспокойно. И ребятам стало немножко жаль его.

— Торгуешь? — спросил Сашка.

— Да... Делать пока больше нечего.

— Гришка как?

— Он с газетами бегаёт... На остановке...

— А как же кинофабрика?... Помните, ехать собирались.

Лёнька ничего не ответил. Ребята потоптались, помолчали, было неловко и не о чем говорить.

— Торгуешь, значит?

— Да.

— Так...

В пивной распахнулась дверь — к панели подкатила пролётка, и мужчина стал подсаживать в неё свою спутницу.

— Прощайте, ребята, — метнулся к извозчику Лёнька, — надо торговать. Всего хорошего!..

— Всего! — ответили шкидцы.

Часы показывали без четверти восемь, надо было торопиться в Общество на лекцию.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В школу имени Достоевского.

При сем Институт морально-индивидуально — социального воспитания проф. Подольского препровождает Евграфа Константина 13 лет.

Основание:

Подпись:

1

Костя Евграфов, худенький и сутулый парнишка, по кличке Химик-Механик, стоял в учительской Шкиды, терпеливо ожидая заведующего. Бумажку свою он отдал Сашкецу. Второй воспитатель, тоже чёрный, только помоложе и повыше, с прыщиком на носу, строго приказал:

— Сними шапку.

Химик торопливо стащил чёрный матерчатый треух, из-под которого показалась на свет большая лохматая голова с широкими оттопыренными ушами; вздёрнутый красный нос новичка обиженно и громко шмыгнул.

— Чуть не каждый день присылают нам таких сопляков, — раздражённо говорил высокий воспитатель. — Я прямо не знаю, что мы с ними будем делать.

— Что-нибудь сделаем, — скромно ответил Сашкец. — Куда же им деваться, малышам?..

— Да где же в школе этому огрызку, — высокий ткнул пальцем в сторону Химика, — выдержат в день десять уроков? Он же сразу обалдеет... Школа на отборных ребят рассчитана, на способных учеников, а не на остолопов.

— Надо приспособливаться, Кирилл Иванович... Раньше Виктор Николаевич сам ребят по распределителям отбирал, а теперь всех

их без отбора шлют... Другие времена и порядки тоже другие, коллаги...

— Порядочки, — злобно фыркнул высокий. — Через эти порядочки я поэтику не могу проходить дальше. У меня во втором классе по две ошибки в слове делают, а вы — порядочки.

— Ну что же делать, Кирилл Иванович, не гнать же их на улицу? Приспособиваться нам с вами, выходит, надо, а не по-старому учить. Раньше у нас, говорю, отборный ученик был, таланты в некотором роде, а теперь середнячок идёт, их и учить по-другому надо.

— Раньше драли их, чертей, так они и учились, — заметил дворник, укладывавший в печку дрова. — А то нынче разве наука? Базовство одно. Вы хоть бы их ремеслу учили, — сапоги шить...

— Что ты, Степан! — всполошился и взволновался Сашкец. — Это в приютах раньше одному ремеслу вместо наук учили, сапожников выпускали... И, конечно, правильно ты говоришь, что и били при этом.

— Бьют и нынче, — проворчал дворник: — а насчёт наук, то раньше хоть по крайней мере сапожниками делали, а теперь у вас одни босяки выходят, беспризорники...

— Нет, то есть, как это нынче бьют? — придиричиво вязался высокий воспитатель, ярко пылая своим багровым прыщиком. — Значит и теперь бьют, да? Значит, и у нас бьют, да? Значит, и мы бьём, да?

Про новенького все забыли.

Химик стоял, опустив глаза, с тупым и мрачным выражением, которое всегда бывало у него при встречах и разговорах с воспитателями.

Но ни одна подробность разговора не была упущена им. Он чутко прислушивался и всё-таки никак не мог понять, что представляет собою Шкида.

— Это вам не старый режим! — кричал, пылая прыщиком, высокий воспитатель (дворник ожесточённо молчал). Это при старом ре-

жиме тиранствовали над воспитанниками, унижали и запугивали их, да-с... А нынче обращение всюду гуманное и человеческое... Потому что воспитанники в некотором роде наши младшие товарищи, да-с...

Вдруг он замолчал. Дворник поднялся с полу и снял шапку.

В дверь вошёл высокий пожилой человек, одетый в серый пиджак и синие кавалерийские рейтузы. У него было тяжёлое худощавое лицо, маленькие глаза, блестящие за очками в роговой оправе, стриженные ёжиком волосы и широкие, похожие на лопухи уши.

— Новенький?

— Да, Виктор Николаевич, — разом заговорили оба воспитателя.

— Только что прислали, от профессора Подольского.

Виктор Николаевич взял из рук Сашкеца бумажку, быстро проглядел её и уставился на Химика.

— Ты у меня смотри, каналья! — крикнул вдруг, багровея, заедущий. — Я, брат, не потерплю!.. Я с тобой живо расправлюсь!

Викниксор подбоченился и топнул ногой (дворник расплылся в улыбку).

— Я тебя, голубчика насквозь вижу!.. Ты так и знай, что воровства и хулиганства я не потерплю! Стой смирно! Выпрямься!.. Вынь руки из кармана!.. Ты у меня здесь по-другому заговоришь... Что?.. Что ты там бормочешь?

— Я ничего... — потерявшись, прошептал Химик. Он никак не мог догадаться о причине гнева заведующего, зная за собой только одну вину: украденные у торговли по дороге в Шкиду две пачки папирос. "Но как он узнал?" думал Химик.

— То-то, ничего. Если не нравится, можешь убираться на все четыре стороны. Я воров и хулиганов не держу!.. — Викниксор закашлялся и приказал: — Уведите!..

— А вы обратили внимание, Виктор Николаевич, — спросил в учительской Сашкец, — что новичок — инвалид?

— Нет, не заметил.

— У него нет левой руки.

Не успел Химик осмотреться в гардеробной, как воспитатель заторопил его, и они отправились в класс.

По первоначальному уроку промелькнул быстро. Природовед — тусклое, обсыпанное пылью существо в пенсне и чёрной студенческой тужурке — громким и вялым голосом объяснял про хитиновый покров. Что такое хитиновый покров — новичок понять не успел, потому что урок кончился.

В перемену Химика окружили шкидцы и стали рассматривать. Кто-то спросил фамилию — Химик ответил. Он удивлялся, что к нему не пристают и не задирают. Потом сосед его по парте, маленький и пухленький шкидец, по прозвищу Мышка, стал рассказывать про Шкиду. Прозвали этого шкидца Мышкой за маленький рост, круглость и внешнюю тихость.

Тихостью в Шкиде называлось умение тихо и незаметно делать "дела", что весьма успешно он проделывал с викниксоровской мамашей.

Эта подслеповатая, еле двигающаяся старушка, прозванная шкидками Совой, готовила обычно на общей кухне. Всегда околачивавшийся там, имевший пристрастие к еде, Мышка, когда видел, что готовится что-нибудь по его вкусу, тихонько исчезал из кухни и, притаившись в тёмной прихожей около викниксоровской квартиры, терпеливо поджидал Сову.

— Витенька, — входила к Викниксору старушка, — сядь, покушай котлетку! — и протягивала перед собой подносы.

Протягивала и не замечала своими уставшими жить глазами, что на подносике, кроме пустой тарелки, ничего больше не было, а Мышка в другом тёмном углу уже хрустел заботливо поджаренной котлеткой.

Ел осторожно, откусывая по маленькому кусочку — совсем помышину.

Воспитателей Мышка величал халдеями, заведующего Викниксором, природоведа Амёбкой, а высокого воспитателя Кирилла Иванича звал попросту Кирой.

Со следующего урока начались Химиковы мучения. Каждый преподаватель вызывал его к доске и заставлял отвечать. Химик поспешно вылезал из-за парты, выходил вперёд, но молчал. Глаза были опущены вниз, и лицо принимало привычное выражение — мрачное и тупое.

Худшие ожидания новичка оправдывались: в Шкиде действительно учились много. До обеда он вытерпел четыре урока, а на седьмом (третьем после обеда) его начало мутить.

— Ну что, кончились? — спросил он у соседа, когда прозвенел звонок и ребята начали вытаскивать шапки.

— Ум-гу... Два часа до ужина гулять можно...

— А потом?

— Потом — ужин.

— Не-е... После ужина что?

— Уроки опять. До чая... — И Мышка, напялив шапку-треух, убежал, а Химик медленно полпёрлся в зал.

Ребят в школе уже не было. Кто ушёл на двор, кто на улицу, кто на дальнюю прогулку. И в этой гулкой тишине пустынного здания новичок почувствовал себя уютнее.

Он два раза съехал по перилам, покатался на подмётках по свеженатёртому паркету и пошёл осматривать Шкиду.

Наверху ничего интересного не было, — детдом как детдом, только почище и поопрятнее, чем в институте у Подольского. Тянулись одной линией классы: умывалка, музей, спальня, гардероб.

Внизу тоже всё, что полагается в детдомах: кухня, спальня мочевики, учительская, столовая. За столовой — класс четвёртого отделения и дальше ещё комната с вывеской: "Коллектив Юнком. Клуб"...

Химик вернулся назад и стал на площадке.

Сбоку была какая-то дверь, за этой дверью ещё дверь и коридор. Коридор освещало маленькое оконце. Оконце освещало двери маленького чуланчика, запёртого висячим замком.

Химик быстро оглянулся и прислушался. Потом ловко и умело сбил замок и юркнул в чуланчик. Обшарить его было делом одной минуты, но там ничего, кроме старых войлоков, не оказалось.

"Запирают ещё", подумал Химик, пряча за пазуху замок и осторожно выходя на лестницу.

Химик опять поднялся вверх и остановился в дверях пустого зала. Массивные ручки литой бронзы, изображавшие геральдических львов, заинтересовали его. Он осторожно погладил холодный металл. Подёргав ручки в стороны, он посмотрел винты и быстро пошёл к себе в класс. В классе новичок запрятал сбитый замок в угол своей парты, из парты достал отвёртку и опять двинулся в зал.

Но там уже были шкидцы. Двое ребят медленно ходили по кругу и разговаривали. Один, волосатый, на длинных кривых ногах и в долгополом пальто, упрямо и без выражения убеждал своего соседа, которого звал Июшкой, что Пушкин реакционный писатель. В доказательство долгополоый болеющим голосом декламировал:

--

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы
И на пирах разгульной дружбы
И в сладких таинствах любви.

--

Июшка звал своего соседа то Косей, то Козей, то Козьей Ножкой, нервно размахивал худыми руками и, брызжа слюной, доказывал, что Пушкин революционер.

В доказательство он читал:

--

О, юный праведник, избранник роковой,

О, Занд, твой век угас на плахе,
Но добродетели святой
Остался глас в казнённом прахе.

В своей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной могиле,
И на торжественной могиле
Горит без подписи кинжал.

--

— Задрюги, — забормотал Химик. — Не могли у себя в классе наговориться. Только с дела сбивают... Козы ножки!..

А Июшка с Косей ходили и спорили. Кося блеял как коза. Июшкин нос покраснел и походил на пуговку.

Но вот, наконец, парочка решительно направилась в коридор. Химик обрадовано вздохнул и сжал в кармане отвёртку. В это время из других дверей выскочили в носках ещё двое ребят — высокий черноглазый грузин и маленький, похожий на воробья паренёк: они быстро разостлали коврик, поставили рейки и начали с разбега прыгать через верёвку.

"Придётся ночью ручки вывёртывать!" — недовольно подумал Химик и, простояв ещё немного, медленно возвратился в класс.

2

Короткий осенний день кончился. По классам зажглись лампы. Шёл десятый урок, и в Шкиде было тихо.

Химик сидел за своей партой и тихонько, стараясь не привлекать внимания халдея, разбирал и рассматривал замок. Вообще на учителя сейчас мало обращали внимания. Кто незаметно рисовал, кто читал под партой книгу, кто просто дремал.

После чая Химик снова начал слоняться по школе. Он заметил, что очень много ребят идёт в четвёртое отделение и пошёл за ними. Оказалось, что все шли дальше, в дверь под вывеской "Коллектив Юнком. Клуб".

Это была небольшая продолговатая комната в два окна, вся завешанная по стенам красными плакатами, рисунками и зеленью. Через комнату тянулся длинный под зелёным сукном стол, вокруг которого сидели и читали газеты шкидцы... Вдоль стен стояли столы. На них играли в шахматы, шашки и "тихие игры". Половину стены против окна занимал шкаф, полный книг, а на другой половине висел плакатик с надписью: "Президиум". Под плакатом находился письменный стол, в беспорядке обставленный стульями и завалянный бумагами и делами.

Здесь Химик увидел Викниксора.

Викниксор разговаривал со стриженным круглолицым шкидцем лет пятнадцати. Вспомнив утреннюю встречу, Химик беспомощно заморгал и стал отходить обратно. Но круглолицый парнишка уже заметил новичка и, оставив Викниксора, подошёл к двери.

— Не бойся, — сказал он Химику. — Входи, не опасайся. Тут все свои люди.

Химик потоптался на месте, исподлобья оглядывая шкидца. Потом кивнул на Викниксора.

— А вон... живоглот.

— Кто-о!..

— Живоглот, — шмыгнул носом Химик. — Викниксор ваш...

Шкидец поднял брови...

— Почему Живоглот и почему наш? — спросил он. — Ты ведь новенький, тебе от него попало, да? Ты чего-нибудь наделал уже!..

— Ничего я у вас не наделал, — обиженно зашмыгал носом Химик. — Я только утром пришёл к вам, а он в учительской и давай на меня кричать... и ногами топал...

— Опять, — покачал головой шкидец. — Опять за старое принимается... Это у него привычка такая — новичкам бани устраивать. На испуг берёт. Придётся опять вопрос на президиуме поставить. Одёрнуть надо...

— Кого?!

— Да Викниксора! О ком же мы говорим?..

Химик выпучил на шкидца глаза и целую минуту не мог пошевелиться.

И когда шкидец пошёл опять к столу президиума, Химик поплёлся следом, забыв даже пошмыгать носом, до того он был огорашен.

Шкидца звали Сашкой. У стола его окружило несколько человек, начавших говорить о делах. Химик, чтобы не мешать, уселся рядом, прислушиваясь и оглядываясь.

Викниксор теперь разговаривал на другой стороне комнаты с Юшкой. В клубе на заведующего не обращали внимания, очевидно, считая его обычным посетителем. Но Химик всякий раз вздрагивал, когда острый за очками взгляд Викниксора останавливался на нём. Химик вздрагивал и отводил глаза на Сашку.

И вид спокойного сытенького шкидца, суетливо рассуждавшего о дисциплине, старостах, стенгазете, успокаивал его, хотя новичок по-прежнему всё-таки ничего не понимал в окружавшем.

Удивляло его, например, что книги и игры ребята брали и ставили в шкаф обратно сами, а Сашка даже не обращал на это внимания.

Невольно вспоминал Химик институт Подольского, где, правда, клуба не было, но зато по четвергам устраивался "клубный день". Воспитательница Анна Петровна приносила в класс старые затрёпанные игры "Вверх — вниз" и "Тише едешь — дальше будешь". Игры давались под расписку, с угрозами и предостережениями. Но всё-таки всякий раз ребята что-нибудь воровали или портили. Анна Петровна поднимала крик, приходил сам профессор, и ребят наказывали.

"Тут наверно игры у них свои собственные! — думал Химик. — Ну факт, что собственные... Не может быть, чтобы казённые... Только зачем они их потом прячут?"

Пришёл высокий черноглазый грузин, тот, что прыгал в зале через верёвку, и сразу закричал:

— Ну, братва, Йошка, Сашка, давай заседать, что-ли! Мне некогда.

Йошка оставил Викниксора, а Сашка, засуетившись, нагнулся к Химику.

— Вот что, — заговорил он: — у нас сейчас заседание президиума будет, а ты иди пока поиграй... Хочешь играть?..

— Хочу... Только... — запнулся Химик: — только у меня игр нет, и не умею.

— У нас игры казённые. А играть научишься... Будок! — крикнул Сашка, обращаясь к костлявому рыжему шкидцу: — вот, возьми-ка новичка, займись с ним!

Будок повёл Химика к маленькому столику у стены и усадил его напротив себя. Кубышка — низенький и толстенный, с еле заметными монгольскими усиками шкидец, — сел сбоку как судья.

Игра была интересная. Двигались по квадратам миноноски, крейсера, дредноуты; взрывались мины, торпеды, подводные лодки. Два флота стояли против друг друга и сражались.

— Конец! — важно провозгласил Кубышка. — Будок победил.

— Д-да, — Химик огорчённо шмыгнул носом. — Надо бы мне было тогда его крейсер топить, а я за дредноутом погнался.

— Стану я дредноуты тебе зря подставлять, — снисходительно процедил Будок. — Тут, брат, техника. Пока ты за дредноутом гонялся, моя подлодка твой тыл разгромила.

К игравшим подошёл Сашка — заседание президиума кончилось, и ребята разошлись.

— Ну как? — спросил он позёвываая. — Обыграли новичка?

— Нет, — возмущился Химик и даже покраснел, — я сам ошибку сделал... Понимаешь, мне надо было его крейсер топить, а я дредноут захотел. Понимаешь?

— Нет, брат, не понимаю. Я не играю в игры.

— Жалко... Ты знаешь, обязательно эту игру выучи! Префартовая, ей-богу. Хочешь, выучу?

— Нет, уж потом как-нибудь. Играйте сами.

Когда прозвонили "спать" и шкидцы один за другим ушли в спальни, Химик всё ещё сидел за столом и рассматривал картинки в "Науке и технике". Сашка окликнул Химика и, потушив свет, они оба отправились наверх. Сашка остался в большой спальне, Химик прошёл дальше в боковую первого отделения.

Ручек он ночью не отвинчивал.

3

Уроки следующего дня показали Химику уже менее тяжёлыми. Ему выдали две тетрадки, карандаш, вставочку и велели учиться. Карандаш и тетрадки Химик сразу же обменял на шило, а вставочку за ненадобностью выкинул. Потом опять разбирал и свинчивал замок, а когда дневные занятия кончились, снова пошёл в зал.

За день Химик немного узнал ребят, но сойтись с ними не пытаясь. Он подождал, пока все разойдутся, покатался в зале по скользкому паркету, проехал два раза по перилам. Но скоро ему это наскучило, почему-то потянуло видеть Сашку.

В классе четвёртого отделения было тихо. На учительском столике двое ребят играли в шахматы. На задних партах сидело ещё трое: в самом углу здоровый детина, подпирая огромными кулаками голову, сосредоточенно читал толстую растрёпанную книгу. На спящей парте сидел вчерашний высокий грузин и тоже читал; при этом он посвистывал и вертел между пальцами ножик; на третьей парте ближе к свету сидел Сашка и что-то переписывал в тетрадь.

— А-а, здорово!.. — приветствовал он Химика. — Ну, садись, гори, рассказывай, как дела.

— Ничего дела, — ответил Химик и, оглянувшись, вынул из кармана пачку папирос, протянув её Сашке. — Закуривай.

— Спасибо, — поблагодарил Сашка, беря две папиросы. — Вот сейчас допишу и пойдём в уборную...

Новичок махнул рукой.

— Кури, не бойся... Воспитателей нет.

— Дело, видишь ли, не в воспитателях, — спокойно, продолжая писать, ответил шкидец. — Вообще у нас в шкиде курить не запрещают, а только в уборных велят.

— Ну? — удивился Химик, — неужели не запрещают? А я-то, дурак, курю вчера в уборной и чуть шум — тарочку в карман: все штаны поспалил... У нас в институте кого увидят с папироской без обеда оставляют.

— А я слышал наоборот: там сами халдеи у вас на папиросы хлеб выменивают.

— Есть и такие... Пулок, например, воспитатель один, всегда домой по полпуда хлеба уносил. Хороший воспитатель!

— Ну, это как сказать, — усмехнулся шкидец. — Такое барахло прямо с приплатой отдавать надо.

— А кто это? — тихонько спросил Химик. — Вон тот, что с Кубышкой играет, густоволосый?

— Володька... Голый Барин.

— Голый Барин... Почему Голый?

— А чёрт его знает, прозвали так. А тебя почему Химиком звать?

— Так... Механикой я очень интересуюсь, вообще техникой... меня и зовут все — Химик-Механик.

— Ага... Химик-Механик... Понятно. Да, между прочим, Дзе! — крикнул Сашка грузину на соседней парте: — Вот тот новичок, о котором вчера на президиуме толковали. Видишь, — опять обратился он к Химику, — президиум поручил Йошке поговорить сегодня с Викниксором, чтобы он эти свои приёмчики отменил.

Здоровый детина в углу в это время оглушительно чихнул, потом поковырял в носу и перевернул страницу.

— Ничего себе стреляет, — хихикнул Химик. — Кто это?

— Кулец.

— Настоящий кулец?

— Ну нет, брат, подымай выше, — барон. Только вид у него действительно как у купца какого.

— А это кто? — указал на Дзе Химик.

— А это ещё чином выше: князь грузинский, Джапаридзе. Ты с ним, пожалуйста, не ссорься, а то он тебя ножом зарежет!

При последних словах Дзе самодовольно улыбнулся и ещё быстрее завертел ножиком.

Парта, за которой сидел Сашка, напоминала книжный склад и мусорную кучу. Лежали старые газеты, тетрадки, валялись открытые и закрытые книги, цветистые толстые журналы высовываясь торчали из ящика.

Химик осторожно наклонился и, отогнув страничку, заглянул внутрь.

— Бери, бери, вытаскивай, — поощрительно крикнул Сашка. — Вообще, бери и читай, что хочешь. Только обратно приноси. Это всё казённые.

4

Химик каждый день ходил в клуб и постепенно привык к тому, что Сашка с ним всё время разговаривает, расспрашивает и старается занять чем-нибудь интересным.

Но раз случилось, что шкидец почти не обратил внимания на новичка, а, суетливо потирая руки, крикнул: "Сейчас будет доклад", и убежал.

Таким невниманием своего нового друга Химик остался недоволен. Потом подумал, что доклад наверно штука хлопотливая и занятная, и стал дожидаться начала.

Особенных приготовлений в клубе не было, только ребят пришло больше, чем обычно, да ещё — когда все места оказались занятыми — притащили из столовой две скамейки. Потом опять прибежал Сашка, внимательно осмотрелся и снова исчез.

Химик между тем пробился в первые ряды и спросил соседа:

— О чём доклад, не знаешь?

— О международном положении, — скороговоркой ответил тот. — Вон и объявление висит, прочти.

Но в это время опять открылась дверь, и Сашка ввёл за руку смущённого шкидца с красным веснушчатым лицом. Они оба прошли к маленькому столику, приготовленному заранее, и Сашка, суетливо выморкавшись, объявил:

— К порядку... Сейчас товарищ Фёдоров, ученик второго класса, делает обзор международных событий. Прошу сидеть спокойно и притавливать вопросы. После доклада будет собеседование. Ну, Федорка, начинай.

Сашка отошёл и сел сбоку, а докладчик Федорка, зардевшись ещё больше, несмело подошёл к столику и начал разворачивать тетрадки.

— Товарищи, — решившись наконец, начал он. — Тот момент, когда мы... и когда вы, т. е. буржуазия... когда эти, как их, ну...

— Международные акулы, — со свистом прошептал Сашка...

— Международные акулы идут и наступают на эту, как её, ну...

— Мозоль?..

Публика задвигалась и начала шуметь... Химику стало очень весело; он толкнул в бок соседа и захихикал. Докладчик, растерявшись, замолчал.

— Тихо, — обернувшись к Химику и каким-то новым незнакомым голосом крикнул Сашка: — Побузи у меня ещё, живо выплетишь! Пришёл слушать — слушай, а хихикать нечего! Вали дальше, Федорка!

Собрание успокоилось.

Химик в первую минуту испугался; потом неприятная и тяжёлая злоба разом поднялась в нём, к лицу хлынула кровь и сильно застучала в висках. И он почувствовал, как уже весь дрожит от злости к этому спокойному круглолицему шкету. И странное дело, — он никогда раньше не чувствовал такого состояния, хотя с детства терпел и ругань, и издевательства, и побои. Теперь из-за одного только незначительного окрика, из-за нескольких незначительных слов уже до бесконечности, до боли, до бессознания ненавидел этого человека.

И так велико было негодование Химики, что он всеми силами старался скрыть и не выдать его. К концу доклада он уже был спокоен.

— Ну, и ты тоже хорош, нечего сказать! — подошёл вдруг и сел рядом Сашка. — Я думал, ты парень серьёзный, книжки читаешь, а выходит — понятия в тебе ещё мало.

— Понятия хватает, — еле сдерживаясь и боясь заплакать, отвечал Химик: — а только ты кричать не имеешь права. Ты не воспитатель, чтобы замечания делать.

— Значит, по-твоему, нам надо в клубе халдеев держать, да? — настойчиво продолжал Сашка. — Значит, товарищ тебе замечания не имеет права делать? Значит, если ты придёшь в клуб и начнёшь хулиганить...

— Я не хулиганил... Подумаешь, посмеяться нельзя.

— Нельзя. Очень даже нельзя. Ты думаешь, легко было заставить выступать этого Федорку? Ведь я с ним целую неделю бьюсь. Раз а три репетировали, раза три он отказывался, пока не сделал доклад.

— Тоже доклад, — фыркнул Химик, — такой и я сделать могу.

— И сделай, в чём дело?

— Ну, и сделаю... А задаваться нечего! Думаешь, что завклуб, так и задаваться можно...

— Стой. Ты мне зубов не заговаривай. Значит, берёшься сделать доклад. Так и запишем. Теперь скажи тему и когда будешь выступать?

Химик растерянно посмотрел на Сашку. Шутит он или нет? Сашка ждал ответа...

— Н-не... Я не знаю, — запинаясь пробормотал Химик. — Какой доклад?

— Самый обыкновенный, как Федорка делал. Впрочем, если сейчас не можешь сказать названия, — скажи завтра. Я подожду...

— Ладно, завтра скажу, — обрадовался отсрочке Химик. — Тогда ко...

— Что?

— Н-нет... Так, ничего, потом...

И ушёл.

5

"Ну, и вкапался же я! — думал он, сидя в своём классе за партой.

— А Сашка какой хитрый. Ишь, как разговор обернул: сделай, говорит, сам..."

От скуки Химик опять начал разбирать замок, не dokonчив, швырнул обратно в парту и задумался.

Потом достал сашкины книжки, долго перелистывал, перескакивая со страницы на страницу, пока не вчитался.

Но и читать ему долго не пришлось. Заскрипела дверь, и в класс пришёл тот, кого он меньше всего сейчас хотел видеть, — Сашка.

— Вот какое дело, Химик-Механик, — заговорил Сашка, — я для твоего доклада занимательную тему придумал. Ты ведь техникой интересуешься?

— Ну?

— Сделай доклад о Волховстрое. Тема — что надо... Ребята наши здорово этим интересуются, прямо толпой пойдут. А насчёт материалов, возьми вот газету и вот ещё эти. Читай, что карандашом обведено и выбирай самое главное. Потом скажи мне, и мы потопкуем. Идёт? Теперь насчёт срока. Торопиться не надо и, думаю, что недели тебе хватит.

— Хватит, — тоскливо ответил Химик. — Как раз.

— Ну вот и всё. Работай.

Сашка ушёл, а Химик посмотрел ему вслед, выругался и сунул газеты в парту.

На другой день, уже твёрдо решившись отказаться от доклада, Химик пошёл в четвёртое отделение. Сашки в классе не было, но на его парте сидел юнкомовский председатель Июшка, который гостеприимно закричал:

— Товарищ Евграфов! Ну что, как доклад, подвигается?

— Плохо, — растерявшись от неожиданности, соврал Химик: — я не знаю, как делать.

— А конспект у тебя написан? — деловито спросил Июшка. Нет? Как же можно без конспекта доклад делать. Напиши вначале конспект и план доклада... Газеты прочитай?

— Прочитал, — снова соврал Химики и покраснел. — Все...

— Отлично! Теперь тебе конспект составить легко... Сперва, значит, рассказы, кто и зачем решил строить Волховскую гидростанцию. Потом рассказы где и когда и в каких условиях начали строительство... Потом рассказы, в каком сейчас всё положении. Не забудь заметить, сколько оно стоить будет государству. Ну, и наконец — когда строительство будет окончено и какую принесёт нам пользу. Вот и всё.

— И всё!?

— И всё. Как раз что и надо... Особенно не расплывайся, говори поменьше, покороче. Понимаешь?

— Теперь-то я понимаю! А то...

— Что?..

— Нет, так... Ну, пока, пойду, всего...

.....

В четверг весь вечер Химик читал газеты.

В пятницу говорил с Сашкой и начал конспект.

В субботу и воскресенье ходил в отпуск.

В понедельник проверял с Сашкой конспект, а вечером был на юнкомовском собрании и прислушивался, как надо говорить.

Во вторник ходил и готовился весь день, видел объявление: "В среду в 8 1/2 часов вечера в клубе состоится доклад на тему о Волховстрое. Докладчик тов. Евграфов".

В среду после уроков Химик пришёл к Сашке и, захватив его, привёл в клуб.

— Вот что, Сашка. Ты посиди вроде публички, а я тебе доклад сделаю. После ты скажешь, хорошо у меня выходит или нет.

Из клуба Химик выскочил весёлый и даже засмеялся от удовольствия.

А наверху в зале натерли полы, и уборщица Аннушка чистила мелом дверные бронзовые ручки.

6

Вечером в клуб Сашка привёл Химика за руку. В клубе горели все четыре лампочки и было полно ребят.

— К порядку, — высморкавшись, сказал Сашка. — Сейчас товарищ Евграфов, ученик первого класса, делает доклад о Волховстрое. Прошу сидеть спокойно и приготавливать вопросы. После доклада будет собеседование... — Ну, Химик, начинай.

Как он заговорил, Химик не помнил, но вдруг запутался где-то в словах.

"Ленин сказал... кооперация... плюс электрификация..."

В рядах громко засмеялись.

— Кипирация плюс электрификация...

— Тише! — обернувшись к остраку новым и незнакомым голосом крикнул Сашка. — Побузи ещё у меня — живо вылетит. Пришёл слушать — слушай, а хамить нечего! Вали дальше, Химик...

Викнатор сидел у стола, полуобернувшись к юнкам, пришедшим говорить с ним о комсомоле. Он ковырял в ухе, внимательно рассматривал найденное там и растирал в пальцах. Вид его был неопределённый и скорее недовольный; он намеревался и не слушал Иоску, потому что вдруг прервал его и, грузно повернувшись в кресле, заговорил:

— Да, комсомол — вещь хорошая, но не для нас...

Это озадачило ребят. Иоска переглянулся с юнками и, стараясь говорить бодро, возразил:

— Почему? Ведь Юнком тоже комсомольская организация. Мы хотим только переименоваться...

— Ах, дело не в названии. Нашей школе вовсе не нужен комсомол. Юнком занимается и занимается школьным строительством. Комсомол займётся политикой, а школе этого не надо.

— Но ведь и Юнком тоже занимался политикой?

— А кто говорит, что Юнком — совершенство. Нам нужна совсем другая организация... Такая организация, которая существует в английской школе. Там, например, есть объединения лучших учеников — тутеров. [Здесь: тутЕры, в журнальном же варианте "Резец" (РНБ ПЗ5/26, БАН I 0708) 1930: тутОры — прим. ред.]. Тутеры помогают воспитателям в их работе, занимаются с отстающими, выясняют и пресекают проступки своих младших товарищей. У них есть свои выборные органы, спорткоманды, и всю работу они проводят в тесной связи со своими учителями.

— Знаете, Виктор Николаевич, — жёлко произнёс Иоска, — по нашему между комсомолом и вашими тутерами очень большая разница.

— Только та, что тутеры для нас нужнее.

— И потом, — вмешался Сашка, — тутеры у нас не пройдут. Это же накатчики. Их бить будут.

Викниксор замолчал. Секунду он что-то обдумывал и наконец осторожно сказал:

— Конечно. Их бы били.... Но после Юнкома... мне казалось... я думал... этого уже не будет...

— Значит, что же... Значит, вы хотели, чтобы Юнком подготовил почву для тутеров?

— Нет... Я думаю... я предполагал... я был уверен, что вы постепенно придёте к сознанию необходимости подобной организации. Я... стремился к этому...

Вдруг Викниксор спохватился:

— Это, конечно, между нами.

— Мы понимаем, — мрачно ответил Июшка. — А если всё-таки нам лучше комсомол?

— Ваше дело. Вам обещали — идите, хлопочите

2

— Ну что ты теперь на это скажешь, Июшка, а? Что ты теперь скажешь?

— Что скажу, — Июшка остановился, шумно втянул в себя воздух и огорчённо взглянул на Сашку: — Ничего, брат, не скажу.

— Нет, но ты пойми, что это значит: это же обман, уловка, гибель! — Сашка суетился около Июшки, забегал вперёд и заглядывал ему в лицо: — Это-же политика...

— И никакой тут нет политики. Просто у Викниксора в грудях бушуют чувства, — он и проговорился. А нам между прочим наплевать, — только и всего, Юнком он ничего сделать не посмеет.

— А я вот не могу верить Викниксору. Он прежде всего халдей.

— А мы шкидцы?

— Да!

— Во-первых, Викниксор не волк, а мы не бараны. Юнком теперь организация сильная и стоит за себя.

— А как же комсомол?

— Организуем и без Викниксора.

— А он будет волынить!

— Не посмеет.

— А если посмеет?

Июшка ничего не ответил и пожал плечами. Они пошли по коридору к клубу. Сильный шум нёсся из открытых дверей. Покрытый зелёным сукном стол с газетами был сдвинут в сторону, шахматы в беспорядке рассыпаны по доскам. Юнкомцы, возбуждённые и кричащие, столпились вокруг Коси Финкельштейна. Будок, ставший от злости ещё костлявее и рыжее, насккивал и махал кулачками на поэта:

— Сволочи!.. Барабанная шкура!.. Гад!.. Побежал, небось теpery!... Раньше не бегал? — невыгодно было, да?

— Что тут такое? — спросил Сашка, подумав, что Кося по привычке где-нибудь что-нибудь украл...

— Так как же, — обратился к Сашке Будок: — Дзе тут раньше вас от Викниксора пришёл. И только рассказал про его разные там намёки, про разных там тутеров, как этот Кося срывается с места и говорит: я ужоу из Юнкома!..

Кося Финкельштейн стоял в толпе сторбившихся, растопырив кривые ноги и, покусывая пальцы, упрямо твердил:

— Я ужоу из Юнкома.

Сашка беспомощно оглянулся.

— Ты, конечно, шутишь? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Нет.

— Серьёзно?

— Да.

Сашка посмотрел на Июшку, ожидая от него поддержки, но тот круто повернулся и вышел вон. За ним ушёл и Кося.

— Между прочим, — робко и стараясь говорить независимой обрательлся новичок Химик к Сашке, — Кося, по-моему, чумовой. Ну факт что — чумовой. Вскочил тут, запищал: "ужоу, ужоу!"

— Шкурник он, вот кто, — крикнул Будок.

— Ну и что ж из того, что он ушёл? — уже смелее снова вмешался Химик. — Стоит из того шум подымать? Пусть уходит.

— Значит, по-твоему, Юнком проходной двор, да? — набросился на новичка Сашка. — Значит, мы должны каждого юнкомца чуть что вышибать, да?..

— Да ведь Кося сам ушёл! — завопил Химик, растерянно уставясь на Сашку.

— Ну и что ж из того, что сам?.. Надо узнать, почему ушёл. Может, он сдуру, а может он и действительно псих. Вообще мы, как организация, должны стремиться и вообще бороться. И чтобы все юнкомцы поступали организованно и без бузы!

— Это ты хорошо говоришь, — ехидно усмехнулся Будок. — А почему сам председатель этого не исполняет? Взял и ушёл?

— Стой, ребята! — замахал руками Сашка, предчувствуя длинный спор: — Плюнем на это. Сейчас о комсомоле говорить надо, а не спорить!

Вечером перед сном Сашка разыскал Иوشку сидящим на тёплой плите в кухне. Сашка второй год был в Шкиде и хорошо знал характер своего неразлучного приятеля. А тот уже собственно был со всем большим человеком. Скитания по приютам и детдомам в конце издёргали его, сделали нервным и вспыльчивым.

Были ль у него родные? Кто они такие? Никто не знал, не знал и сам Иوشка. Так и бродил он по свету. Один со своими книжками и стихами.

Он много работал: читал, писал, занимался с ребятами по политике; руководил Юнкомом, а это значило, что и всем самоуправлением, всей Шкидой. Он поддерживал себя в этой работе только надеждами, только победами, только жадой преодоления трудностей. Их всегда удавалось преодолевать ему, — правда, ценой нервов, ценой длительного, отнимавшего много сил напряжения. Но достаточно было появиться маленькой неприятности, совсем, может быть, маленькому и незначительному препятствию, для Иوشки не-

понятному и неожиданному, как у него сразу опускались руки и пропадала всякая охота к деятельности.

И эту черту характера своего друга прекрасно знал Сашка, понимая, почему не совладал с собой Иوشка, услыша странное заявление Коси. Но Сашка знал ещё, как важна сейчас была Иوشкина работоспособность, и он заговорил о случае в клубе.

— Но ты пойми, Сашка, — с отчаянием и начиная волноваться и дёргаясь бледным испитым лицом, отвечал Иوشка. — Ну, я могу бороться с Викниксором, могу бороться с бузой, с расколом в наших рядах, но когда твои же друзья покидают тебя вдруг, в самый ответственный и опасный момент...

— Пустяки это, Иوشка !..

— Хороши пустяки! А если и все так побегут? Ведь это же будет позорно, прямо гроб будет, когда останутся двое — трое...

— Ты, Иوشка, плохо ребят знаешь. Они вовсе не шкурники.... Они нас не оставят... А вот когда ты из клуба ушёл, у меня, поверишь ли, сердце дрогнуло. Неужели, думаю, уйдёт?..

— Что ты, — даже отшатнулся Иوشка, — Разве я когда-нибудь был ренегатом?

— Про это я ничего не говорю. Я про то, что теперь за халдеями следить надо. Они, Викниксоры, хитрые — и не заметишь, как своему всё сделают. Факт!"

В кухне было жарко и душно. Пахло хлебом, тряпками и какой-то съедобной кислятиной. Разомлевшие и жирные зимние мухи ползали по желтоватым истрескавшимся кафлям, по стенкам, изредка снимались и тяжело перелетали с места на место. Из незакрытого крана быстро и звонко бежала вода, и стук капель вместе с торопливым стуком стенных часов-ходиков единственно нарушал тишину.

Иوشка сидел на плите сторбившись, опустив голову, и не глядел на своего соседа...

— Ладно, Сашка, — сказал он. Много здесь разговаривать не приходится. Плюнул бы я и отошёл, да дел уж очень много начато

— ничего не поделаешь, тянуть надо... Про Косю забудем. Поговорим об этом завтра, на президиуме, подготовь к нему материал... А я с утра в Губоно двину насчёт комсомола... Идёт так?

— Конечно идёт; о чём и разговор весь!..

3

— Сашка! Сашка! Скорей!

Сашка сбежал с лестницы. Июшка стоял внизу бледный, с покрасневшими глазами, со сбитой на затылок кепкой.

— Знаешь... Нам комсомол не разрешают, запретили...

— Кто?!

— Я был сейчас в Губоно, и мне так сказали.

— А как же говорил инспектор?

— Я сказал им это... Они ответили, что наш заведующий...

— Викниксор?

— Да, Викниксор не хочет, а они боятся разрешить.

— Ну, а что же ты?

— Что я? Кричал, требовал, угрожал, — меня вывели вон.

Сашка стоял, схватившись за перила, и никак не мог ничего сообразить.

— Что ж теперь будем делать?

Июшка ничего не ответил и, как-то странно взмахнув руками, пошёл в клуб.

Вечером собрался экстренный пленум коллектива. Обычно веселого и энергичного председателя Июшки нельзя было узнать. Он вяло и тихо пробормотал сообщение о том, что было с ним в Губоно, потом сел и уже больше не произнёс ни слова, предоставив вести собрание Дзе. Сашка видел, как подействовало поведение председателя на остальных ребят, но он знал, что растолкать, расшевелить сейчас Июшку было делом уже невозможным!

Собрание было возмущено происшествием в Губоно. Долго спорили, кипятились, ругали Викниксора, ругали отдел, ругали инспектора, потом написали резолюцию — "ходатайствовать перед райко-

мом". — Но в неё мало кто верил. Разошлись с тяжёлым чувством неожиданно надвинувшейся беды.

Ночью окончательно разнервничавшийся Июшка разругал материю дежурного халдея, и в Летописи появилась запись: "Ионин за грубость исключается из Юнкома". Но на другой день после скандала запись зачеркнули, сказав, что вышло недоразумение. Хотя Кубышка клятвенно уверял всех, что почерк записи был викниксоровский.

4

Утром во время урока немецкого языка в класс пришёл Викниксор. Вместе с ним был высокий и белокурый молодой человек с ясным и немножко наглым взглядом, одетый очень тщательно и изысканно, как одеваются сеньюские "мальчики" и "жоржики" с Невско-го, в новый синий костюм и белую артистически глаженую рубашку "оксфорд", повязанную у воротника оранжевым галстуком.

"Халдей, — подумали ребята. — Молодённый только какой".

Викниксор хозяйственно оглядел класс, ребят, пол, потолок, стены и равнодушно сообщил:

— Это ваш новый товарищ. Его фамилия Фокин. Будет учиться у вас в четвёртом классе. Сядьте, Фокин.

Потом почесал голову, подождал, пока Фокин сядет, и, ещё раз оглядев ребят, вышел из класса. Фокин сидел на парте, аккуратно подёрнув брюки и насмешливо глядя своими голубыми глазами на класс. А шкидцы смотрели на него и тихо ахали.

— Вот так шкидец!

— Пижон на пробках!

— Викниксора перерос!

— Гогочка!

Новый воспитанник был так не похож на всех остальных ребят и глядел так нагло и презрительно, что все почувствовали обиду и возмущение. Только Воробей, поклонник кино и великосветского тона, любовно прошептал:

— Ишь ты — сидит-то как, прямо Гаря Пилы!

— Форсила! — фыркнул Голый.

— Тише, — крикнула немка Эланлюм. — Молчать! Фокин, встаньте. Sprechen sie deutsch?. (Вы говорите по-немецки?)

— Ja! (да), — ответил новичок, учтиво поднявшись под восторженный шопот Воробья и заглушённое шиканье остальных. — Ja, meine Frau... nicht viel und nicht gut (да, фрау... немножко, не очень хорошо).

— Nein, ihre Ausprache ist gut (нет, у вас прекрасный разговор). Сразу видно, что вы учились в настоящей школе. Seid fleissig, — Sie worden Forts hritte machen (будьте прилежны и вы пойдёте далеко). Садитесь.

Фокин, поблагодарив, сел, а когда урок кончился и немка пошла из класса, он поднялся, полный непреувеличенной вежливости и поклонился.

— Подлиза! — прошипел Дзе.

Он, как и многие другие, уже чувствовал антипатию к этому изыщному, блестящему новичку. Никто, конечно, не выдал наружно своих чувств, потому что считали ниже шкидского достоинства приставать к новеньким. Только Купец, как человек некультурный и гордящийся этим, выбрался из-за своей парты и, приблизившись к новичку, пробасил:

— А ну, красавчик, давай поборемся!

"Красавчик" брезгливо поморщился, взглянул через плечо на шкидца и молча отвернулся. Это взбесило и взорвало Купца и, плюнув на школьные традиции, он с руганью кинулся на новичка. В другой раз ему наверное бы помешали бить новенького, но сейчас никто не тронулся.

Купец был самым сильным и дюжим из всех ребят, но сразу тяжело взвился в воздух и брякнулся об пол. Брякнулся сильно, с каким-то хрястом, словно в животе у него ударили в барабан.

— Вот это здорово! — прокатилось в толпе.

Ребята восхищённо и уже без тени недоброжелательства смотрели на новичка, потому что сильному человеку они могли простить всё. Воробей даже прыгал от радости.

— А Купец-то лежит и ротик открыл.

— Ха-ха-ха!

— Ай да новичок!

Купец поднялся с пола и, обалдело крутя шеей и отряхивая коленки, потащился к своей парте и там начал объяснять окружающим его ребятам:

— Он смотрит только херувимчиком, а бьёт как Гужбан! Он ударил меня два раза, и я думал, что сдохну.

— Это называется кроше, — подскочил Воробей. — Я видел это в кино, когда дрались по боксу. Он дал тебе два кроше и выкрошил два зуба... Он знает бокс и дерётся, как в кино.

Тогда все оставили Купца и бросились знакомиться с новичком. Новичок любезно пожимал всем руки, называл имя, отчество и фамилию и просил звать попросту Фокой, чем очаровал ребят окончательно.

На следующих уроках он уже сидел на Камчатке, рядом с Иошкой, и, развалившись за партой, ковырял во рту, не слушая халдеев. Иошка хлопал его по плечу и приговаривал:

— Ак-климатизировался...

Перед обедом Сашка работал над документами в школьном музее, которым он по-прежнему заведовал и который недавно получил новое и большое помещение в третьем этаже, — здесь к нему пришёл Викинкор.

— Вот что я хотел бы сказать тебе, — начал Викинкор. — Меня очень беспокоит новый ученик Фокин. Он неплохой ещё мальчик, и я хотел бы, чтобы вы взяли его в работу в Юнкоме, его надо основательно, подправить.

— Что же, — важно ответил Сашка: — мы только рады будем новому работнику. Он работать любит?

— М-м... Как бы тебе сказать, — замылся Викниксор. — Боюсь, что я его ещё плохо знаю... Думаю, во всяком случае, не очень.

— Жаль. Он, между прочим, и в самом деле какой-то непонятный. Выглядит, как маленький сынок, а Купца в два счёта сбил с ног... В общем парень хороший. Только, Виктор Николаевич, за что он попал к нам?

— Совершенно случайно. Это — сын моего старого полкового товарища — он учился в Петершулле и попал в компанию испорченных молодых людей. Он — единственный сын очень состоятельных родителей, они его балуют. В конце концов он совсем отбился от рук. Дня три тому назад Фокин устроил дебош, ему грозил суд и тюремное заключение. Родители были в отчаянии. Просили моей помощи, и вот мне удалось, пользуясь своим влиянием, доказать, что он подсуден ещё комиссии по делам несовершеннолетних (ему не более недели только исполнилось шестнадцать лет). Таким образом я и взял его в Шкиду. А кроме того, это ещё и выгодный ученик, — хитро прищурился Викниксор. — Его родители — арендаторы пуговичной фабрики и, значит, по закону педсовет имеет право требовать плату за его воспитание... А мальчик он вообще умный и развитой... Я рад, что он сумел поставить себя в классе. Конечно, он немного испорчен, но если на него будет действовать коллектив, его наверняка удастся исправить... Попробуйте, вам удавалось.

5

За день Июшка успел основательно сдружиться с Фокой, ходил с ним, показывая школу, а вечером устроил его кровать рядом со своей. Перед сном Фока ещё раз удивил шкидцев, проделав шестнадцать мюллеровских упражнений и обтёршись до пояса холодной водой. Потом, когда все улеглись спать и халдей ушёл в канцелярию, Июшка повернулся к новичку и тихо спросил:

— Не спишь?

— Нет, — вздрогнул тот. — А что?

— Теперь расскажи, что днём обещал... За что тебя в Шкиду послали?

— Опять ты пристаёшь, — поморщился Фока. — Право же, неинтересно.

— Нет, ты расскажи.

— Чудак! Ерунда здесь всё одна.

— Да говорю тебе — не ерунда. Может, мне интересно. Может, я все истории собираю...

— Ну! — удивился Фока. — Собираешь? Верно? Это занятно! — Он устроился поудобнее и продолжал: — Ну, если есть охота, слушай. Учился я в Петершулле. Учился там три года, и компания у нас своя, конечно, подобралась. Бузили, знаешь, пили чёрт его знает как. Особенно Колька Москалёв отчаянный был. Загонит, знаешь, человек десять малышей в тёмный коридор, возьмёт в руки чернильницу, двери закроет и кричит: "У меня чернила, удирай мелочь, а то оболью!" Малыши как мыши во все стороны бегут в темноте, пищат, друг-на-другу натыкаются, а Колька их и кропит чернилами. Потом уговорит: сами виноваты, из рук выбивали. Чудак!.. А как пили, что делали — вспомнить страшно. Кажется, на меня во всех отделениях протоколов по пять составлено. А вот напоследок нам не повезло. Выпили мы тогда, помню, у меня. Потом поехали к Москалёву, там дёрнули. Потом пошли в пивную. А как стали платить — пятиалтынного не хватило. Пустяки, конечно, мы там часто бывали, да и сейчас выложили рублей двенадцать... А Кольке показались, что официант издевается... Ну и д-дал в ухо...

— В ухо?

— Обязательно в ухо, а то куда ж ещё? Колька всегда в ухо бьёт... Ну, тут, конечно, набежали люди-человеки в фартуках и потащили его... Эх, думаю, мать честная, пропадёт Колька... Взял в руки стул и начал громить. Тут какая-то гадина вызвала милицию, меня схватили, потащили, по дороге, конечно, я им наложил, но и они не постеснялись... Потом протокол, камера, угрозыск — пальцы

отпечатывать, опять камера. Сижу, жду суда, а потом говорят: отпавлен будешь в несовершеннолетнюю комиссию и в дефективный детдом. И счастье это твоё, говорят, а то огрѣб бы ты месяцев шесть отсидки. Ну вот и всё.

— Так, — с неожиданной завистью протянул Июшка: — весело вы времечко своё проводили. У нас скучно.

— Что ты! Мне здесь даже нравится. И бузить у вас можно, и ребята хорошие, и пить можно.

— Хм. Насчѣт первого не спору, а вот насчѣт "выпить" — не очень.

— А я очень и не буду. С меня и этого хватит. — И Фокя осторожно вытащил из-под подушки сороковку. — Различаешь? Булькает. Очищенная, знаменитая, сорокаградусная.

Июшка от изумления не проронил ни слова и глядел на Фокю, который, прикрывшись одеялом, неслышно тянул из горлышка.

— Ну, — оторвался тот наконец от бутылки и, вытирая губы, протянул её Июшке. — Пей, только не громко.

— Что ты, с ума сошёл, — замахал руками и даже оглянулся шкидец. — Спрячь скорей.

— Пей! Пей, говорю.

Июшка поломался ещё немного, но, соблазненный уже одним видом водки, хлебнул. Фокя достал кусок хлеба.

Выпил Июшка.

Сороковка кончилась.

Друзья заговорили веселее.

Вечерние уроки кончились, Шкида пѣёт чай.

В полутѣмной, мрачноватой столовой, со всех концов сплошь заставленной столами, по вечернему невесело — шумно и тоскливо. Только у окон, где сидит четвёртое отделение, оживлённо разговаривают Фокя, Дзе и Июшка. Беседой, впрочем, назвать этот разговор будет трудно: ребята попросту подтрунивают над халдеем, пока тот, не выдержав, смывается.

— Ох, и скучно же сегодня, ребята, — зевая говорит Фокя и отирает платком рот. — Что бы придумать такое? — он неопределённо щёлкает пальцами и вдруг оживляется: — Хотите анекдот, мальчики?

— Даёшь, — радуются "мальчики".

— Ладно... Получила старушка одна от сына письмо... — начинает нарочито-небрежным тоном Фокя, — из-за границы...

Ребята хохочут. Сашка недовольно чмокает и качает головой.

— А вот ещё, как три еврея с Раковским во Францию ездил, — снова начинает Фокя...

Сашка опять недовольно чмокает.

— А! — кричит Июшка, — наш уважаемый Саша недоволен! Наш достопочтенный секретарь коллектива изволит хмуриться. Отчего это, Сашенька?

— Ты сам знаешь отчего, — огрызается Сашка. — Ты, председатель коллектива, и Дзе, член президиума, как последние обыватели все дни теперь трещите с Фокей и слушаете анекдоты. Противно.

— Подумаешь... — обижается Июшка, — Может, и мне прикажешь сидеть сложа губки бантиком, писать инструкции и говорить умные речи?

— Ты сам знаешь, что тебе делать... Ты — председатель Юнкомма.

— Ну и молчи.

Июшка отворачивается хмурый. Фока смотрит на них со скрытой усмешкой.

— Что, Саша, — спрашивает он, — получил от начальства нагоняй?

Сашка, не отвечая, опускает глаза и зубами вгрызается в кружку.

Сашка помнит, как на другой день он, полный самых лучших чувств, подошёл к новичку поговорить с ним о Юнконе, и как тот отшил его с самой разлюбезнейшей улыбкой. — И вообще, — добавил он под конец, — с комсомольскими и прочими организациями я никогда не имел дела и иметь не хочу.

И Июшка совсем изменился с тех пор, как подружился с Фокой, стал какой-то развязный, нахальный, расхлябанный; ходит с забуханным видом... и пахнет от него водкой. Над Сашкой, над его юнкомовской работой подшучивает... Теперь даже Дзе пристал к нему, юнкомовскую работу совсем забросили. На последнем заседании президиума Джапаридзе только зевал, а Июшка рассматривал оранжевый галстук, подаренный ему Фокой, предоставив Сашке решать дела. Сашка от работы не отказывается, — Юнком работает ровно и без перебоев, — но поведение двух "вождей" начинает внушать опасение. Надо как-нибудь поговорить с ними, предостеречь, а то — Сашка улыбаётся — хотел он на Фоку воздействовать, а тот, оказывается, уже Дзе с Июшкой к себе прибрал.

За столом хохотали во всё горло, слушая очередной рассказ Фоки, как евреи на аэроплане летали. Купец под общий смех сгребает в охапку Финкельштейна и спрашивает:

— Хочешь, Кося, еврейский погром устрою. — Кося слабо отбивается, но в это время в столовую входит новая жертва, второй поддежурный халдей Селезнёв.

— А! — кричит Июшка. — Наш дорогой, наш уважаемый товарищ Селезнёв. Ура товарищу Селезнёву... Гип, гип!..

— Ур-ря! — раскатились четвероклассники.

— Ур-ря!... Ур-ря! — зарывкала, очнувшись, вся столовая. — Ур-ря, Селезнёв!..

Крик вышел таким сильным и страшным, что, казалось, сам Достоевский на портрете замигал от страха глазами. А Селезнёв зачался, из розового превратился в красного и что-то закричал. Наверное, своё "выйди вон". Но за шумом ничего не было слышно. Видели только его широкий, разинутый, как у дохлого карпа, рот.

Из учительской прибежал сам дежурный по школе Кира.

— Безобразие! — закричал он. — Встать! Прекратить чай! Сию же минуту по классам!

Но его тоже не слушали. По столам, как признаки приближающейся грозы, грохоча прокатились кружки, и неистовый крик "ур-ря" заставил Киру бежать за подкреплением.

Опять прокатилось "ур-ря", которое хором начали Июшка, Дзе и Фока. Потом они запели: "На бой кровавый" и принялись громоздить баррикады.

Это была кратковременная и беззлобная буза. Баррикады стояли только в столовой и коридоре. Правда, кто-то потушил свет, и в темноте взяли в плен Селезнёва, которого замкнули, втолкнув в уборную. Но халдеи мужественно наводили порядок. Скоро опять загорелось электричество, бузить стало опасно, и баррикады опустели.

Это была кратковременная и беззлобная буза, но во время её — как знал Сашка — юнкомцы пытались удержать бузовиков, и это им не без труда удалось бы сделать, если бы на баррикадах не стояли, сражаясь с халдеями, Июшка и Дзе...

2

Последние дни при работе в одиночку у Сашки накапливалось очень много дел, и ему помогали Воробей и Будок. Сейчас один переписывал протоколы, а второй под сашкину диктовку быстро писал инструкцию.

Дверь отворилась.

— Надеюсь, ещё можно? — На пороге, засунув руки в карманы и покачиваясь, стоял Иошка: — Войти разрешается?

— Иошка...

— Он самый. Собственной, чистопробной персоной. Ознакомьтесь вот с этим самым документом и прощайте!

Он выбросил из кармана сложенный лист бумаги и, лихо повернувшись, ушёл, засвистев "Пулсика".

В комнате пахнуло водкой, и Воробей с Будком подозрительно задвигали ноздрями. Сашка развернул оставленную Иошкой бумагу.

Секретарю коллектива "Юнком"

Заявление.

"Настоящим имею честь довести до вашего сведения, что:

"1) В "Летописи" от вчерашнего числа появилась следующая запись: "Ионин за злостное и преднамеренное нарушение порядка в столовой исключается из Юнкома с переводом в четвёртый разряд". Запись сделана на полях красными чернилами и снабжена пометкой: "на основании распоряжения зав-школой".

"2) Исходя из вышеизложенного, считаю своё дальнейшее пребывание в "Юнкومه" излишним.

С приветом Георгий Ионин.

"Целиком поддерживаю Иошку и тоже ухожу из "Юнкома".

Дзе.

Сашка положил бумагу на стол и задумался. Потом повернулся к Будку; тот вместе с Воробьём читал заявление.

— Я думаю, ребята, — сказал Сашка, почему-то отводя глаза в сторону, — пора уже звонить на собрание.

Будок посмотрел на Сашку и хотел что-то сказать, но промолчал и вышел.

Обычно на собрании собиралось много и посторонних, но сейчас Сашка всех их выпроваживал:

— Закрытое, ребята, будет, — говорил он: — только одни юнкомцы могут присутствовать.

Шкидцы приставали к нему с расспросами, а он вместо ответа давал им Иошкино заявление.

— Ну, ладно, ребята, — сказал наконец Сашка. — Кажется, все собрались. Начнём.

— Начнём, пожалуй, — тихонько пропел Воробей.

— Т-ш...

— К порядку. Дело, ребята, вот какое... Да... Иошкино заявление все читали?

— Все-е...

— Вот я и хочу об этом заявлении говорить, об Иошке. Конечно, слов нет — последнее время он нервничал, здорово нервничал... Говоря по-нашему, бузил. А почему бузил? Потому что на Юнком идёт наступление. Викниксор хочет всех нас в тугеров переделать! ... Не смейтесь, — азартно прокричал Сашка. — Они, Викниксоры, хитрые...

— Постой, Сашка, — перебил его Будок. — Не заходишь и не брызгайся... Об Иошкином с Дзе поведении давно надо было вопрос поднять. Что есть они в последнее время? Бузовики и разложившиеся юнкомцы. Они только позорят коллектив. И напрасно ты, Сашка, замазываешь это и про Викниксора нам заливаешь. Конечно, они твои друзья. Мы понимаем, что тебе неприятно обвинять их. Но если коллектив через это разлагается, — тут нужно определённо что делать: гнать всех бузовиков и хулиганов в-три-шеи. Факт.

— Верно, Будок! — закричали сразу несколько голосов. — Гнать их, сволочей, ко всем чертям! Опять в роде Гришкиной с Лёнькой история. Дай мне слово, Сашка.

— Мне!

— Я раньше просил.

— Прошу слова!

— Тише! — крикнул Сашка. — Засохлайте. Меня, ребята, вам обвинять нечего. После вчерашнего я сам решил созвать вас на собрание и говорить об Иошкином и Дзе поведении. Но за несколько

минут до начала я получил вот это заявление, которое заставило меня подумать совсем о другом. Но вы не дали мне сказать...

— Говори, говори...

— Тш-ш.

— Так вот что. Будок верно сказал, что Дзе с Йошкой сейчас вроде, как бы оторвались от Юнкома. Я сейчас о другом... Ведь мы, то есть Юнком наш, — комсомольская организация, и кого хотим, того и принимаем к себе, — а халдейского согласия не требуем. Верно?.. И вот коллектив наш потому халдеям и не нравится... Викниксор хочет тутеров заиметь, а не комсомол — сейчас во всю, можно сказать, гадит. Йошка, например, — набузил вчера, а Витя уже забегает вперёд и пишет в Летописи: "Ионина исключить!" Что мы должны сделать после этого? Исключить Йошку? На завтра такая же запись будет о Дзе — тоже исключим. Послезавтра ещё о ком-нибудь. "Летопись" не мы пишем, — и будем исключать по викниксоровской указке, да? А потом через ту же Летопись он станет и другие отдавать приказания. Вот вам и готова тутёрская организация. Пусть Йошка и Дзе набузили — это наше дело, хотим мы их исключить или нет. Сейчас надо обсудить поведение Викниксора и только после говорить об Йошке и Дзе. Правильно я рассуждаю, ребята?

— Правильно, Сашка!

— Тш-ш.

— Сейчас предлагаю поступить так. Мы вынесем резолюцию, где, во-первых, потребуем уничтожения этой записи в Летописи, во-вторых, сдерём с Викниксора обещание, что ничего подобного впредь не повторится. А в-третьих, потребуем оставить коллектив в покое. Если же он откажется, пригрозим, что все уйдём из Юнкома. Да я и первый уйду и ни за что не останусь тутёрствовать.

Сашка сел.

— Так что ж, товарищи, — после небольшого молчания заговорил Будок: — обсуждать здесь нечего. Будем делать, как Сашка сказал.

— Правильно!

— Голосуй!

— Чего голосовать!.. Резолюцию писать надо.

— Даёшь резолюцию!

— Факт.

Начали писать резолюцию. Но в самый разгар работы хлопнула дверь, и на пороге появился бывший юнком Кося Финкельштейн в своём долгополом пальто, в которое он драпировался на манер древнеримской тоги.

— Ребята, — блеющим голосом и серьёзно сообщил он: — я подслушал, что вы собираетесь сражаться с Викниксором. Я хочу доказать, что я не трус и не шкурник, и опять пришёл в Юнком. Я буду бороться вместе с вами, хотя мои убеждения и позволяют мне...

— Вот дурак-то! — вырвалось у Голого Барина...

— Глиста на Козьих ножках!

— Ребята, — опять тем же голосом и без всякого выражения начал Кося: — я подслушал, что вы собираетесь бороться с Викниксором, и я хочу доказать, что я не трус и не шкурник и пришёл бороться вместе с вами, хотя мои убеждения и позволяют мне...

— Катись! — закричало сразу несколько человек. Катись со своими убеждениями.

— Ребята, я подслушал, что вы собираетесь бороться с Викниксором, — тоном великомученика снова начал Кося, но закончить не успел.

Ребята вскочили с мест. Голый схватил Косю за шиворот, Воробей подал сзади, и великомученик с грохотом вылетел за двери.

Между тем резолюция была написана, одобрена и проголосована. Будка poslali за заведующим.

Викниксор пришёл недовольный, подозрительно оглядывая ребят.

Ему дали резолюцию.

Юнком притих.

Все смотрели, как бегает по строкам быстрые викниксоровы глаза, как он хмурится, жмурится, поднимает брови и сжимает губы.

Он кончил, сложил бумагу и оглядел собрание.

— Так. Дальше что?

И шкидцы растерялись. Почему-то думали, что Викниксор разозлится, раскричится, обзовёт всех хамами, а тут...

— Дальше что?

Чёрт возьми, что же теперь? Два десятка ребят, заробев, опустили глаза и заёрзали на стульях.

— Что же дальше — я вас спрашиваю? — крикнул Викниксор.

Сашка встал.

— Мы требуем выполнения нашей резолюции. Вот и всё.

— По-жа-луйста, — протянул Викниксор. — По-жа-луйста без хамства! Не требовать вы должны, а просить. Совсем у тебя стал недопустимый тон. И потом, что за глупое мальчишество — резолюция. Вы уже не маленькие и должны понимать, что Ионин, этот истерик и психоневротик, дальше не может оставаться в Юнкоме.

— Это наше дело, может он оставаться в Юнкоме или не может.

— Нет извините, пожалуйста. Я не могу допустить, чтобы в моей организации лучших учеников...

Сашка многозначительно присвистнул.

Викниксор дёрнулся в кресле.

— Прошу не перебивать! — крикнул он. — Мальчишки!.. О чём это я?... Да, да, в организации лучших учеников я не потерплю хулиганов.

— Это внутреннее дело нашей организации.

— Я сказал.

— Мы тоже сказали.

Викниксор встал.

Викниксор нахмурился.

Викниксор сердится.

— Довольно этой комедии, — заговорил он. — Вы не хозяева в моей школе — прошу помнить. Кто не хочет оставаться — пусть уходит... Не беспокойтесь, у меня будет Юнком ещё почище вашего...

— Хватит! — крикнул Будок. — Слышали!..

— Довольно!

— Долой!

Крик.

Свист.

Топот.

— Долой!

— Долой!

— Виктор Николаевич, если этим вы всё уже высказали, нам остаётся только уйти. Верно я говорю, ребята?

— Верно-о!

— Кончай разговоры.

— Уходи, ребята.

— Долой!

— Долой!

Викниксор с силой стукнул по столу кулаком. От удара заплесала по столу чернильница.

— Юнком распускается! — крикнул он. — Но вы ещё мне вспомните об этом!

3

О конце Юнкома Шкида узнала просто. За утренним чаем, во время раздачи хлеба, Воробей сам схватил понравившийся ему кусок.

— Положь, — крикнул дежурный, — чего хватаешь. А ещё юнком...

Воробей отпихнул наседавшего дежурного и под злорадный смех столовой поднёс ему к носу кулак.

— Едал — миндал... Вот тут тебе — юнком.

Но дежурный решил, что это просто стратегический приём, имеющий целью захват недоделанного куска, и поэтому продолжал ругаться, пока не вмешался Сашка.

— Катись, — крикнул Сашка: — катись к чёртовой бабушке. Теперь юнкомов нет... Разогнали Юнком.

И новость понеслась по столам.

4

"У меня будет Юнком почище вашего".

Эту случайно обронённую фразу помнили и шкидцы, помнил и Викниксор. Уже через день поползли таинственные слухи о возобновлении Юнкома, а через неделю за обедом в столовой Викниксор говорил ребятам о новой организации.

— Школой, — говорит он, — будет управлять объединение лучших учеников. Такими лучшими будут наши старосты, объединённые в совет под моим руководством.

Затем он, очень подробно остановившись на задачах совета старост (совстара), сравнив его с английской тулёрской организацией, наказал во всём подражать ей и закончил так:

— Совстар должен стать своего рода парламентом.

Да, парламентом великой Шкидской республики и Викниксор — президент её!

Он думал, что шкидкам интересна и понятна его идея, потому что его внимательно слушали, и даже бородатый Маркс, висевший на стене, невозможно было, казалось, разрешал:

"Вапай!"

И Викниксор валял...

...

"Открытие парламента состоялось в невероятно торжественной обстановке... Зап заседания был полон задолго до назначенного времени. Трибуна журналистов и галерея для публики не могли вместить всех желающих.

"Ровно в восемь часов в доме правительства появились министры: кухонный, гардеробный и амбулаторный. Вслед за ними прибыл сам президент, и заседание началось.

"Речь президента была обычно коротка и содержательна.

"Президент говорил о том, что лошадь кушает овёс, Волга впадает в Каспийское море, у алжирского бая под самым носом шишка. Потом он даровал шкидам основы народовластия, при условии, если они не будут бузить, воровать, драться, — а, наоборот, слушаться халдеев и т. д.

"После бурных оваций приступили к выборам президиума сего высокопочтенного и высокоблагородного учреждения. При баллотировке подавляющим голосом Викниксора на пост председателя был избран лидер волынян-второклассников — человек высокого ума, волчьего аппетита и непередаваемого косноязычия. Секретарём теми же голосами был избран бужанин (первоклассник) Ганский. Этот почтенный деятель был видным литератором своего родимого края. Сочинения его всегда были образцом лаконизма и красноречия. Так "Слово о Полку Игореви", начинающееся "Не лепо ли нибяшеть, братья", он перевёл "не лепите и не брешите, братцы", а картину "Марафонский бег" назвал "Марафетным бегом".

"Таковы, в кратких чертах, эти два великих человека, призванные управлять высшим законодательным учреждением Шкиды.

"Речь председателя (история дала ему прозвище "Балды"), в которой он благодарил за доверие депутатов, была достойна самого Цицерона. Она продолжалась всего пять минут, и им было сказано всего пять слов (включая междометия).

"— Бр-р-р-а-атцы! — говорил Балда! — И-й-й... н-н-н-ничего
нн-н-е-е-е-з-н-н — ... ре-э-б-я-а.

"Здесь эта речь была покрыта бурными аплодисментами, которые постепенно перешли в овацию. Все поднялись с мест и выражали свой восторг бросанием различных предметов (окурки, книги) в

сторону председателя, скромно вытиравшего пот с треугольного черепа.

"После этого сессии были предложены для обсуждения следующие вопросы:

"1. О починке носков.

"2. Об организации дежурств в уборных на предмет надзора за своевременным спуском воды.

"3. О раздаче носовых платков с меткой (первый сорт).

"4. О раздаче носовых платков без метки (низкий сорт).

"Обсуждение проходило в строго-деловом порядке.

"Как полагается, вставал председатель и вносил предложения:

— "Г-г-бу... н-н-н-бу... м-м-м-бу...

"Затем высказывались за и против, предложение голосовалось. В заключение г-н президент принимал или отвергал его. Конец заседания был омрачён некоторым скандалом. Лидер распущенного Юнкома, г-н Ионин, ворвавшись в зал заседания, с криком "тутеры" щёлкнул председателя по затылку; председатель из отборных халдеев, личная гвардия г-на президента, состоящая из отборных халдеев, немедленно удалила бунтовщика из залы и дальше — в изолятор. Наконец вопросы все были исчерпаны. Президенту захотелось спать, и парламент разошёлся на каникулы..."

Так изображалось это заседание подпольным сатирическим листком "Ап ендицит", который вышел после описанного и был составлен добрым десятком авторов.

Ни желания, ни охоты играть в парламент ни у кого из ребят не было...

Вскоре распались кружки, захирел клуб.

Пригласили было со стороны инструктора, явившегося в образе немолодой особы, поджарой как борзая сука, и сварливой, как прикус.

Особь шкидцы прозвали "Клубничкой" и окончательно исчезли из клуба.

Он так и стоял закрытый, пыльный, пустой.

Но вот за оживление всей работы взялся неугомонный Селезнёв.

5

КЛУБ ШКОЛЫ ИМ. ДОСТОЕВСКОГО
сегодня

после вечернего чая состоится

доклад т. Селезнёва.

"Перспективы международно го рабочего движения"

В_х_о_д_с_в_о_б_о_д_н_ы_й.

Вечером в клубе слышалось какое-то подозрительное движение и грохот. Завклуб Ганский самоотверженно таскал скамейки под ободряющий окрик Селезнёва.

— Тащи ещё! — покрикивал халдей. — Стоять ребятам придётся. Народу ведь хлынет масса.

Селезнёв не ошибся.

Первыми хлынули старшие... Потом выскочил Дзе и понёсся по зданию.

— Ребята! — орал он во всё горло. — Хряй вниз! Клуб открыли... Селезнёв там доклад говорит, честное слово.

Честное слово действовало. Забыв привычные дела, шкидцы бросали карты, мышеловки, захлопывали книги и кучами низвергались в клуб. Последним промчалось первое отделение во главе с Химиком и Мышкой.

Клуб уже не вмещал всех желающих. Докладчик стоял, ухватившись за стол, и, трясясь, кричал на аудиторию:

— Вы-ы-йди вон!...

Аудитория с гиком носилась по скамейкам и столам. Наиболее благоразумные постешно опустошали шкаф с книгами. Остальные кричали, вопили, орали, швырялись газетами и журналами. Фока втихомолку срывал со стены плакаты и портреты и подрисовывал

Марксу усы. В углу курили, не обращая внимания на завклуба, истерически требовавшего:

— Оставь докурить, сволочь! Ну хоть раз курнуть дай...

Купец, разваляясь на диване, властно приказывал:

— Рассказывай!

— Рассказывай, — подхватывали шкидцы. — Вали, Селезнёв! Крой дальше!

— Вы-ы-йди во-он!.. Я вас зап-зап-пишу! Я Викт-лаичу!.. Я Губо-но!.. Я... ячейки...

— Попробуй только!

— Запиши!..

— Халдей несчастный!

— Совнарком яичный!

Собравшимся становилось всё веселей и веселей. Начали раскидывать по сторонам скамейки, свалили стол, загородив халдею выход... Диким голосом и притопывая пел Иошка. Дзе размахивал ножиком. Фока вертел лохматым изодранным знаменем, норовя задеть по голове Селезнёва. Вдруг потух свет, что-то посыпалось и загрохотало в темноте. Завыли, заорали на все голоса шкидцы. Кричал Ганский, которого закатывали в ковер. Кричал и рвался Селезнёв, которого мазали сажей. В упоении ржал Купец:

— Вот буза-то!.. Над-дай, ребята, над-дай!

Наиболее благоразумные уже выметались вон. В клубе накидывали на Селезнёва скатерть. Катали по полу Ганского. Громоздили из скамеек и столов баррикады. Фока, надсаживаясь, хотел опрокинуть опустевший книжный шкаф и наконец свалил его в общую кучу. Селезнёва тоже сбили с ног, наворотили и набросали сверху ступней, взявшись за руки, пронеслись в хороводе мимо и скрылись...

6

Начавшаяся в Шкиде буза заставила Викниксора созвать свой парламент раньше. На этот раз заседание было очень постешное и не торжественное. Публики не было и старост было тоже немного.

Викниксор говорил зло и раздражаясь с каждым словом ещё больше.

— Какие же вы старосты, если не можете справиться с бузой? Зачем тогда выбирали вас?... Школа бузит... Вчера, например, я слышал, здесь в клубе тоже была буза.

При этом лица ребят осветились улыбкой приятного воспоминания: они переглянулись и фыркнули.

— Молчать... — окончательно вышел из себя Викниксор. — Я предлагаю запретить доступ в клуб бывшим юнкамам; зачинщики бузы — это они... Кто против?... Нет?... Принимается...

Завклубом назначили Евсеева: возражать тоже никто не стал. Евсеев, тщедушный парнишка, с вечно мокрым носом и в меланхолически обвисших штанах, напуганный рассказами Ганского, своего предшественника, хотел отказаться, но его уже "проголосовали", и он покорился.

— Судьба.

Печально обстояло дело с замещением должностей. Число старост с каждым днём уменьшалось, старшие отказывались работать в самоуправлении, и оно разваливалось.

Наконец, решившись, Викниксор произнёс в столовой речь.

— Они (т. е. старшие) не желают работать — прекрасно. У нас есть новые силы. — Свежие, неиспорченные бредовыми идеями ребята. Вот они (жест в сторону младших). Они создадут новое самоуправление. Они будут хозяевами школы.

Хозяева школы недовольно чавкали. Вечером Викниксор по одному вызывал их и назначал старостами.

Таким образом удалось сколотить школьное самоуправление. Шкидская демократия вновь была поднята на необходимую высоту. Не очень высоко, правда. Иначе — подними их высоко — они тебя за-панибрата сочтут. И крепко внушалось каждому вновь поступающему халдею:

— С ребятами не амикошонствовать: между воспитателем и воспитанниками должна быть стена.

Клуб работал с "перебоями". Евсеев, заслышав около него шаги, поспешно заперся и гасил свет.

Если это был кто из ребят, он отмалчивался. Если Викниксор — отпирал. Викниксор оглядывал пыльный клуб, пыльную мебель, пыльные груды журналов, шумно вздыхал и уходил.

Потом клуб стал "открываться" всё реже и реже и наконец совсем закрылся.

Тутеры провалились.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Тр-рах!..

— Ах!..

Выстрел.

По лестнице, размахивая пистолетом, промчался Химик и юркнул за трансформатор. Из залы выбежал Сашкец. Схватившись за перила, он взглянул в пролёт лестницы, где клубился ещё пахнувший серый дым, но в ту же минуту за спиной один за другим грохнули ещё два выстрела, и халдей, отпустив перила, пошёл назад в залу.

И каждый, глядя на его фигуру, подумал бы, что выстрелы теперь в Шкиде обычное, приевшееся воспитателям явление. И ещё предстало бы увидевшему, что Сашкец наверное думает: "Хорошо, по крайней мере, что они стреляют в воздух".

Притаившийся под лестницей Химик зашевелился. Поднял отброшенный в сторону "шпалер" — осмотрел, продул и спрятал в карман. Потом прислушался и, ухватившись за огромный рубильник, черневший на стенке трансформатора, с усилием оттянул его вниз. Щёлкнула ослепительно белая искра, и вся Шкида погрузилась в темноту.

Пробиравшемуся по коридору Химику первой попалась кухарка, которая торопливо высказывала Амёбке предположение, что на станции что-нибудь да лопнуло. Сверху спускался встревоженный Сашкец, из учительской на площадку лестницы перебирались халдеи, с тоненькой церковной свечкой, выпрошенной у мамы, вышел Викниксор.

— Пробки? — деловито спросил он.

— Очевидно, — подскочил Амёбка, — Очевидно, перегорели.

— Но, может быть, их вывинтили воспитанники? — заметил Сашкец.

— Это всё равно! — оборвал Викниксор. — Надо осмотреть пробки.

— Зачем смотреть? — сказал пришедший дворник. Это не пробки. Это рапилинь...

— Какой рапилинь?

— Тыфу, то-есть, напильник это...

— Может, рубильник?

— Во-во... Он самый... Ребята его в сторону отгинают, в бок... Я сам видел.

— Так ходите, посмотрите и поверните назад.

— Это вы сами поворачивайте! Я уже раз повернул, хватит! Я думал, это всем можно, — только взял, а он как вдарит, — даже искры посыпались и даже не отцепить.

— Довольно, — не выдержал Викниксор и сам пошёл вниз. — Принесите лестницу и осмотрите пробки. Наверху раздался свист и грохот, питомцы, воспользовавшись удобным случаем, начали отводить свои дефективные души. И, забыв о рубильнике, Викниксор помчался наверх наводить порядок.

Халдеи вместе с дворником спустились к трансформатору, чиркали спичками, зажигалками и осторожно рассматривали рубильник.

— Подождите! — неожиданно радостно сказал Амёбка и побежал наверх. Через минуту он появился снова, притащив за шиворот перелуганного шкидца Сухарика.

— Это ты, подлец, наверное свет погасил? — грозно говорил Амёбка, подталкивая Сухарика к рубильнику. Ты и включи его. Слышишь!

Сухарик тоскливо огляделся — халдеи смотрели строго, и Амёбка сверкал очками. Шкидец вздохнул и, ничего не поняв, повернул рубильник.

Вспыхнул свет.

— Ну иди, — разочарованно толкнул шкидца Амёбка. — И смотри у меня. Я, брат, всё-о знаю... Иди.

Сухарик поспешно и не рассуждая пропадает. Все расходятся. Кухарка — на кухню, дворник — в дворницкую, халдеи — в учительскую. Сашкец — наверх к притихшим, приструненным ребятам.

А Химик уже сходил в класс, посмотрел, как там делают самоделки-шпалеры, полюбовался в коридоре на ловлю мышей, зашёл в уборную, где шла крупная игра в буру и штосс. Всюду скука, тоска, всё давным-давно приелось и осточертело. Химик долго стоял в зале, раздумывал и, решившись, пошёл к Сашке в музей.

После распада Юнкома и провала тутёрской организации Сашка снова занял под музей пустующий, разгромленный клуб. И занял не только потому, что там теплей и уютнее и можно лучше расположить всю богатую коллекцию шкидских журналов, газет, альманахов, рисунков или удобней разбирать и классифицировать тщательно собранные архивы и документы, — а потому, что помещение музея само по себе возбуждало приятные воспоминания о прошлом. Все лучшие события школьной жизни начинались в музее, и его бессменный хранитель Сашка, прозванный "архивной крысой", часто иронически говорил, что шкидская история выходит из музея и потом опять — в документах, газетах, журналах — возвращается обратно.

И теперь грустно становилось ему, когда сравнивал он шкидское прошлое с серенькой, поганой действительностью. Не издаётся теперь в Шкиде ни газет, ни журналов, всё меньше становится старых шкидцев. Нет Цыгана, Бессовестина, нет Лёньки и Гришки. Остальные только и думают об уходе, либо бузят и пьянствуют с фоклой как Йошка и Дзе.

Когда Химик вошёл в музей, Сашка сидел, не зажигая света, у топящейся печки и задумчиво глядел в огонь.

— ЗдравОво! — сказал Химик. — Я к тебе. Почитать чего-нибудь не найдётся?

— Посмотри там, на столе, — равнодушно ответил Сашка. — Выбирай что понравится.

Химик подошёл к длинному широкому столу, где вперемежку с бумагами и архивными документами лежат книги. Книги скучные, политические, и скидец, отобрав две тоненьких брошюрки, недольно спросил:

— А других нет?.. Научных...

— Нет... Были у меня научные книги, да пришлось летом загнать, чтобы заплатить Викниксору за разбитые стёкла. Больше научных нет. А клубную библиотеку разграбили ребята.

Химик нехотя повертел книжки. Уходить ему не хотелось. Глаза его остановились на сашкиных ботинках.

— Неужели тут выдали?

— Братишка привёз — односложно ответил Сашка. Помолчали.

— Та-ак, — протянул Химик, — Ну, я пойду.

2

За свою жизнь Химик испытал много перемен, но когда пробовал вспоминать своё прошлое, то только тусклая цепь приютов и детдомов с разными названиями и номерами вставала в его памяти. Да разве вспоминался ещё первый из них, куда попал он семилетним мальчишкой. Там нашёл Химик на помойке гранату, которой ему и оторвало потом руку.

Пережитое отучило его удивляться. И сейчас в Скиде, когда разогнали Юнком, куда склонил его поступить Сашка, Химик удивился очень немного. Он мало что понял во всей этой истории и только недоумевал по поводу поведения Викниксора. Правда, юнкомы не были "четвёрошниками", той гвардией администрации, которая, как бывало в Лавре, за лишнюю четвёрку хлеба становилась жандармами своих товарищей; юнкомы не были ни накатчиками, ни подлимами, ни лягавыми, они всегда бывали вместе с ребятами и руководили школой, но они и боролись с бужой, с воровством, с картами, боролись за дисциплину и старались поднять школу.

И Химик вспомнил, как глубоко действовали на него вскользя брошенные Йошкины слова: "Накатка — подлость. Дешёвая вещь, если ты и защищаешь товарища, который делает что-нибудь нехорошее. А вот если ты при всех встанешь и скажешь ему, хотя тебе и тяжело будет сделать это, скажешь, что он делает неправильно, это будет самое лучшее из всего, что можно придумать".

И это, и ещё многое другое, так поразившее своей простотой и необычностью, заставило Химику сблизиться с ребятами из коллектива и стараться быть похожим на них.

После разгона Юнкома он ощутил какую-то внутреннюю пустоту, будто оборвались все связи со старшими ребятами. Все порассыпались, занялись каждый собой, и даже Сашка, почти безвыходно целыми днями сидевший в музее, и тот мало обращал на Химику внимания.

И незаметно, постепенно забывалось всё, что было недавно.

Опять появились в парте напильники и отвёртки, опять начали привлекать внимание замки и дверные ручки, а тут ещё вдруг группами стали приходить новички со своими твёрдо-укоренившимися понятиями и привычками — и Химик совсем забыл о том, что было недавно, совсем забыл о Юнкоме.

3

Из Института морально-индивидуально-социального воспитания, откуда раньше пришёл Химик, прислали ещё двух ребят — Арбузова и Старостина.

Скидец обрадовался. Обрадовались и новички, встретив своего старого приятеля. Все уселись на подоконнике в зале, закурили и начали делиться новостями.

Плотный, черноволосый и очень спокойный Старостин рассказывал, что воспитатель Пулок поступил в ресторан официантом, Анна Петровна стала старшей воспитательницей, пришёл новый завхоз — жулик.

Ну, а в остальном — всё по-старому.

Закутывают ребят вместо наказания в мокрые простыни.

Профессор, как и раньше, велит называть себя папой, а свою жену — мамой, по прежнему кричит: "Я профессор, я всё могу" и прозлит бузовикам, что отправит их в сумасшедший дом.

По прежнему Анна Петровна объясняет ребятам, что их Институт — государство, где профессор — царь, воспитатели — министры, а они, детки, — русский народ.

— Стой! — прыская в ладошку, вмешивается вдруг второй новичок — Арбузов, маленький, вертлявый шкетик с длинным носиком и чёрными беспокойными глазами. — Там недавно история с профессором была. Потеха! Ребята засыпали его в чулане вдвоём с кухаркой, ну и надумали её звать тоже мамой!

— Мам-мой?.. — еле сдерживаясь от хохота, переспрашивает Химик.

— Гы-гы-гы!.. — гогочет Старостин.

— Факт, мамой... Володька ему и брякни это, насчёт мамы. Ну, тот, конечно, ему по кумполу и поволок в мокрую простыню закручивать. Потом вызвал скорую помощь и велел отвезти Володьку к Ни-колаю-чудотворцу.

Ребята докуривают, и теперь наступает очередь Химика показывать новичкам Шкиду. Они проходят залу, идут по коридорам, в тёмных углах которых крысоловы-любители при помощи верёвок и хлебных огрызков нехотя охотились всё свободное время. Химик показывает классы и спальни и вскользь замечает, что в Шкиде недавно, совсем недавно было гораздо лучше.

Сопровождают ребят ещё шкидец Мышка, нюхом почуявший обилие табаку у новичков...

4

Новички Арбузов и Старостин пришли в Шкиду больше по собственному желанию. В первый день они уже было раскаялись в этом, когда узнали, что в Шкиде каждодневно бывает по десяти уроков. Но, увидев, что уроки эти собственно липовые и что, сидя за партой,

вовсе не обязательно слушать халдея и можно заниматься своими делами, новички успокоились и начали приспособливаться.

Мышка, сдружившийся с Арбузовым, сразу свёл его со шкидскими картёжниками. Маленький, жуликоватый Арбуз, быстро смекнув, составил компанию. За уроками он проводил время в рисовании и краплении карт или в игре "по маленькой".

Старостин, спокойный и деловитый, попал в Шкиду по ошибке. Он больше подходил к ремесленной школе. Да и в Шкиду пришёл он со всякими молоточками, напильниками, свёрлами и прочим инструментом. И уже на второй день расположил к себе немку Эланлюм, вылудив и запав ей кастрюлю.

Учиться Старостину хотелось, но от десяти уроков он сразу же отупел и, забываясь науки, махнул на неё рукой, решив, что лучше уж слесарить. Шкидцы первокурсники решили, что человек с такой фамилией обязательно должен быть старостой и выбрали его на эту должность. Старостин не отказывался, а деловито и спокойно принял власть, ключи от класса, журнал, став вечным, несменяемым старостой первого отделения.

Но ни с кем так не сдружился Химик и никто не был так заметен потом в Шкиде, как следующий новенький — Шурка Лепёшин.

Дружба началась в изоляторе, куда нередко теперь попадал Химик и куда в первый же день посадили Лепёшина.

Химик увидел перед собой тоненького, высокого подростка, аккуратно одетого, тщательно подстриженного, с умным миловидным лицом и тёмными мечтательными глазами.

Лепёшин подождал, пока не закрылась дверь, потом погрозил кулаком невидимому халдею и, повернувшись к своему товарищу по заключению, недовольно проговорил:

— Воспитатели эти ваши! Тоже! Я им ножик не хотел отдавать, а они за шиворот и сюда! Порядочки...

Голос новичка был звонкий и ломающийся, как у маленького мальчика, хотя он всячески старался казаться серьёзнее и взрослее,

держал руки в карманах, поднимал плечи, хмурил тонкие брови и, сев на подоконник рядом с Химиком, важно вынул портсигар и предлогил:

— Закуривай!..

Ребята закурили.

— За что попал? — затыгиваясь, спросил Химик.

— За болезнь. Расширение зрачков на чужую собственность.

— Это у нас пустяки. Из дому привели или ещё откуда?

— С Миллионной, с Глебовского приюта! — Лепёшин сделал страшные глаза и, придвинувшись ближе, зашептал: — Нас там, как собак, — арапником бил заведующий!

— Знаю. И я там был. Заведующий там генерал бывший. Так у него со старого времени привычка драться осталась... Здесь, в Шкиде этой, тоже стукнут, но меньше. Опасаются.

— Я ушами шевелить умею, — неожиданно сказал Лепёшин и сейчас же густо-густо покраснел.

— Ну? — добродушно удивился Химик. — Да ты не смущайся.

Шевельни разик...

Лепёшин перекосил рот, задёргал челюстями, и уши его действительно зашевелились.

Потом новичок долго рассказывал разные истории, которые он вычитал у Луи Буссенара, Жаколио, Майн-Рида и Жюль Верна. Химик слушал, широко открыв рот и затаив дыхание. Оба были так увлечены, что совсем не обрадовались приходу Сашкеца, открывшего изолятор.

— Ну, выходите, товарищи, — мягко сказал халдей, — и больше не бузите...

— Гусь свинье не товарищ, — процедил вполголоса Химик и юркнул из изолятора.

— Евграфов! Вернись, хулиган! Повтори, что ты сказал?

— Дядя Саша, что вы! — струсил Химик. — Я только сказал, что гусь свинье не товарищ. А вас же Гусём-Лапчатым зовут, значит, я — свинья...

— Ну! ладно... то-то, — смягчился Сашкец: — смотри у меня. — И, забывшись, прибавил: — Смотри, Гусь-лапчатый!

Все шкидцы узнали, что новичок умеет шевелить ушами. В первый класс к Лепёшину прибежали и просили "шевельнуть". Лепёшин, краснея, отнекивался, но, втайне польщённый таким вниманием, скромно исполнял просьбу. К вечеру стало известно, что ушами умеет шевелить ещё и Дзе.

Интерес к новичку упал.

Тогда Лепёшин сказал, что у него дома есть велосипед. Но велосипед уже был и у Фоки, а недоверчивый Будок принял даже утверждать, что лепешииский велосипед одна сплошная мифология.

Новичок не сдавался и таинственно стал намекать, что у него есть ещё одна замечательная вещь, которую он, возвратясь в понедельник из отпуска, непременно принесёт в Шкиду...

5

Возвратясь из отпуска, Лепёшин увёл Химика и ещё нескольких ребят в уборную и, таинственно оглянувшись, прошептал:

— Принёс!

— Что?

— Шпалер...

Ребята сгрудились к новичку, тот осторожно вынул из кармана и показал всем тоненький пистолетик Монте-Кристо с тоненьким, как дудочка, дулом.

— Шпалер! — расхохотался Химик. — Клистирка какая-то! Барахло!..

— Как барахло? — побледнел Лепёшин. — Его продать можно!

— В музей... Сходи к Сашке. Может, он для выставки купит...

Разочарованные шкидцы ушли, и в уборной остались только Химик да Лепёшин. Химик долго смотрел на пистолетик и на убитого горем Лепёшина и наконец задумчиво сказал:

— Дай-ка мне твой клипсир до вечера. Осмотреть. Тут дело одно может выйти — пистолет понадобится...

Вечером Химик долго и подозрительно шептался со Старостиным. Потом тот вытащил все свои слесарные инструменты и, расположившись на парте, начал что-то резать, сверлить, паять и заколачивать... Химик уже вернул новичку его пистолетик, но на все вопросы многозначительно отвечал:

— Погоди. Завтра увидишь.

И завтра всё объяснилось, Химик с толпой ребят ушёл после уроков на двор и там, за сараями, в торжественной обстановке, вынул огромный шпалер-самodelку и оглушительно выстрелил в воздух.

Это событие открыло новую эру шкидской истории.

Изобретатели оружия — Химик и Старостин — были завалены заказами на шпалеры, потом открылись новые оружейные мастерские; потом уже каждый сам стал делать для себя оружие...

Много помогли усовершенствованию самоделок халдеи. Напуганные, они устраивали на первых порах целые облавы, и в учебной мере можно было скопиться столько оружия, что им по крайней мере было вооружить целую роту... Но всё это привело только к тому, что ребята стали осторожнее, а самоделки усовершенствованней, дальнобойней и лучше.

Шкида поголовно вооружилась и пока ещё только развлекалась, стреляя холостыми в воздух.

А новенькие всё приходили и приходили...

Со своими твёрдо укоренившимися привычками и понятиями, они попадали у младших в знакомый им мир детдомовских немудрёных традиций и взглядов.

Шкиду уплотняли. Из неё уже много повышибли старых воспитанников. И если раньше Викинсор сам отбирал в распределителях подходящих себе учеников, подбирал способных ребят, которые осиливали и которым интересна была и история, и литература, и языки, — то сейчас присылали в Шкиду всех подряд, обычное сырьё из детдомов и детских тюрем.

И как-то забыли воспитатели, что у этих ребят и интересы другие, чем те, что были у старых, отобранных, способных учеников; почему-то считали, что новички тоже могут осилить и им будут очень интересны и история, и литература, и языки. И по прежнему преподавалось всё это в лошадиных дозах, по десять уроков в день.

Новички, обалдев от десятиурочного дня, сразу же переставали учиться и принимались за карты, за ловлю крыс, за изготовление самоделок. Им было скучно и неинтересно в Шкиде, они хотели бы поработать и поучиться, но дешевле образование их совсем не хватывало, только вгоняло в тоску. А никакого труда и ремесла в школе не полагалось.

Пришло их много... Пришёл Шенкевка, весёлый и добродушный чухна; беленький и нежный Капаневич; важный и медлительный барон Розен.

Новичка Женьку долго не знали даже куда посадить. Этот чёрный и смуглый, как грек, очень здоровый, но потрёпанный и поиздержанный жизнью юноша представил документы на пятнадцатилетнего, а по виду ему самое малое было годов восемнадцать. И никто не сомневался, что Женька пришёл с "ксивой" и, скинув себе три наполненных кражами и приводами года, хотел спастись от суда и тюрьмы...

Учиться Женька не стал, завёл себе отличную самоделку и начал ухаживать за кухаркой. А когда были перевыборы кухонного старосты, устроил так, что его выбрали на эту хлебную должность.

Потом пришли ещё: Храпа, Сусликов, Семёнов, Рыжик, пришёл Верьховка, Касатка, Васильев, пришли Карлуха, Лапа, Аксёнов, — пришли и прочно осели в первом и во втором отделениях.

Машина всосала следующую порцию сыря.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Вечером, по всегдашнему обыкновению, в уборной шумно. В тусклом свете угольной лампочки вырисовываются оживлённые лица ребят. Завитками плавает горький махорочный дым. От него скудеет и без того скудное освещение, и почти совсем пропадает в дыму отсыревший пятнами потолок.

Но шкидкам не привыкать. Ещё ни один не принял да и не примет валета за короля и не перепутает девятки с десяткой.

Слышатся короткие, азартные отрывистые фразы:

— По банку!

— Прикупаю!

— Мажу десять?

— Очко!

— Бей!

Игра ведётся обычно. Сначала под завтрашнюю пайку хлеба, потом под послезавтрашнюю. С тем, кто продуп пайки на полгода или на год вперёд, под хлеб не играют. Начинают играть под суп. Сначала под "густышку", потом под "водичку".

Подле играющих сидят, тоскливо наигрывая на зубариках, не удачки. Всё, что можно, они уже проиграли.

В дверях появляется Химик.

— Раздвинься, братва, — кричит он, размахивая самоделькой. — Испытание шпалера новой конструкции. — Пара шкидцев, пришедших в "казино" не для игры в карты, кубарем скатываются со стульчаков. Подтягивая штаны, они присаживаются к боковой стенке.

— Зря, — торопливо говорит Арбузов: — взбаламутишь халдеев, — запоремся мы тогда.

Его слова заглушает грохот от выстрела. Вся уборная в дыму...

Химик ушёл, на стульчаках опять те же шкидцы. Арбузов банкует снова, всё по-прежнему.

Но в дверь просовывается привлечённый выстрелом Сашкец.

— А ну, выходи! — кричит он. — Опять Владимирский клуб устроили? — И подозрительно разглядывает Арбуза. Арбуз прячет карты.

— Опять играл?

— Что вы, что вы, дядя Саша, — беспокоится тот. Благополучно проскочив мимо халдея, Арбуз говорит возмущённо:

— Ни тебе п-пакурить, ни оправиться!.. Паряточки...

И на всякий случай прибавляет шаг. Сашкец может раздумать, обыскать и отнять карты. А карты у Арбуза настоящие, не то, что у всех остальных шкидцев, которые делают себе их из бумаги и лововно зовут колотушками.

Через десять минут в уборной играют снова.

— Эх, ну и плохо же у вас, братцы, — бубнит новичок Мамонтов; он мал ростом, светлоглаз и похож на бычка: — не жизнь у вас, а гроб. В карты нельзя перекинуться... У нас, бывало, воспитатель подойдёт, начнёт раззоряться, а мы ему в ответ: "В рыло не чешь?"

— А он? — спрашивает кто-то, завистливо вздохнув.

— Что он? — отвечает Мамонтов. — Повертится, повертится, да и сам сунется к нам: "Что с вами, мерзавцами, делать? Давайте и мне карточку". А мы ему: "Постой сначала у дверей на стрёме".

— Ну? — спрашивает опять тот же голос.

— Что ну? Стоит и стрёмит.

Игра приостанавливается. Все ждут, что ещё скажет новенький. Но он молчит.

— Ну и жить вам шикарно было! — говорит восхищённо Кузя. — Только лепишь ты! Не верю, чтоб вы в карты резались, а халдей на шухере стоял. Это чтоб мы тут сидели, а Сашкец в зале стоял и Викниксора стрёмил! Да нас предупреждал!

— Паразитом я буду, если вру, — сердится Мамонтов. — У нас так всегда. А таких сволочей, как ваш Сашкец, мы возили почём зря, тёмную им делали. Помню одного — такая же задрыва, как и Саш-

кец, — сам маленький, а басит, глотка что у кита. На лестнице поимали. Воспитательница увидела, в бессознание упала. А мы и её тоже, заодно, избили. И с лестницы скинули, этажом ниже. Вот потеха была!.. — И Мамонтов смеётся.

Смеётся он странно, весело, как будто его щекочит, но лицо остаётся по-прежнему неподвижным и хмурым. От его смеха делается жутко.

— А вам было что за это? — робко обрывает неприятную тишину Кузя.

Лицо Мамонтова темнеет.

— Раскассировали кого куда. А меня к вам.

Сизыми завитками плавают махорочный дым. В тусклом свете угольной лампочки вырисовываются ребяческие лица, серьёзные и задумчивые. Всё тускло, бледно и неестественно.

— А не плохо бы, братцы, — говорит Арбуз, взбудораженный рассказом новенького, — Сашкецу тёмную организовать... Замучил, задрыва, своей историей. А на кой кляп нам его история сдаласы!?

— Верно... — подхватывает Якушка. — Давно Сашкеца крыть надо. Из-за него мы в пятых разрядах сидим и в кино не ходим. [О пятом, четвёртом и т.д. штрафных разрядах — в конце данной книги — прим. ред.]. И обедаем мы после всех из-за проклятого Сашкеца.

Бить его надо.

Неожиданно гаснет лампочка, и в уборной сразу делается темно и тихо. И сейчас же с грохотом хлопает выстрел, и ликующий голос Химика слышится из коридора:

— Хряй, братва, в залу! Там Сашкеца кроют!

2

По верхнему этажу, стекаясь в полнейшей темноте, двигались шкидцы. Йошка с Фокой тащили из столовой клеёнку, чтобы набросить её на халдея. Кузя с Якушкой шёпотом переругивались из-за кочерги. Шикнули на заржавшего свой шпалер Женьку. У каждого в руках было "холодное" оружие: верёвки, палки, плевательницы.

Не отличавшийся храбростью Сашкец совершенно растерялся, когда вдруг потух свет и в него со всех сторон полетели куски штукатурки и хлебные корки.

Он притаился в углу между стеной и пианино, и шкидцы, не видя халдея, прекратили обстрел. И хотя в дверях с двух сторон слышался подозрительный шум и движение, Сашкец решил, что всё кончилось и, зашевелившись, осторожно выглянул наружу. Но сейчас же рядом чей-то знакомый голос прошептал: "вот он", раздавался визг, понесли под ноги плевательницы, градом посыпались на лысеющий череп куски штукатурки, корки и дохлые крысы. Халдей замесался, побежал в коридор, чтобы прорваться на лестницу и к учительской, но там уже, в полнейшей темноте, на него накиннули клеёнку, сшибли с ног, огрели по спине кочергой, и вся толпа стеснившись, ожесточённо принялась дубасить несчастного воспитателя. Вспыхнул свет.

Это Викниксор, спустившись к трансформатору, повернул выключенный рубильник.

Шкидцы разбежались.

3

У Дзе с утра болела голова. После уроков он сразу ушёл в спальню и заснул.

Проснулся он от визга, свиста и грохота рядом в зале. Света не было... Дзе полежал ещё немного и наконец осторожно выглянул из спальни в коридор. В ту же минуту вспыхнул свет, и шкидец увидел бросившихся врассыпную ребят и зашевелившийся под клеёнкой на полу какой-то предмет. Предмет оказался Сашкецом. Поднявшийся с полу избитый и потрепанный воспитатель тоскливо взглянул на Дзе и вдруг, перекосившись от злобы и слёз, закричал:

— А-а... это ты!.. Это ты всё, негодяй!.. Ты!.. Ты! Ты!..

— Что я? — растерялся Дзе.

— А вот увидишь! — всхлипнув, взвизгнул Сашкец и побежал вниз навстречу Викниксору.

4

Дзе знал, что про него в этой суматохе не забудут, и на другой день решил объясниться. Но его предупредили.

На первом же уроке в класс вошёл Викниксор и, посмотрев на поднявшегося грузина, коротко приказал:

— Вот что, — убирайся домой...

— Это была ошибка, Виктор Николаевич, это было так...

— Довольно. У тебя хватает ещё наглости не только хулиганить, но и врать...

Дзе вспыхнул:

— Позвольте...

— Я ничего не могу позволить. Я всё знаю, и мне, известна ваша лисья манера отпираться...

— Вы не даёте мне сказать, Виктор Николаевич...

— Я не хочу слушать хулигана.

— Ну, и чёрт с тобой! — заорал, садясь и хлопая партой, Дзе. Викниксор от неожиданности шатнулся и, справившись с волнением, деланно-спокойно заговорил:

— По-жа-луй-ста, пожалуйста без грубостей... После всего этого ты, конечно, понимаешь...

— Понимаю, — огрызнулся шкидец, шаря в парте и вытаскивая своё барахло: — Не пой, чирый сядет. Без вас обойдёмся.

Викниксор сдержался и, отойдя к двери, прикрикнул:

— Скорей убирайся.

— Успеешь! — процедил Дзе.

— Сволочь, — кинул Воробей, когда зав вышел.

Ребята окружили Дзе. Никто не знал, за что его вышибают.

— За вчерашнее. За избивание! — говорил собираясь, Дзе. — Только напрасно всё... А, впрочем, чёрт с ней, со Шкидой. Всех мало-по-малу вышибут. Сегодня меня, завтра вас.

Гурьбой провожали его шкидцы до выхода. Долго невесело прощались.

Из канцелярии вышел Викниксор и раздражённо сказал:

— Дежурный... Выпустить вот этого!

Дверь отворилась.

— Всего.

Одним старым шкидцем в Шкиде стало меньше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

То ли пошли какие-нибудь слухи о шкидских беспорядках, то ли, наоборот, начали толковать об его достижениях, или просто случайно, — но в Шкиду прислала своего сотрудника "Красная газета".

Это было утром, во вторник, в начале февраля месяца.

Сашка пошёл с Химиком и Лепёшиным в музей выбирать книги, но к ним вбежал красный и вспотевший Кира. Не говоря ни слова, воспитатель схватил стоявшую на виду швабру и пихнул её за шкаф; потом опять метнулся к двери и, приятно улыбаясь, приветствовал:

— Пожалуйста, пожалуйста... это наш музей... Будьте любезны, посмотрите...

Корреспондент, обросший бородой, невзрачный и больной целовек в солдатской шинели, с красным зазябшим носиком, проскочил мимо Киры и, суетясь и сбиваясь, закивал:

— Так-с, так-с... Очень приятно... Очень приятно... Очень приятно... Но...

— А это, обратите внимание, наш бесценный заведующий музеем... Очень способный и умный ученик четвёртого отделения. Подаёт большие надежды и, так сказать...

— Ага, ага... Так-с, так-с... Очень приятно, — лепетал, оглядываясь, корреспондент. — Это что у вас? Ах, да, музей... Так-с, так-с... И, что же это всё ваше, ваши работы?

Шкидцев рассмешило, что оживлённый и непринуждённый Сашка необыкновенно вытянулся и чужим, официально-сухим голосом и словно давно заученное начал объяснять:

— Перед вашими глазами находится организованный недавно учащимися школьный исторический музей. Он, то есть музей, должен показать и отобразить прошлое школы... Перейдём к обозрению отделов. Вот здесь витрины периодической печати: школьные газеты и журналы, вышедшие за последние три года.

— Что вы говорите? — изумился корреспондент. — Так много, и всё это вы сами издавали?

— Да-с, — подскочил Кира: — это всё ученики составляли... самостоятельно-с...

— В распоряжении музея, — продолжал Сашка тем же неестественным голосом, — имеется 107 названий и 361 экземпляр. Это половина всех газет и журналов, издававшихся в школе. Всё остальное находится в собственности издателей и редакторов.

— Поразительно, чёрт возьми! — бормотал корреспондент, суеливо хватаясь за журнал. — "Аргонавты"... Что это... Ведь это стихи...

--
Даль глядит очами хризолита,
Поле сон отмаливает рожью,

Небо — синий океан разлитый,

Разлитой огнём во славу божью...

--

— Стихи... Настоящие стихи... поразительно, поразительно!

--

Ночами хмельная река

Пойдёт пениться хлёстко

И ветер пьяный трепака

Отплясывать по перекрёсткам...

--

— Это вы сами писали?.. Сами?... Гм!..

— Здесь, — продолжал Сашка, — расположены более солидные издания. Мы имеем здесь сборники, альманахи и книги отдельных авторов, наших учеников.

— Вот! — Кира протянул потрясённому корреспонденту небольшую изящную книжку. — Вот некоторым образом философское сочинение; тоже наш ученик написал.

— Что такое?... покажите, покажите!.. "Мысли и афоризмы". Что такое?.. "Человечество вечно, последовательно идеализирует"...

Гм... гм... "Сейчас нет почвы для романтизма"... Правильно. "Романтические герои... останавливали и укрощали взбесившихся лошадей, ну, а теперь как остановить взбесившийся автомобиль, да и не бешутся они вовсе..." Остроумно... Поразительно остроумно.

— Перейдём теперь к отделу живописи, — ровно и звучно продолжал Сашка: — у нас представлено здесь и масло, и акварель, и графика... Далее цикл, относящийся к изучению Петербурга. Внизу — всё, написанное по этому вопросу воспитанниками. Эта витрина посвящена деятельности литературно-художественных объединений, в частности обществу "Земное Кольцо" и его издательству. Здесь, в этом шкафу, хранятся архивы и документы, относящиеся к истории школы... Здесь же, в музее, идёт точная и подробная разработка их! Все исследования своевременно публикуются в органе музея "Исторический вестник". Вот, кстати, последний номер.

— Невероятно, невероятно, — лепетал совершенно растерявшийся и задавленный корреспондент.

На стенах висели великолепные портреты (несколько лет назад нарисованные учителями рисования). Из шкафов выглядывали солидные папки документов. На столах горами громоздились газеты, журналы, книги, альманахи. Со страниц глядели поражающие слова, мысли, стихи.

— Романтизм... Человечество... Идеи... — лепетал корреспондент и вдруг взвизгнул: — Да ведь у вас не дефективный детдом, а академия! Да-с! У вас не ученики, а сплошь философы, поэты, учёные... Читатель обязательно должен познакомиться с вашими достижениями. Я подробно опишу школу имени Достоевского в газете.

Химик и Лепёшин вздрогнули. Они быстро переглянулись и, сразу поняв друг друга, незаметно выскользнули из музея....

Через минуту школа заволоновалась.

Огромная толпа бросивших свои уроки "философов, поэтов, учёных" сбежалась вниз, к музею. Халдеи сразу же куда-то исчезли. Корреспондента притиснули к стенке. В воздухе повисли жалобы, крик, мат...

— Что вы там музеи осматриваете? — кричал "академик" Будок. — Они так напоят вам, халдеи... Вы посмотрите лучше, что в школе творится... Житья никакого нет.

- Разрядами замучили...
- В изоляторах по неделям сидим...
- Бьют.
- Без обедов...
- Не раньше...

Почувствовавший опасность, корреспондент вытащил из-за пазухи огромный засаленный блокнот и, мелко трясясь и ничего не понимая, суетливо зачирикал на листках...

Но, должно быть, это не всем было видно: задние поднапёрли на передних, передние поднапёрли на корреспондента, — сбоку кто-то выстрелил. Корреспонденту показалось, что начинается восстание; он слабо закричал, начал пробиваться через толпу и, теряя по дороге листочки блокнота, кинулся к выходу.

— Что это такое? — спросил у Сашки проходящий учитель математики. — Все бросили уроки, побежали сюда, начали кричать и жаловаться... Почему это случилось?

— Накипело, дядя Миша, — ответил шкидец, — накипело у ребят и сорвалось.

2

На следующей перемене Химик увидел Сашку в зале. Сашка стоял у окна и рассказывал обступившим его ребятам про появление и исчезновение корреспондента.

— Наговорил я ему сорок бочек арестантов, он сразу и обалдел. Идёт и обо все столы по очереди стучается... Ей-богу!.. Вдруг всё в зале затихло.

Из двери прямо к кучке у окна шёл Викниксор. Химик увидел его последним.

— Тш-ш...

— Ну-с, — иронически глядя на Сашку, проговорил заведующий: — объясни мне, сделай милость, что у тебя там накипело?

Толпа зашевелилась; некоторые злорадно, предчувствуя дешёвое развлечение, засмеялись; некоторые робко попятились и начали пробираться к дверям.

Сашка стоял бледный.

— Я не понимаю вас.

— Вы изволили изъясняться в ваших чувствах в присутствии лиц, которые могут засвидетельствовать это. Впрочем, если вам по всегдашней вашей привычке благоугодно будет начать отпираться...

— Что вы хотите?

— Да что у тебя накипело, скажи мне... Ну, не смущайся, светик, не стыдись, подними глазки, стань ровненько и начинай...

— Хорошо! — Сашка сжал в карманах кулаки и поднял голову. — У меня накипело вот что. Всегда, как только кто-нибудь приходит в школу, вы водите и показываете музей и всё хорошее... А обо всём скверном, которого у нас до чёрта, всегда молчите и замалчиваете...

— Постой. Во-первых, сегодня корреспондент пришёл в моё отсутствие, а, во-вторых, где ты нашёл плохое, что тебе не нравится?

По залу, весело разговаривая, прошли Йошка, Фока и третий классник Душка. Фока взглянул на толпу и улыбнулся...

— А Саша наш опять агитирует; теперь, кажется, добрался уже до Викниксора...

— Он неисправим! — пожал плечами Йошка.

— Разве это допустимо? — горячо говорил Сашка. — И разряды, и "летопись", и изоляторы, и оставление без обедов, и многое другое... Что вы там тычете гостям музеи и журналы, почему вы не можете им изолятор?

— Слушай, можно говорить, но нужно и следить за тем, что говоришь. И летопись, и разряды, и изолятор — это система... Наказания в дефективной школе необходимы — это истина непреложная...
— Допустим... Пусть наказания нужны... Но ведь в школе произвол, каждый воспитатель делает то, что он захочет...

..

ЗТ. А.С. Макаренко сосредоточил право наказания только а) у себя и б) у руководимого им совета командиров. Остальной персонал не имел права наказывать, ибо наказание — штука сложная, и неумелое наказание способно возбудить ребят против учреждения. Не так было в Шкиде. По всему тексту "Последней гимназии" видно, что с наказаниями в Шкиде — возбуждающая негодование ребят против "халдеев" полная чехарда.

.. — Допустим... Пусть наказания нужны... Но ведь в школе произвол, каждый воспитатель делает то, что он захочет...

— Каждый воспитатель действует на основании инструкции.

— А где она? — вырвалось неожиданно у Химика. Инструкция ваша?

— Инструкция в канцелярии, и показывать её каждому солпаку мы не находим нужным. Но мы действуем, руководствуясь ею...

— Хорошо, — продолжал Сашка, — у вас есть общая инструкция, но ведь всё-таки воспитатели, и руководясь ею, могут делать всё, что им вздумается. Вот, например: идёт шкидец и держит руки в карманах; один воспитатель и внимания на это не обратит, а второй возьмёт и запишет: "нет такого закона — скажет, — чтобы руки в карманах держать". Или на подоконник сядет кто, — один воспитатель не запишет, а второй, запишет. "Это непорядок, — скажет, — я на основании инструкции должен за порядком следить, а раз его нарушают, должен записать" — и запишет; и прав... Нет, Виктор Николаевич, школьного основного закона у нас нет... А помните, вы же сами на древней истории, когда мы про Дракона и Ликурга учили, вы

сами сказали, что закон, даже самый суровый, самый жестокий, лучше беззакония...

Когда Сашка говорил, в зале стало совсем тихо, и только слышался его одинокий, взволнованный голос... Викниксор молчал и был, казалось, тронут горячностью шкидца.

Но перемена уже успела кончиться и дежурный начал звонить на урок.

Викниксор опустил свою ладонь на Сашкино плечо.

— Хорошо... Я буду помнить всё, что ты сказал. Мы обсудим на педсовете вопрос об основном законе, о школьной конституции... И это хорошо, что ты горячился и высказал. Не забывай так делать и дальше... А теперь, — возвысил он голос, обращаясь к остальным, — идите в классы...

3

В представлении Химика халдеи были породой людей, которая действует всегда противно природе и здравому смыслу. И он, казалось, знал наверняка, как должен поступить халдей Викниксор при разговоре с Сашкой: сначала обругать, потом закричать, вцепиться в загривок и поволочить в изолятор. Так делали все. И заведующий "Пешка" из детдома "Красный Молот", и заведующий генерал с Миллионной, и профессор Подольский в своём морально-социальном институте.

Викниксор так не сделал... Он не кричал на шкидца, а, наоборот, пообещал всё запомнить и обсудить на педсовете. Он не потащил его в изолятор, а одобрил и похлопал по плечу. Он выслушал его и был взволнован.

Химик за свою жизнь стал двужилбым человеком, и никакие чувства, а тем более халдейские, не могли прошибить его. А между тем, когда шедший с ним рядом Лепёшин пробормотал с самым искренним недоумением, что ведь Викниксор-то, оказывается, парень что надо, Химик поддержал своего друга.

Они весь день порывались сходить к Сашке и поговорить с ним и о конституции, и о Викниксоре, но, как на зло, Лепёшину подошла очередь дежурить по классу, а к Химику придрался извечный его враг Амёбка и велел стоять после уроков в наказание. Потом был ужин и опять уроки, и только после вечернего чая смогли ребята по-пасть к Сашке.

И тут им не повезло: Сашка в музее был не один; рядом с ним у топящейся печки сидели Июшка и Душка, а на диване, привольно расположившись и не боясь измять свой новый коричневый костюм, курил фока.

— Входите, входите, — крикнул Сашка, видя, что Химик и Лепёшин хотели уже повернуть обратно. — У меня ведь сегодня званный вечер. Я вам утром и сказать не успел, чтобы вы меня поздравили... Мне сегодня стало 16 лет.

— Ну? — неизвестно отчего обрадовался Химик. — Ишь ты как... поздравляю.

— Поздравляю, — тихо сказал Лепёшин и покраснел.

Самым неприятным для Лепёшина было присутствие в музее Душки. Этот красивый и похожий на куклу шкидец с синими женственными глазами и нежным лицом, — "Херувимчик" и "Душка" по прозванию всех окрестных марух и торговок семечками, сердца которых он покорял одним взглядом, — был самым отвратительным из шкидских ростовщиков. Он осторожно и с чисто паучьей вежливостью опутывал своих должников, нагонял и выколачивал огромные проценты, действуя где сам, где через подставных лиц, не стесняясь пускать в ход и ругань, и кулаки, и фискальство... Известно, как он попал в Июшкину компанию, которую с лёгкой Сашкиной руки называли "золотой молодёжью".

Может быть, привлекало присутствие блестящего, аристократичного Фоки; может быть, надоела своя ростовщическая брашка...

Как-то не верилось, глядя на него, что юноша с таким чистым и нежно-откровенным лицом мог изо дня в день подличать и зани-

маться грязными делами. Именно эта двойственность и свела с ним Июшку. Тот любил всё необычное, странное и ненатуральное. Он часто подолгу и откровенно, во всех омерзительных подробностях, расспрашивал Душку, — которого прозвал Дорианом Греем, — о его должниках, ссудах и процентах, хотя чаще всего тот просто отвечал: "Денги не пахнут".

Сейчас Душка даже показался Лепёшину ещё более неприятным, чем обычно... Он видел, как этот шкидец затащил в уборную и копотил там своего одноклассника Федорку, вконец проигравшегося картёжника, который безнадежно задолжал ему рубль... Душку боялись, хотя ни силой, ни храбростью он похвастаться не мог, а поддерживал уважение к себе хвастовством и рассказами шпанских историй, где обязательно участвовал он и трупы, ножи, шпалера, кровь... Его даже и звали за это: "два ножа и сбоку пушка".

— Ты определённо неисправим, Сашка, — раскачиваясь на стуле и кривя своей большой и некрасивый рот, насмешливо говорил Июшка: — я слышал, что ты договорился с Викниксором до конституции... Ну, что ж, бог в помощь, в добрый час. А всё-таки ты idiot, прости меня. Кого ты у нас насмешишь этой дотопотщиной? Хочешь, расскажу тебе про нашу шкидскую демократию... Про остракизм наш знаешь? Приходит к Викниксору делегация, говорит: желаем искоренить воровство, созвать собрание, чтобы каждый подал записку с фамилией. Чья фамилия пять раз повторится, тот огреба-ет Лавру или реформаториум, знаешь это?... Ну так вот: против меня пятнадцать человек собралось. А Женька?... Купил себе за пуд хлеба должность старосты по кухне...

— Постой, — перебил Сашка. — Ведь ты говоришь о том, что есть сейчас, а я хочу, чтобы этой мерзости не было. Основной закон, устав школьный нам нужен сейчас как воздух... А демократия наша... её надо направлять... Ею будет руководить группа передовых ребят, коллектив в роде юнкомовского.

— Да ты, ей-богу, чудак! — расхохотался Июшка. — Он хочет организовать Юнком, а... Что вы на это скажете, банкир?..

— Чёрта с два, — хрипло ответил Душка. — Разгонят их, как и раньше разогнали. Нашли с кем дело иметь — с Викниксором, задрыгой чёртовым...

— Нет, отчего же, — потрянув белокурой головой и швырнув окурок, отозвался с дивана фока. — Организация, вообще, вещь хорошая, только её организовать уметь надо, со смыслом... Подпольная, например, организация. Вот как у нас в школе было общество "любителей выпить и закутить", лига "Железный крест" или ещё "Союз святого Георгия-победоносца".

— Погоди ты со своими фашистскими, — улыбнулся Июшка. — Знаем ведь дела ваши: малышей чернилами пачкать да учителям смертные приговоры выносить.

— Ну, нет, у нас и серьёзное было... Например, борьба с еврейско-комсомольским засильем, борьба против революционных кампаний...

— И организация еврейского погрома, — саркастически подхватил Сашка. — Знаю, знаю... Сам ведь хвастался, как накануне Пасхи вывесили плакат: "Всем, всем, всем... Только у нас в ночь с субботы на воскресенье еврейский погром... Монопольно на весь Петроград"... Здорово...

— Подумаешь, — протянул Июшка: и пошутить уж нельзя... По-твоему, всем надо сидеть по музеям и греться у печки... Вообще, знаешь ли, у вас есть нехорошая манера всё преувеличивать... Поколотят где-нибудь жидка — "еврейский погром", разнесут ларёк — "бунт", изволохают мильтона — "бандитизм"...

"Ничего себе рассуждает, — подумал Химик: — а ещё председатель Юнкама был!.."

— Ты говоришь о ненормальностях, — загорячился Сашка, — и по своему обыкновению передёргиваешь и съезжаешь на другое... А

я всё-таки скажу, что если у нас будет школьный устав, все эти ненормальности исчезнут. Наша школьная конституция...

— Конституция... — Ой, уморил!.. Нашли халдеи дурака, который поверил им... А помнишь раз в третьем классе о конституции говорились... Тоже Викниксор обещал подумать и обсудить. Верно — думали и рассуждали, только вместо конституции решили открыть второй изолятор... Получите, мол, пока каталажку, а об законах поговорим после...

Лепёшин сидел и, расширив свои большие мечтательные глаза, жадно прислушивался. И только в мозгу неотступно почему-то вертелось название книжки "Оцеола, вождь семинолов".

Химику, наоборот, было скучно; он посидел, поболтал ногами и, заметя на столе книжку, взял её... Стихи... Интересно.

--

Шуми, шуми с крутой вершины,

Не умолкай, поток седой,

Соединяй протяжный вой

С протяжным отзвуком долины...

--

— Ну ладно, — поднимаясь, проговорил Июшка: — сделали мы тебе именной визит, поздравили, поговорили, а теперь и погулять хочется... Пойдём...

— С удовольствием, — быстро и радостно отозвался Сашка. — Со вчерашнего дня не был на улице... Смотрите, что это такое?... Химик зачитался Боратынским... Нравится тебе?..

— Нравится... Красиво написано...

— Так ты возьми... почитай ещё... Да иду, иду — не тяните...

.....

"А чёрт его знает, — размышлял над Боратынским Химик. — А ведь и Сашка к ним в компанию втянется; ну факт, что втянется, раз гулять пошёл..."

И вздрогнул.

Все разговоры о "конституции" и школьном уставе обернулись самым странным и неожиданным образом.

На педсовете после краткого, викинсковского сообщения поднялась целая буря.

Сашкец сказал, что если сейчас воспитанники проводят всё время в бузе, занимаются воровством, картами, ловят и избивают воспитателей, то что же будет, если им дать конституцию?..

Кира добавил, что распушенность ребят дошла сейчас до такого предела, когда приходится думать только о введении новой, более жёсткой системы наказаний:

— Не конституция им нужна, а арапник!..

Амёбка, соглашаясь во всём с высказанными положениями, рекомендовал не откладывать дела в долгий ящик и немедленно перейти к обсуждению новых мер пресечения и наказания.

Эланлюм заметила, что в Шкиде и без того достаточно хорошее отношение и что давно пора усилить репрессивные меры.

Селезнёв целиком поддерживал мнение всех "предыдущих товарищей".

Дядя Коля поддерживал мнение Селезнёва.

Сашкец выступил вторично и внёс проект резолюции: объявить непримиримую и усиленную борьбу с картами, бузой и воровством, ввести в школе особое положение, отменить прогулки и отпуска; произвести налёты на уборные и выловить всех злостных картёжников; в течение месяца устроить остракизм; дать воспитателям право беспепеляционного перевода в штрафные разряды; в случае переполнения изоляторов учредить ещё один вспомогательный.

Костец заявил, что если будет введена конституция, он уйдёт из Шкиды; Селезнёв грозил месткомом. И упрямо защищаемую Викниксору ничего не оставалось, как сдаться. Резолюция Сашкеца была принята.

Тут наступил перелом.

Опять выступил Сашкец и, заметив, что следует только приветствовать своевременность постановки вопроса о школьном основном законе, прибавил:

— Когда школа будет усмирена и приведена в нормальное состояние, нужно и должно будет создать комиссию для разработки важнейших положений конституции.

Соответствующее дополнение было принято единогласно, и Викниксор велел вызвать из музея Сашку.

— Вот, — сказал Сашке заведующий: — ты можешь убедиться теперь, что мы всегда идём навстречу лучшим элементам школы. После того как школа будет замирена и выправлена, мы станем на путь самоуправления, законности, конституции; на путь, который...

— Ах, Виктор Николаевич, — перебил Сашка. — Не с того вы начинаете... Ведь ребятам и сейчас от разрядов да изоляторов недохнуть, а вы хотите новые наказания вводить... И вы ошибаетесь, если думаете, что это подействует на нас, нам теперь всё нипочём: мы привыкли...

— Ну ладно, — поморщившись, махнул Викниксор. — Ладно, иди... Тебе нас учить нечему, мы знаем, что и как делать. Иди!

— Не понимает ещё — добавил он, когда сконфуженный Сашка вышел.

— Да, — с усмешкой поддакнул Кира, — не педагог, сразу видно...

2

"В бузе обретёшь ты право своё".

"ВОЗРОЖДЕННЫЙ АППЕНДИЦИТ".

"Официальный орган Шкидского Общества любителей выпить и закусить".

№ 1

Улиганштадт.

Февраль 1924 года.

МАНИФЕСТ.

Дорогие товарищи.

Последние дни мы имеем некоторым образом возрождение и оживление нашей дорогой и уважаемой шкидской общественности. Прославленный в летописях нации великий учёный и политический деятель, директор государственного музея Шкиды, обратился к президенту республики г-ну Викниксору на предмет выдачи конституций. Вняв голосу общественности и по обсуждении этого вопроса с государственными чинами, президент приказал в двадцать четыре часа опубликовать все имеющиеся свободы и по расстрелянии донести. Когда свободы были вконец опубликованы, серый и некультурный народ наш начал кричать и выражаться. И мы, объявляя себя верными сынами Шкидского отечества, со всей ответственностью сказанного заявляем: "мало вас, чертей, драли, узнаете теперь свободу!" И с восторгом ждём того дня, когда конституция делается наконец достоянием долготерпеливого нашего народа.

Любители выпить и закусить.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ,

внесённой обществом в комиссию по выработке основного школьного закона.

1. Сим объявляется на территории Шкиды полная свобода.
2. Все шкидцы без различия возраста, роста и аппетита могут делать всё, что им захочется.
3. Все воспитатели могут тоже делать всё, что им захочется.
4. Для того чтобы шкидцы не делали всё, что им захочется, учредить на предмет пресечения в каждом классе изолятор и приставить к нему по субъекту с Летописью.
5. В остальном порядок старый.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В помещении редакции сегодня вечером состоится закрытое собрание общества любителей выпить и закусь.

Доклад председателя общества Г. Ионина

"Практика самогоноварения".

Вход по членским билетам. Рюмки и приборы приносить с собой.

3

Речь Викниксора, посвящённая генеральной чистке школы, на ребят не произвела никакого впечатления. И сказано-то она была наспех, торопливо, и в конце обеда — и поэтому сразу и забылась. Никто во всей Шкиде не думал, что халдеи серьёзно готовят наступление.

Два налёта — на верхнюю и нижнюю уборную — были произведены одновременно. Наверху удачи не было. С коридора кто-то успел крикнуть "зекс", кто-то, не растерявшись, перерезал провода, и в темноте карты, шпалеры и ножи побросали в стульчаки и залили водой.

Внизу шла крупная и азартная игра. Банк держал Голый Барин; играли: Арбуз, Женька и Душка. При появлении халдеев они успели бросить карты; Голый Барин, который стоял спиной к дверям, был схвачен прямо с колодой в руках. При обыске у него нашли нож, шпалер и банку с порохом. Потом шкидца отпустили, а обо всем происшествии пошли докладывать Викниксору.

"А чёрт с ней, с запоркой! — думал, сидя в классе, Голый. — Пятым разрядом отгавкаюсь; месяц на улицу не пустят!

Голый ошибался.

Через несколько минут в класс пришёл Викниксор.

— Ребята! — хмурясь сказал он. — В вашем классе есть преступники, картёжники — майданщики.

[Из интернета. — По толковым словарям : МАЙДАНЩИК вор, совершающий кражи на вокзалах, в пассажирских поездах; содержатель притона азартных игр; шулер, орудующий на базарах и рынках; осуждённый, тайно продающий наркотики и спиртные напитки ..]

— Ты, — обратился он к Голому, — сейчас пойдёшь домой. Мне рецидивистов и атаманов не нужно... Убирайся сейчас же из школы и не задерживайся!

— Мне некуда идти.

— Домой.

— У меня нет дома...

— К матери...

— У меня нет матери.

Викниксор приподнял брови:

— У тебя есть мачеха.

— Она не примет меня к себе.

— Нас это не касается... Мы преступников в школе держать не можем.

— Мне некуда идти, Виктор Николаевич.

— Виктор Николаевич, — заговорил Йошка: — ему верно некуда идти. Нельзя же выгонять, ведь ещё зима, куда же он пойдёт?..

— А о чём он думал, картёжничая... Вы со своим тюремным товариществом только разлагаете школу. Тебе говорят, — крикнул Викниксор: — уходи! Слышишь?

— Куда же? — криво и сдерживаясь, чтобы не всхлипнуть, спросил Голый. — Куда же идти? Воровать? В Фонтанку с Калинкина моста?..

— А это твоё дело... Можешь с Калинкина, можешь с Обводного.

4

Когда железная проржавленная калитка, прогрохотав, закрылась за спиной, и холодный февральский ветер, засвистав, закрутился по тёмному иссугробленному переулку, подумалось: "Куда идти?"

Голый спрятал руки в рукава пальто, стоял, прислонясь в стенке дома, думал:

Куда идти?

В ночлежку — уже было поздно. И потом у него оставалось только тринадцать копеек денег; остальные были отобраны при обыске в уборной...

Шкидец поёжился в своём лёгком пальтеце и медленно пошёл вперёд...

Магазины и лавки уже были закрыты. Порошивший снег летел на лицо сухой и непрерывной завесой. Блестящие фонари упирались в темноту конусом света. Был ветер, вечер, мороз. Улица быстро пустела.

Голый Барин прошёл по Садовой до Покровского рынка и свернул там к Екатерининскому каналу. Он чувствовал, что коченеет, и шёл быстрее и быстрее, пока не побежал... У Аларчина моста остановился, обессиленный и неприятно вспотевший. Он постоял немного, передохнул и повернул обратно. Но опять ветер и холод заставили ускорить шаг и побегать.

Он бегал взад и вперед по улицам, останавливался, тёр уши и нос и не заметил, как снова очутился недалеко от Шкиды.

Ворота уже были заперты. Голый перелез забор со стороны переулка и тихонько пошёл по двору. Школа спала, и всё было заперто.

Голый поднялся по лестнице на самый верх и, свалившись на площадке у дверей чердака, заснул усталым и тяжёлым сном.

5

Сашкец, сменившись с дежурства, пообедал, выпался, сходил в кино и, встретив там дядю Колю, просидел с ним до двенадцати часов в пивной.

Возвращаясь в Шкиду, он пробовал петь, заговаривал с прохожими и дал открывшему ему ворота дворнику на чай двугривенный.

Сашкец жил при школе, в мансарде рядом с чердаком. По лестнице он поднялся благополучно, но на площадке у самых дверей запнулся и едва не упал.

— Гм, — бормотал халдей: — узел какой-то, тряпки... Нет, не тряпки... Человека кто-то положил... Подкидывш, что ли? Человека подкинули.

Он зажёл спичку и наклонился. Из темноты, освещённое прыгающим светом, выступило посиневшее и скрытое лицо Гоголого Барина... Сашкец выронил спичку и торопливо зажёл вторую. Потом быстро открыл дверь и втащил шкидца в комнату.

Голый проснулся на широком покойном диване, в странной комнате с низким и накренившимся потолком. Рядом топилась раскалённая докрасна чугунка и стоял Сашкец.

— Ну? — строго спросил халдей. — Ты как попал на лестницу?

Вместо ответа Голый заплакал.

— Ах ты, боже мой! — поморщился Сашкец. — Заревел! Ты толком Расскажи мне, а не реви...

— Выгнали... Викниксор выгнал... А куда я пойду — у меня никого нет, только мачеха одна, да и та чужая...

— А за что выгнали?

— За карты... — всхлипнул шкидец: — В карты мы играли в уборной. Кто-нибудь накатил, нас и поймали.

Сашкец отошёл к столу и задумчиво забарабанил пальцами... Потом посмотрел на часы и сказал:

— Сиди тут, грейся. Я к Виктору Николаевичу схожу; если он не спит, поговорю с ним.

Голый остался в комнате. Ни думать, ни желать ничего не хотелось. Смотрел на странный скошенный потолок, на странную низкую комнату, слушал, как гудит пламя в чугунке, и чувствовал холод в ногах от промёрзших ботинок.

Сашкец вернулся скоро. Запёр за собой дверь, снял галоши, разделся и подошёл греть руки к чугунке...

На другой день Гоголого Барина приняли обратно. Сашкецом Викниксор был явно недоволен. И не скрывая этого, сказал, что тем бо-

лее неуместны подобные ходатайства для воспитателя, предложение жившего резолюцию об усилении репрессий.

Отпуская добавил:

— Буду надеяться, Александр Николаевич, что подобных историй впредь с вами не повторится.

Известие о случившемся облетело всю Шкиду.

И Сашкец был разом вознаграждён за все неудачи. Его воспитанники, кипчаки, клялись никогда не бузить на уроках истории, старательно учить её и встретили и проводили Сашкеца аплодисментами и криками "ура".

В столовой тоже аплодировали, кричали: "да здравствует дядя Саша", а Июшка торжественно пожал ему руку "от лица всей школы".

Учительская была недовольна, и естественник Амёба, отводя в сторону халдеев, жаловался, что Сашкец, "в поисках популярности, действует очень неполитично и разбивает единый воспитательский фронт..."

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

1

— Слышь, Розен! — крикнул Душка, мимоходом заглянув во второе отделение: — не отдашь сегодня трёшку, завтра полтинник набавлю.

— Какую трёшку? Я у тебя рубль брал.

— А ты считать умеешь?

— Умею...

— Рубль ты у меня когда брал?.. В январе. А сейчас апрель кончается. Не отдашь сегодня трёшки, завтра три с полтиной будет.

— Да ты что? с ума сошёл? — удивляется "барон" Розен. — Два с полтиной на рубль насчитал... С Гоголя и получи!

— Как? — нахмурившись подходит к парте Душка: — как ты скал, зануда? С Гоголя?.. Не отдашь?

— Факт, не отдам... Три рубля!

— В морду хочешь?

— Дай! — вскакивает "барон": — дай, попробуй.

Раздаётся звонкая оплеуха... Розен с воем хватается за покрасневшую щёку и падает обратно на парту...

— Ну? — спрашивает Душка. — Хватает? Будешь отдавать или нет?

— Уйди, — плачется Розен. — Откуда я тебе трёшку возьму?

Новая оплеуха звонко отдаётся в классе, и снова воет "барон". Рисующий у окна худой и растрёпанный новичок Андреев внезапно бросает краски и бледнеет.

— Оставь... Розена! — задыхаясь говорит он. — Под силу себе нашёл, что ли?..

Это неожиданное вмешательство до того поражает Душку, что он действительно оставляет своего должника и глядит на Андреева.

— И ты, значит, в морду захотел?.. Смотри, схлопочешь, паразит...

— Сам ты паразит, ростовщик чёртов! Гадина ты!.. Сука!.. Сво-
лочь! У нас таких гадов убивали прямо, в сортир головой сбрасыва-
ли...

— Сейчас по морде дам...

— А я тебе такого отвешу, что и не согласишься больше!

Синие душкины глаза становятся совсем тёмными; нежное, ми-
ловидное лицо белеет.

— Стыкнёмся.

— Выходи.

Они становятся друг против друга. Худой и неуклюжий художник
явно ощущает своё бессилие, глядя на ловкого красавичка-
ростовщика. Душка, нахмуренный и злой, смотрит, куда бить... Про-
тивников сразу окружают ребята; лица всех мрачны и сосредотооче-
ны. Потом раздаются глухие крики:

— Дай ему, Андреев!

— Дай!

— Дай!

— Начни только!

— Не бойся!

— Не бойся, Андреев!

В комнате повисает страшная неощутимая угроза. Душка белеет
до синевы и начинает отступать к двери... Чувствует, что сзади уже
кто-то заходит...

— Душка! — слышится вдруг из коридора голос Фоки: — куда те-
бя черти занесли?.. Ждать себя только заставляешь! Идём!..

2

Ваську Андреева прислали из провинциального реформаториу-
ма. Прислали потому, что он сам настойчиво просил отправить его в
Питер, где хотел учиться рисованию...

Худой, длинный, неуклюжий, с растрёпанными жидкими волоса-
ми, с папкой рисунков, с ящиком красок, Андреев появился в Шкиде
в середине апреля. Его посадили во второй класс, и он, обосновав-

шись у окна, принялся за карандаши и краски, рисуя портреты ре-
бят.

И шкидцы сразу прониклись почтением к новичку, хотя он не об-
ращал никакого внимания на происходившее вокруг него, рисовал,
читал и непонятно чудил.

Когда в Шкиде в первый раз с зимы открыли окна, Андреев по-
ставил на подоконник стул и, усевшись на нём, принялся рисовать
эскиз, поплёвывая по привычке в сторону. Плевки шлёпались на па-
нель, на головы и лица прохожих, и вскоре внизу уже собралась и
шумела достаточная толпа.

Тогда Андреев встал во весь рост на подоконнике и, вытянув ру-
ку, произнёс:

— Умолкни, чернь непросвещённая! — и сбросил на улицу стул.

Озлобленная "чернь" не умолкла, а подступила к дверям и нача-
ла ломиться в Шкиду... Ребята сбегали в четвертое отделение, и
там Фока, обличем похожий на халдея, сошёл вниз, открыл дверь
и, приняв протянутый стулик, сообщил бушующим гражданам, что
воспитанник сумасшедший, сейчас сидит в смиренной рубашке и
будет отправлен в сумасшедший дом.

Этот-то Васька Андреев, после неудавшейся своей стычки с
Душкой, увидел, что никто из ребят не расходит. Вполголоса на-
чался разговор, и после недолгого препирательства решили крыть
Душку вечером в спальне...

3

Почувявший недоброе Душка пришёл в спальню не один, а в одно
время с Фокой, Йошкой и своим другом по амурным делам третье-
классником Бобром.

На его кровати в ногах сидел Андреев, кругом в проходах и на
постелях толпой громоздились ребята, в стороне стоял Кулеца, кото-
рого упростили перехлестнуться с Фокой, если тот станет заступать-
ся за ростовщика.

И те, кто пришёл с Душкой, сразу поняли, что если они помогут ему, — их будут крыть задно: в спальне собралось человек семьдесят ребят — почти вся Шкида.

Душка увидел, как опустились глаза у Йошки, Фоки и Бобра, — они остановились у кроватей, не глядя на собравшихся, принялись торопливо раздеваться, а он продолжал идти к своему месту, навстречу толпе, навстречу тёмным ожидающим лицам, тяжёлому болезненно-неизвестному страху.

Толпа расступилась перед ним и снова сомкнулась за спиной...

Навстречу встал Андреев. Рядом с ним оказался Розен с толстой, сложной вчетверо велосипедной цепью, которую принёс Лепёшки в доказательство, что его велосипед не "мифология".

— Ну, — сказал Андреев, — теперь стыкнёмся?

Душка опустил руку в карман, нащупывая нож.

— Я с тобой драться не буду, — тихо сказал он.

— Нет, будешь! — закричал, вспыхивая Андреев! — Будешь, га-дюка, я тебя заставлю... Слышишь?..

— Я драться не буду...

— Будешь!..

— Не буду.

— Будешь!!!

Ребята сдвигались вокруг плотной непроходимой толпой. Розен вытягивал вперёд велосипедную цепь. Йошка, дрожа, стаскивал и срывал одежду, срывал ботинки, спеша раздеться и броситься в кровать...

— Ну? будешь?

— Пойдём в класс... Один на один... Тогда буду.

— Ага! — Закричали в толпе. — Испугался, сволочь!.. Дай ему, Андрюшка...

— Дай!

— Начни только!

— Не бойся!..

Все ждали, чтобы Андреев "разжёл тёмную". Но неожиданно Розен ударил по голове Душку велосипедной цепью; ростовщик закричал и, растолпырив руки, упал на колени, уткнувшись лицом в постель.

Йошка судорожно натянул на уши одеяло и стиснул зубы...

Тишина раскололась ясным и спокойным вопросом:

— Что у вас здесь происходит? Почему все одеты и не в кроватях...

В дверях стоял Викниксор с дежурными воспитателями.

Все молчали. Никто не смотрел ни на заведующего, ни на подмающего с пола Душку. Викниксор махнул воспитателям, чтобы они вышли, прикрыл дверь и подошёл к ребятам.

— Объясните мне всё, что у вас здесь было; говорите, не бойтесь!..

Тогда один за другим шкидцы начали говорить.

И от злости, сдерживаемой ненависти, в пылу обиды на Душку наговорили таких дел, к которым он не имел никакого причастия. Но Душка боялся сказать слово и только тихо всхлипывал, держась рукой за окровавленный затылок.

— Хорошо, — сказал Викниксор, — мне теперь всё ясно... Он виновен перед вами. Только незачем было устраивать избиение... Поступите с ним организованно...

— Мы и поступили организованно...

— Нет — мордобой тут ни к чему. За его поступки его надо судить... Устроим завтра собрание и сообща решим, что сделать...

— Соглашайтесь, ребята! — глухо проговорил с кровати Йошка.

— Так, как Виктор Николаевич говорит, — лучше...

— Правильно, — поддержал его Лепёшин. — Засудим эту сволочь завтра... Давай, Розен, цепь, ничего больше не будет...

Викниксор взял слово с ребят, что они не тронут Душку и ушёл из спальни позвать воспитателей... Шкидцы медленно расходились...

— Счастье твоё — сказал напоследок Андреев, — не приди Викниксор, быть тебе сейчас в лазарете...

4

Утром, после чая, в столовой выбрали товарищеский суд. Каждый должен был подать записку с фамилиями пяти кандидатов.

Большинством голосов были выбраны Сашка и Будок от старших и Андреев, Лепёшин и Лапа от младших. Председателем утвердили Сашку как самого старшего из всех выбранных. Иошка заявил, что желает защищать подсудимого.

Первое заседание суда состоялось через полчаса в музее. Решено было, что Будок, Лепёшин и Лапа произведут и закончат к вечеру сбор жалоб, а Сашка и Андреев составят обвинение... Вечером постановили рассмотреть весь собранный материал и приступить к душкиному допросу...

Судить вечером начали было в третьем классе, но собралась вся Шкида, мест не хватало и поэтому перешли в столовую.

Душка явился с забинтованной головой, робкий и присмиревший; нежное и красивое лицо его было исцарапано и побито, губы побелели и ссохлись... Он держался предупредительно-скромно и боязливо, совсем изменившийся со вчерашнего избиения. И когда Сашка сказал ему, что он имеет право ответить судей, которых считает преступными, Душка ответил, что верит всем ребятам. На вопрос Будка, что заставляло его заниматься ростовщичеством, дрожащим голосом отвечал, что это у него привычка, полученная в других детдомах.

После первого допроса суд ушёл посоветоваться и вынес предвзятое решение, что во всяком случае Душке в Шкиде дальше оставаться будет нельзя...

Утром вызывали свидетелей, но Иошка перешёл в наступление, говоря, что суду больше нечего делать, раз он постановил удалить Душку из школы... Спорили несколько часов, но разбирательство постановили продолжать...

Выяснилось, что Душка в продолжение почти двух лет занимался в школе ростовщичеством, давая деньги по двадцати процентов в неделю, и присчитывал эти проценты потом к долгу. Должники нарочно долго не предупреждались, чтобы долг успел побольше вырасти. Большинство учеников не в состоянии были вернуть его и из недели в неделю отдавали в уплату процентов всё, что приносили из отпуска...

Почти все младшие ученики были в долгу у Душки, и он выколачивал проценты угрозами и побоями... Осипов и Меркулов не держали и сбежали из Шкиды; ростовщик дал знать на волю шпане, и ребят на голе избили до-полусмерти.

Выяснилось, что он содержал картёжные майданы в верхней и нижней уборных, — давал деньги большинству игроков — банкомётов, благодаря чему все выигрыши поступали в его пользу... Для уплаты процентов и проигрышей принимались и вещи, и Душка сам указывал места, где можно раздобыть их. Всё это сбывалось потом на сторону, скупщикам краденного.

Выяснилось, что все новички сразу же попадали в душкины руки...

Суслов, Капаневич, Розен, Верховский рассказали, что Душка в первый же вечер забрал у них вещи и, дав деньги, упомянул: "отдадите как-нибудь", а через месяц предупредил, чтобы отдали сейчас же и вдвойне...

Арбузов, Мамонтов и Васильев рассказали, как Душка вымогал у новичков разные вещи.

Но Душка теперь отрицал почти всё и держался храбро. Видно было, что он уже стоворился со своим защитником. Иошка сбивал и изматывал вопросами свидетелей, требовал, чтобы суд разбирал только случаи ростовщичества, когда началось разбирательство продажи краденного, требовал поминутно вызова свидетелей с воли.

А между тем Шкида снова начала волноваться. Узнали стороной, что Фока с Иошкой ходили к Викниксору с просьбой прекратить суд,

что заведующий отказал суду в требовании отвести от защиты Йошуку и привлечь Фоку, Бобра и ещё нескольких третьеклассников к ответственности за соучастие.

С утра третьего дня пополз по школе тревожный слух, что сегодня будут крыть Душку и его защитника. Июшка боялся выходить из класса, а Сашка пошёл к Викниксору и просил посадить Душку в изолятор.

Весь день длились безрезультатные заседания... Окончательно запутанные судьи нервничали и злились на Йошку...

Наконец не выдержавший Андреев пригрозил защитнику "тёмной". Июшка потребовал занесения этого в протокол... Началась свалка...

Только в первом часу ночи вызвали Викниксора, Юшку, из-
лятора привели Душку и объявили решение:

"Товарищеский суд школы имени Достоевского считает доказанными все факты ростовщичества, вымогательства, краж, пособничества и наводки на воровство, скупки и продажи краденого, содержания картёжных майданов и пр. В виду совершенности обвинения и ответственности его перед законом РСФСР передать дело органам прокуратуры..."

Сашка читал глухо и однотонно и один раз бестолково сбился, когда Йошка прошелестел ему на ухо:

— Душка сегодня хотел повеситься...

Душка стоял, опустив забинтованную голову и когда приговор прочитали, только устало шевельнул тонкими запёкшимися губами.

— Правильно...

И Викниксор сказал тоже:

— Правильно!

.....

Ночью Йошка с фоккой пробралась к изолятору, взломали замок и заранее с вечера открытым чёрным ходом вывели Душку на улицу.

Глухое, давно сдерживаемое недовольство старшими наконец прорвалось.

Его, конечно, можно было потушить в самом начале, но уж очень заманчивым представлялось воспитателям разбить и расколоть на два лагеря школу, противопоставить друг другу старших и младших...

Шкида издавна делилась на четыре отделения, из которых четвертое и третье считались старшими, а второе и первое младшими. Это не были обычные школьные классы, в которых регулярно по весне происходили экзамены и переводы, — шкидцы сидели в своих отделениях, куда их определял заведующий, — год, два, три, четыре, не переходя из одного в другое.

В первые годы сортировка ребят была равномерней и новичков в равной мере сажали во все классы...

В последнее время в старшие отделения из новичков никто не подходил, и все они оседали в первом и во втором отделениях...

И в то время, как младшие классы разрослись и пополнились, старшие не только остановились в росте, но потеряли Цыгана, Быка, Бесовестина, Гужбана, Лёньку, Гришку, Дзе, ещё нескольких человек и наконец Душку. Осталось всего двадцать два человека, десять в четвёртом, двенадцать в третьем отделе, которых на лето решено было слить в одну группу.

Против этих двух десятков стояло шестьдесят семь человек младших.

И это была не детдомовская мелюзга, не мелочь, которую можно припугнуть и разогнать, а такие же ребята, как и в третьем и четвертом отделениях, не подошедшие туда только по знаниям, — сильные, изворотливые, отчуждённые от старших и вдобавок вооружённые ножами и самоделками...

Работай по-прежнему Юнком, он сумел бы переварить и во всяком случае сдержать всю новую массу. Теперь же новички сами обирабатывали неустойчивых младших шкидцев.

Случай с Душкой — третьеклассником — ещё более обострил натянутые отношения между старшими и младшими. Знали, что Душка работал не один, что у него в классе есть ещё двое помощников, видели, что с ним дружат и защищают его Йошка, Фока, Бобёр... Догадывались, что именно Йошка, Фока, Бобёр устроили ему побег...

Разговоры и толки становились день ото дня ожесточённой и грозней. Йошка никуда не мог показаться без Фоки, боялся избивений.

За Йошку, за Фоку, за Бобра, за Душку ненавидели теперь всех старших... Спорили по уборным, по всем углам старшие с младшими и, часто забывая, что были недавно друзьями, хватались то за ножи, то за шпалера.

А в учительской спокойно и чинно собирались педсоветы и комиссии, распивались педагогические чаи и изредка с удовольствием замечалось, что вражда между старшими и младшими растёт.

2

Началось с пустяка. Из-за кошки.

Белая толстая кошка вылезла, приятно облизываясь, из бетонной помойки и прыгнула на землю. Мамонтов и Арбузов, игравшие в ножички, бросили игру и кинулись к кошке. Та заметалась во все стороны и наконец юркнула на лестницу в ломаный флигель...

Шкидцы пустились следом.

Через минуту с крыши постройки раздалась весёлые радостные голоса. Лениво слонявшиеся на дворе ребята, сорвавшись, побежали к флигелю, побежал и дядя Коля, дежурный халдей, пришедший на службу ради воскресенья пьяным...

— В перекидку кидай! — взволнованно закричал дядя Коля: — А то она, подлая, на ноги встанет и ухряет, стерва!

— Знаем! — ответили сверху: — Не убежит!

А день был ясный, тёплый, солнечный... С улицы слышался праздничный звон трамвая, и стоя голубей носилась над двором, перелетая с крыши на крышу.

Над флигелем заverteлось в воздухе белое пятно и глухо, куском мяса ударилось в булыжник двора... Кошка попробовала подныться на перебитые лапы, но перевернулась на бок и задрожала... Шкидцы окружили издыхающее животное. Движения его становились всё мельче и мельче, и из разбитого рта, вместе с капельками крови, вылетали хриплые, булькающие звуки, словно кошка захлебывалась водой.

Тогда из толпы выступил Верховка и прихлопнул её по голове водопроводной трубой.

— Сволочи! — закричал с брёвен у стены Будок: — задрюги чёртовы!.. За что кошку убили? Трогала она вас, да?..

Дядя Коля спохватился и, тряся своими широченными галифе, отошёл в сторонку, а Будок прыгнул с брёвен и подошёл к ребятам...

— Вам бы только мучить кого! — продолжал он, и его художавое, в веснушках лицо подёргивалось от отвращения. — Вам бы только избивания организовывать, черти...

— Им делать больше нечего, — поддержал с брёвен Голый Барин и тоже подошёл к толпе. Он взглянул на размождённую кошачью голову и отвернулся. — Сволочи вы, ребята!

— И ты тоже хорош! — огрызнулся Верховка, который прихлопнул кошку из жалости. — Тоже хорош, халдеям пятки лижешь.

— Я... — поперхнулся Голый и сжал кулаки. — Ну-ка повтори ещё раз, что ты сказал!..

— Факт, лижешь! — крикнул, отступая, Верховка: — Сашкецу своему, зануде!

Про Сашкеца Верховка сказал нарочно, чтобы поддеть Голого... Так и вышло... Голый Барин побелел, закусил губу и изо всей силы саданул по скуле первоклассника.

Дальше всё завертелось.

Верховка "слетел с катушек". Арбуз двинул по уху Будка, Будок Арбуза. Мамонтов с Калиной набросились на Голого. С брёвен подхватились старшие, с задворок примчались младшие. Первые кричали: "наших бьют", вторые: "наших бьют"; началась свалка, которую прекратил только звонок на обед и появление Сашкеца.

— Как! — кричал в четвёртом классе Июшка: — нас начали бить!.. Нас?.. Бить?.. Младшие?.. Эта сволочь, которая смывается от затрещины. Давно им не попадало, что начали задирать нос. Они уж месяц ходят и грозят "избиениями", проучить их надо как следует.

— Избить! — рывкнул Кулец: — Наших? — Наших?, наш класс бить?.. Убью первого!

— Правильно.

— Бить!

— А ведь их много, младших, — попытался говорить Фока. — В одиночку они, пожалуй, и нам накладки.

— Младшие?.. Нам?.. — возмущился Июшка. — Нам накладки?.. Брось, Фока, проповеди разводить... Наш один с ихним десятком справится... Нечего разговаривать теперь с ними, а встретим — и прямо в морду...

— Правильно!

— Бить младших!

Усвоивший последнюю истину третьеклассник Щенок, вытянутый придурковатый парнишка с неестественно громадной головой и тулыми зеленоватыми глазами, взял в руки толстую суковатую палку и вышел из класса.

Через минуту с лестницы нёсся дикий истошный вой. Выбежавшие на помощь ребята увидели, как извивался и орал на ступеньках

лестницы похожий сейчас на издыхающую кошку Сухарик, нещадно и методически избиваемый Щенком...

Их с трудом растащили. Сухарик встрепенулся и, вскочив на ноги, убежал. Шкидцы были смущены случившимся и старались не глядеть друг на друга. Даже воинственный Купец и тот пробасил:

— Дура!

Однако Щенок чувствовал себя героем. Громко рассказывал, хихикал, качая своей огромной, похожей на ветряную мельницу, головой, а, когда на него в классе перестали обращать внимание, снова тайком отправился наверх.

И сейчас же в столовой вырос и грохоча покотился гул, топот, удары, крик.

— Ребя... ребя... — а-а-а... — визжал Щенок. — Не буд... Ребя... ребя-а-а-а...

В столовой было темно. Посередине у стола возилась, и кого-то била под столом куча ребят. Из-под стола слышался надрывной, воющий визг:

— Ребя... ребя-а-а-а... Не б... ребя-а-а-а...

— Щенка бьют! — закричал Воробей. Старшие высыпали в столовую. Избивавшие Щенка разбежались, напоследок закидав под стол палки, швабры и кочерги. Из-под стола, не переставая выть, вылез Щенок; голова и нижняя губа его были рассечены; всё лицо в ссадинах и синяках, рубаха изорвана в клочья и окровавлена...

— Кто бил? — спросил Июшка, хотя было ясно, что это младшие мстят за Сухарика. Щенок, не отвечая, продолжал выть...

И тогда Фока сказал, решительно застёгивая пиджак:

— Надо организовать карательную экспедицию!..

Старшие выступили.

Первое отделение заперли на замок и у дверей поставили сторожевых. Второклассников загнали в класс и первым делом отобрали все ножи и шпалера. Потом началась расправа... Класс перего-

родили доской на две части, у доски стало трое "карателей", а остальные подгоняли к ним поочерёдно второклассников.

Первым был Купец. От его кулаков шкидец кувирком летел за доску; по дороге Воробей одним тычком хлёстко расквашивал ему нос, а за доской Фока наводил окончательный лоск.

Покончив со вторым классом, каратели перешли в первый и там повторили точно такую же экзекуцию.

.....

За вечерним чаем, ковыряя мизинцем в ухе, Викниксор говорил:

— Опять драки... Вечно не сидится этим младшим, вечно им надо с кем-нибудь воевать.... Александр Николаевич, младших — без прогулок и без отпусков... Пусть образумятся.

4

Младшие не образумились...

Кося Финкельштейн, приходящий ученик, появлялся в Шкиде с чисто поэтической небрежностью раз или два в неделю. В это памятное июньское утро он беспечно шёл по тёмному шкидскому коридору. Орава младших налетела на поэта, смяла, бросила на пол; кто-то хлёстнул раза два по морде, а кто-то сразмаха саданул в спину ножом...

Кричавшего диким и нечеловеческим голосом Косю отыскали и перенесли в четвёртое отделение старшие... Рана, правда, была неглубокой (ножу помешало толстое драповое пальто) и когда её залили иодом, сразу перестала кровоточить, но уже сверху примчался третий класс. Купец рычал от злости, глядя на Косину спину, а Июшка схватил раненого Финкельштейна и голого, волосатого, трясущегося от холода поволок за собою по классу.

— Ребята, — визжал он, словно это не Финкельштейна, а его ударили ножом, — неужели не отомстим за Косю? Неужели будем смотреть, как обнаглевшие малыши избивают и убивают наших товарищей...

— Карательную экспедицию!

— К чёрту экспедицию!.. Бить их!.. Бить всех до потери сознания! — Бить! — заревел Купец. — Собирайся, ребята!

Узнававший все шкидские новости последним, Сашка стоял в это время в музее и, оглядываясь на дверь, втихомолку забавлялся своим недавно сделанным шпалером. В маленьких его глазках светилось нескрываемое довольство; он то гордо поднимал шпалер, то запикивал его за пояс и с вывертом выхватывал обратно; то крался по музею, словно кого-то преследуя, то яростно размахивал своим оружием, воображая, что сидит на коне и отстреливается от недомогаго противника.

Внезапно дверь распахнулась, и Сашка налетел с наведённой самоделькой на вошедшего Июшку, который держал за руку полулолого, трясущегося от холода волосатого Финкельштейна.

— Сашка! — торжественно заговорил Июшка: — во время войны университеты и музеи закрываются. Пришло время, когда шкидские шпалера начинают сами стрелять. На нас напали. Класс требует, чтобы ты шёл бороться заодно с ним.

— А что случилось? — заморгал Сашка.

— Сегодня утром твоего товарища чуть не убили... Посмотри на Косину спину! Это сделали младшие.

— Младшие? — неожиданно для себя самого затрясся Сашка. — Младшие бьют наших?.. Косю ножом?.. Так бить же их, сволочей, надо!

— Бить! — подхватил Июшка...

— Бить! — неуверенно проблеял Финкельштейн...

Младшие, проведая, что их снова собираются громить, в перемену собрались в коридоре перед своими классами. Их было шестьдесят семь человек, они вооружились кусками штукатурки, палками, кусками проводов и верёвками, на концах которых привязаны были железные гири; не разъединённые на два класса, они чувствовали себя раз в десять уверенней...

— Стой крепко! — подбодрял ребят Мамонтов. — А кто винта нарежет — удахаем потом до-смерти!

Два десятка ворвавшихся в коридор старших наткнулись на плотную, завывшую стену.

Но, к несчастью, первоклассники испугались мчавшегося впереди Купца и дрогнули, а Купцу ещё кто-то засветил в глаз литой чугунной пирькой.

— Бей!.. — заревел он, врезаясь в толпу, как бык, наклонив голову и расшвыривая своими огромными кулаками ребят. — Бей на мою голову!..

Справа от него двигался Фока, от тренированных боксёрских кулаков которого младшие отлетали как мячики; за ними шли и лупили всех попадавшихся под руки остальные старшие. Узкий, тёмный коридор дал им неожиданное преимущество, и младшие побежали.

Остаток наиболее яростно оборонявшихся загнали в первое отделение и начали избивать. Воюющие младшие перелетали от одного карателя на кулаки другого. Фока наводил лоск, а Купец, поймав в углу Верховку, ударившего Финкельштейна ножом, уселся на нём и медленно, не слушая криков, гвоздил его по шее кулаками.

5

В Шкиде наступило видимое успокоение. После обеда все ребята выбрались на двор и, не обращая друг на друга внимания, принялись каждый по-своему развлекаться.

Тут же, на дворе, резвился сынишка Викниксора, Костя, или Кронпринц в словесном обиходе шкидцев. Этот кронпринц считал всех ребят своими рабами: дарил им пощёчины, лягался, когда они проходили мимо, запускал камнями и землёй, — словом, развлекался неудержимо.

Сейчас, наскучив возиться с песочком и лопаточками, он глядел на развалившегося с видом победителя на брёвнах Купца, который подставил солнцу своё толстое лоснящееся лицо. Это лоснящееся лицо и привлекло внимание Кронпринца; он подошёл ближе, на-

морщил свой лобик и, не говоря ни слова, с чисто-монаршей небрежностью отвесил крепкую оплеуху.

В следующий момент голова Кронпринца уже была зажата между коленями Купца, а сам шкидец неторопливо снимал ремень.

— Пусти! — утробно завизжал Кронпринц. — Я папе скажу, он тебя в изолятор посадит!.. Пусти-и...

— Ах, сволочь! — искренне изумился Купец. — Такой плашкет и такая стерва? Вот тебе!.. Вот тебе!.. За оплеуху, за накатку! — добродушно приговаривал он, стегая воющего Кронпринца. — Для тебя же пользы пойдёт, гадёныш!.. Ну, а теперь иди, накатывай!..

Кронпринц, держась за ягодицы, плача побежал разыскивать отца.

— Попадёт тебе, Кула! — встревоженно заговорил Голый Барин, на своей шкуре испытывавший кругой нрав и скорую расправу Викниксора. — Выгонит ведь, смотри...

— А что ж? — лениво ответил, снова разваливаясь на брёвнах, Купец. — Мне, по правде сказать, братишки, здесь порядочно, надоело, ей-богу!..

За ужином старшие лишились сразу четырёх своих товарищей.

Во-первых, Купцу было велено немедленно убираться из Шкиды, а когда друзья выгоняемого, Воробей и Кальмот, подняли протестующий крик, взбешённый Викниксор выгнал и их. Во-вторых, он сказал Фоке:

— Вот что... твои родители просили отпустить тебя на лето из школы домой... Я не возражаю... Можешь сегодня и уезжать.

Обрадованный Фока, довольный предстоящей свободой, не дожидаясь ужина, ушёл сдавать казённое бельё....

Провожали сразу всю четвёрку. Все четверо были настроены весело и бодро. Фока радовался отпуску, остальные... свободе...

— Ничего, ребята... — бодро говорил Купец. — Работку подыщем — работать будем... Я работать люблю, не бойсь. А спать теперь и на улице можно. Тепло...

Вечером Голый Барин принёс из уборной новость, что младшие стовариваются напасть ночью и отомстить за поражение. Старшие стали подсчитывать свои силы: в четвёртом классе осталось шесть человек, в третьем двенадцать — все народ жидкий и не крепкий, к дракам не приспособленный. Ушли Кулеп и Фока — первые силачи — и Воробей — великий драчун.

Старшим стало жутко; велели Сашке сходить наверх и пошпионить.

Через минуту шкидец вернулся расстроенный.

— Сговариваются о чём-то! — сообщил он. — Все во втором классе собрались.

— Ну, а дальше что?..

— Больше ничего не узнал. Кто-то к двери пошёл, и я смылся...

— Может, нам у них шпиона завести? — предложил Червонец-Шамало, тощий и длинный дылда с пухлыми, толстыми губами. — Химик тут часто ходит, он не дерётся из-за без руки, — может, согласится?

— Вряд ли, — промямлил Сашка: — они там сами предлагают Химику у нас пошпионить.

— Восемнадцать на шестьдесят семь, — рассуждал Иوشка: — четверо на одного. Нет, ерунда — в открытую у нас ничего не выйдет. Надо всем толпой ходить, из класса не выплезать. В спальне они нас наверное не тронут, они сами в трёх спальнях, пока соберутся, мы уже в класс выберемся...

.....

Утром в умывальнике младшие встретили старших мокрыми, свёрнутыми в жгуты полотенцами, которые, как цепы, забарабанили по головам... Старшие побежали...

В столовой по какому-то поводу Викниксор заговорил о картах и воровстве. Второклассник Васильев, а за ним Розен и Верховка стали рассказывать, что они знают про проделки старших. На возму-

щённый Июшкин крик: "лягавый" — Верховка, оскалась и нехорошо заблестев глазами, ответил:

— А буду говорить! Охота — и никто не запретит.

Тогда заговорили все, и старшие и младшие, и Викниксор за полчаса узнал столько, сколько не узнал бы за год, но младших было больше, говорили они больше и в конце концов заведующий сказал:

— Мне теперь всё ясно! Александр Николаевич, старших — без отпуска... Мы потом всё разберём...

У себя в классах старшие поклялись отомстить фискалам. Вспомнили про отобранное во время карательных экспедиций оружие. Вытащили ножи, зарядили и спрятали в карманы шпалера. А младшие, прослышав о планах врагов, вооружились кирпичами, палками, гирями. И неизвестно, какой жутью кончилось бы готовившееся побоище, если бы вечером в столовую не пришёл озабоченный Викниксор.

— Вот что, ребята, завтра мы переезжаем на дачу в Павловск. В полдень приедут грузовики, а вы с утра приготовьте к укладке свои постели... Потом вот ещё что. В старших классах осталось восемнадцать человек, поэтому все они будут объединены в одну группу. Кроме того, к ним переводятся десять человек из второго отделения. Андреев, Корницкий и ещё другие. Я назову их после... А сейчас попьёте чай и приметесь за укладку вещей.

Тиха и пустынна сонливая Красноармейская улица, крайняя в Павловске. Дальше — казармы, бойня, кладбище, — то, чему, по старым понятиям, не место рядом с дворцами.

На улице пахнет сиренью и отсутствием канализации. У большой серой двухэтажной дачи валяется на траве английская безволосая свинья. Рядом привязана верёвкой к колышку затрёпанная грязная овца. Овцу изводит жара, ей скучно, хочется лечь на траву, но она боится свиньи.

В канаве, рядом с овцой, полочутся утки... На улице — никого; разве пройдёт какой-нибудь мальчик в коротеньких штанишках и с марлевым сачком за плечами...

В полисаднике одноэтажной угловой дачи белокурая девочка качает жёлтое колесо. В конце улицы церквушка. Над церквушкой гораздо жёлтое солнце.

Жара, лень, духота — дачный ненарушимый покой.

И вдруг картина меняется. По уснувшей улице вихрем закручивается пыль; свинья с визгом улепётывает прочь; от овцы остаётся одна верёвка. Жёлтое колесо падает на лужайку — белокурая девочка исчезает. И кажется, что даже разбуженное солнце торопливо спешит по небу.

Это приехали шкидцы.

Это они долбанули по пути свинью, это они обложили матом белокурую девочку, это они своим появлением так напугали грязную овцу, что она, вывихнув шею, оборвала верёвку и унеслась на кладбище.

[ЗТ. Не зря, говоря о Шкид, вспоминают "Очерки бурсы" Николая Герасимовича Помяловского 1835-1863]

Шкидцы шагают строем, называющимся в Шкиде "парами"; все тащат узелки, свёртки, палочки, тросточки и прочую дребедень. Впереди — Викниксор; сзади, грохоча, движутся грузовики.

Ворота большой двухэтажной дачи распахивает чья-то предусмотрительная рука. Вся процессия вваливается на двор; только один Химик не может удержаться и, приостановившись, швыряет в уток палкой.

Палка у Химика обыкновенная, о двух концах: одним концом прихлопывает утку, другим селезня.

На улице движение; из дач выглядывают испуганные сонные рожи, хлопают окна и двери, на соседнем дворе бегают толстоногая, с подоткнутым подолом, баба и торопливо сдирает с верёвок непросохшее бельё...

Из капитки противоположной дачи выползает расхрабренный старичок. Он долго и пристально глядит из-под медных старинных очков на двухэтажную дачу и, решив, что прямой опасности нет, ставит складной стулик, кряхтя садится на него и выжидательно начинает всматриваться.

В ворота шкидской дачи с лязгом и грохотом вкатываются грузовики.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Семь.

Все...

— А грузовик со жратвой?

— У него по дороге мотор испортился. Сейчас его на подводы перегружают...

Дикий вой, от которого трясётся воздух, поднимается на дворе шкидской дачи.

Старичок бледнеет и, схватив свой стулик, тоскливо бежит туда, откуда появился.

Поздно вечером старичок видит из окна, как вышмыгивает одна рука фигурка и вытаскивает из канавы двух уток.

— Так и есть! — бормочет Химик. — Сдохли, подлые! — И, швырнув утиные трупы под мостик, добавляет: — Всё меньше шухера будет... В другой раз сразу брать надо...

2

Первую ночь на даче почти не спали... Было странно и приятно видеть мохнатые лапы деревьев, подступающих к самым окнам, прислушиваться к особой, не городской тишине, смотреть на особую, не городскую луну.

На рассвете удивило и обрадовало мычанье проходивших в поле коров, оглушительное щёлканье кнута и звуки пастушеской жилейки.

И когда в восемь часов Эланлюм прошла по многочисленным комнатёнкам дачи, ей уже нечего было делать. Все ребята встали и были одеты.

Водопровод на даче отсутствовал, и поэтому пошли, на реку купаться. Вернулись освежённые, бодрые, весёлые: — по дороге Викниксор обещал со следующего утра молоко. С аппетитом набросились на чай, на хлеб, на ситный.

После чая собрались на дворе. Викниксор познакомил с планом летних работ.

— Работать придётся всё самим: пилить и колоть дрова, убирать двор, улицу, сад и прочее. Кроме того, придётся носить воду. Сейчас в школе стало три группы — каждая группа поочерёдно и будет дежурить. Уроков не будет, но будут кружки. Каждый может выбрать себе один или два кружка по желанию, и в них заниматься.

— А если я ни в какой не хочу? — спросил Химик.

— Нет, — мотнул головой Викниксор: — все младшие в кружках должны работать обязательно. Старшим не обязательно, потому что они должны готовиться к осенним экзаменам в техникумы и вузы... Ну, а в остальном — порядок старый.

— А Летопись? — осторожно осведомился Кубышка.

— Летопись мы тоже с собой привезли. И вообще во всём остальном порядок прежний!

Викниксор уже собирался распустить ребят, но вдруг, что-то вспомнив, вздрогнул, улыбнулся и просветлел:

— Вот что, ребята. Дали нам дачу. Дали её нам запущенную, грязную, — не дачу, а чёрт знает что... Так давайте, ребята, докажем, что она попала в надёжные хозяйственные руки. Покажем, что мы не паразиты, не лодыри, а тоже можем трудиться... Давайте уберём всю грязь со двора, с огорода, с сада...

— Даёшь! — подхватили ребята. — Только убирать нечем, Виктор Николаевич!

— А мы дадим лопаты... А не найдём лопат — и голыми руками поработать придётся, ничего не поделаешь...

3

Сашка накануне отъезда на дачу заболел и должен был остаться в городе. На пятый день к нему пришло от Йошки письмо.

"Здравствуй, дорогой друг Саша!

"Хотел тебе, болящему, написать длинное письмо о разных разностях, но некогда. Работаем. Кончили дачу убирать, надо за сад приниматься, — не окончили сад — огородом занялись. Работы уйма. В нашей группе десять новых ребят из второго отделения, — ребята все фатовые, особенно Андреев.

"Остальное время занимаюсь; осенью надо наконец оставить школу... Помню, как удивился ты, когда узнал, что я хочу вместе с тобой поступать в педагогический техникум. Конечно, на педагога я похож мало, но быть им хочу по многим причинам.

"Шкида наша — обыкновенный дефективный детдом, что бы там ни говорили про "особенное" разные гости, корреспонденты и прочая шатая... Конечно, у нас не бьют, не колотят поминутно, как в остальных детдомах, у нас всё устроено более утончённо и благопристойно: изолятор, "Летопись", пять тюремных разрядов и ещё куча подобных скормионов. Но результат как у нас, так и у других — один

и тот же... И мне кажется, что всё это лишнее. Я не раз говорил об этом и теперь решил сам стать педагогом и начать бороться со всей этой дурацкой системой.

"У наших халдеев какая-то подозрительная, прямо животная придиричивость. Например, позавчера вечером сидим на балконе и поём. Приходит Амёбка. "Что такое?" Лунная соната. Записал, — дескать, "нет такого закона, чтобы песни петь". Голый Барин ругаться — доругался до четвёртого разряда... В другой раз копали огород (а работать, заметить, взялись добровольно) и сели отдохнуть. Сейчас же, как из-под земли, Палач: "Почему остановились?" "Наше, — говорим, — дело. Хотим работаем, хотим — нет". Записал. "В школе, — говорит, — никто не может поступать самовольно". Опять стали ругаться — доругались до новых записей, бросили работу и ушли.

"А ведь мы уже и гряды поделали — хотели редиску сажать, а теперь и работать не хочется... Теперь уж на огороде обязательно заставляют работать, а мы не идём... Вырастет у них теперь редиска...

"А, впрочем, всё это пустяки. Поправляйся скорей и приезжай. Иошка.

"Ещё одна интересная подробность. Воспитатели наши на даче самоопределились. У нас на дворе есть двухэтажный флигель, где живут служащие, туда, во второй этаж, натаскали мебели, поставили пианино, приспособили лампу с абажуром — получилась уютная комнатка, где по вечерам собираются и сплетничают халдеи. Словом — настоящий "халдейский клуб". Приедешь — увидишь.

"Наши тебе кланяются. И".

4

Когда неделю спустя Сашка приехал в Павловск, то первых шкидцев увидел здесь, на вокзале. Шкидцы на Сашку внимания не обратили, а носились по платформе, хватаясь за вещи дачников и предлагая понести.

Дальше увидел Сашка шкидцев уже в парке. Это были Лепёшин и Химик. Они со звоном и треском мчались на велосипеде по аллее навстречу Сашке; Лепёшин бешено, изо всех сил работал педалями, Химик, подвизгивая от восторга, сидел впереди на раме.

Сашка по своей близорукости заметил их не сразу; когда они промчались мимо, прищурясь, посмотрел вслед и хотел идти дальше.

Но раздался треск, похожий на револьверный выстрел. Велосипед перекувырнулся через себя, велосипедисты полетели в разные стороны. Сашка бросился на помощь.

— Вчера только из дома привёз, — сообщил, поднявшись, Лепёшин: — уж четвёртый раз камера лопается...

— Не четвёртый, а пятый! — поправил Химик: — Не велосипед, а машина адская... То цепь, то шина лопнет, то переднее колесо отвалится...

— Про колесо не ври, не отваливается, — обиделся Лепёшин и, желая показать свою машину во всей красе, провёл велосипед перед Сашкой.

Велосипед действительно был аховый. Колёса от самоката, шины в заплатках, а руль вывернут как оленьи рога. И не успел Сашка налюбоваться, как Лепёшин неожиданно взвалил велосипед на спину и побежал по аллее.

— Сторож идёт, — пояснил Химик: — в парке кататься нельзя... Только ему не догнать!

И побежал вслед за Лепёшиным.

У ворот шкидской дачи Сашку встретил Иошка. Начиная в городе пижонить, ходивший в оранжевом галстуке, Иошка снова стал здесь обтрёпанным, весёлым, замухрышистым и от этого простым и близким.

Ребята сердечно поздоровались, уселись у ворот на брёвнышко, и Иошка принялся рассказывать последние события.

— Понимаешь, вчера Викниксор с ума спятил... Кончили мы сад убирать — он и приходит. Не понавилюсь... "Нет, — говорит, — не

то, не то, скучно, серо, не то, не то", и пальцами этак огорчённо у Киры под носом защёлкал, и вдруг, вдохновясь, заговорил басом: "Эти липы надо в белый цвет выкрасить, нет — в голубой, а зелень в красный — революционный, стремление ввысь, вверх" — и пальцами у Киры под носом щёлкает. "Очень эффектно будет". У Киры глаза на лоб вылезли. "Никак, — говорит, — нельзя. Невозможно, Виктор Николаевич". — "Выкрасить" — завизжал Викниксор. Кира побежал за краской. Принёс. Витя посмотрел на неё, понюхал и вдруг захотел сам лезть на дерево. Притащили стремянку; Викниксор поволокся на дерево; сидит там, как сыч, и по листьям шаркает краской. Шкидцы за верандой дохнут, заливаются. Прямо по траве катались, пока Вик всю краску не извёл. "Завтра, — говорит, — докрасу". Слез, полюбовался и Киру толкает. "Крас-сота!". А ночью дождик прошёл и всю краску смыл.

— Врёшь! — захохотал Сашка.

— Можно и показать! — ответил Июшка. — Идём, увидишь. Все липы, которые он красил, завяли.

Ребята пошли в сад; липы действительно начинали вянуть. Земля вокруг них была, как кровью, окраплена брызгами краски.

— Ну, а насчёт работы как? — спросил Сашка. — Ты писал, что здорово начинают прижимать.

— Нет, — махнул Июшка: — халдеи на первых порах нажимали было, а потом плюнули — забыли. Ничего теперь не делаем...

— А как у тебя с подготовкой к экзаменам?..

— Не подкачаем, готовимся вовсю. Я ведь тебе случайно попался на дороге — учиться шёл на кладбище. Там удобней. Пойдём туда, там сейчас все наши...

Сашка согласился. Сбежали наверх в спальню, оставили там вещи и отправились к церкви.

А между тем на кладбище происходили события...

Углублённые в книги шкидцы, стараясь сосредоточиться, в продолжении часа упорно пытались вчитаться и что-нибудь усвоить из

написанного. Из церкви тянулись разные мотивы: сперва протяжное "Спаси господи", потом весёлое на манер частушки "Иже херувимы присвятую песнь припеваючи", потом ещё что-то, пока Кубышка окончательно не вышел из терпения и не предложил бороться с поповским дурманом.

План борьбы был прост. Кубышка предлагал организовать добровольное общество "Доброкальций" и запелить "кальцем" всех святителей, нарисованных на церкви.

Кладбищенская трава, как известно, всегда отличается, густотой и сочностью. Кругом было много помёта или "кальца", ласково названного так Кубышкой, который коровы оставляли на могилах взамен травы.

Через минуту ребята уже метались по кладбищу, а в иконописные лики святых летели и сочно шлёпались крупные комья помёта.

Сашка с Июшкой подостели только к развязке.

На паперти стоял монах. Ветер шевелил его всклокоченные волосы и играл полами рваного подрясника, подпоясанного верёвкой. Монах переводил горящие злобой глаза с поруганных святителей на ребят, потом вынул позеленевший восьмиконечный крест и, вскинув его над головой, крикнул:

— Пропади и рассыпья, нечистая сила!..

Шкидцы не дрогнули.

— Пропади, сгинь и рассыпья! — повторил дрогнувшим голосом монах и судорожно сотворил крестное знамение.

И нечистая сила действительно рассыпалась по погосту. Но, между прочим, не пропала и не сгинула, а деятельно начала собирать каменья...

Через четверть часа атакованный монах бомбой влетел в церковь. Выскочил он уже вооружённый не крестом, а огромным колом.

Нечистая сила в смятении отступила.

Из церкви победно грянуло "Взбранной воеводе победительная"...

.....

Монах гнался за ребятами до самой церковной границы. У границы остановился и долго грозил колом, уснащая свою речь отборнейшим церковно-славянским матом... Ребята матюгались более умеренно и грозили во время крестного хода напасть и перевымазать "кальцем" все иконы...

— Ну вот и позанимались, — облегчённо проговорил Июшка: — теперь не обидно будет и выкупаться!

5

Фока оказался лёгок на помине и вечером приехал в Павловск.

Выпил он самую малость, но здесь ему попались старые друзья, и Фока нагрузился уже больше, чем полагается. Неизвестно, каким образом добрался он к ночи до Шкиды, но пришёл уже без шапки, с галстуком, перевёрнутым на спину, бледный, растрёпанный, в белом костюме, который стал за дорогу пегим и больше напоминал зебру.

На даче, в многочисленных комнатёнках-спальнях, он запутался окончательно и, разъярясь, кинулся с кулаками на хихикавших ребят. Ребята моментально попрятались, и Фока, вспомнив "карательную экспедицию", начал гвоздить ни в чём неповинную кровать, обливаясь горькими слезами и крича, что всех передошлет...

— Шёл бы ты лучше халдеев бить! — рассудительно посоветовал из-под кровати Андреев.

Фока моментально остановился.

— Халдеев бить?... С-с удовольствием! — радостно икая, закричал он: — Где халд-деи?..

— Во флигеле на дворе! — предупредительно сообщили из шкафа...

Фока, подняв кулак и заплетаясь отяжелевшими ногами, загремел вниз по лестнице. Шкидцы бросились к окнам.

По двору, к халдейскому клубу нёсся Фока и кричал:

— Бей халдеев!

Из клуба вышел Бородка, недавно поступивший в школу воспитателем...

— Вы что? — испуганно спросил он, стремясь сохранить достоинство. — Вы пьяны?..

— Скройсь! — дико взревел Фока.

Бородка, взвизгнув, метнулся в сторону и пропал где-то в темноте, на огородах. Осаждённые халдеи крепко припёрли дверь и повели переговоры.

Вначале Фока потребовал выдачи Селезнёва. Кира радостно закричал:

— Нет Селезнёва! В городе Селезнёв!... Да ей-богу, в городе Селезнёв!..

Фока замолчал, собирая растерянные мысли.

— Тогда ты выйди! — сказал он наконец.

За дверями сразу затихло.

— Н-ну! — крикнул Фока, с размаху грохнув кулаком по двери.

В комнате засуетились, зашептались.

— Идите!..

— Нельзя!..

— Надр!..

— Невозможно!..

Наконец дверь приоткрылась, и несколько рук выпихнули Киру.

— Проводите меня до вокзала! — пролепетал Фока, прислоняясь к халдею.

Кира осторожно взял шкидца под руку и повёл.

По дороге Фоку развезло, одолевал сон; он вскрикивал, скрипел зубами и опять обвисал на кирином плече. До вокзала было далеко. Фока заснул, и осмелевший халдей решил просто бросить шкидца в канаву... Так он и сделал. Но сейчас же раздался дикий рёв: "убью!" Над канавой взвилась перемазанная грязью фигура, и Кира опрометью кинулся к Шкиде.

Уже улёгшиеся шкидцы услышали вой, потом грохот калитки, а когда подбежали к окнам, то увидели, как вокруг дома мчится Кира, преследуемый мокрым, облепленным тиной Фокой.

Несколько раз они обежали вокруг дачи, наконец, халдей, догадавшись, присел за куст и, пропустив мимо себя Фоку, полез на крышу сарая. А Фока, не найдя Кире, начал ломиться в халдейский клуб... Пара застигнутых там врасплох воспитателей с перепугу закричали "караул" и разбудили Викниксора.

— Что такое? — появился тот со свечкой. — Что за шум? — повторил он, подходя ближе и хватая Фоку за шиворот...

Фока размашисто дёрнулся, обернулся, но, увидев Викниксора, сразу обмяк и испуганно притих.

— Дык... и-ик... Я немножко пошутил...

Из окон торчали шкидцы, из дверей выглядывали халдеи, по крыше сарая неслышно пробирался Кира, на огородах маячил Борода. Викниксор оглядел Фоку.

— Так. Значит, пошутил?... Ну, идём!..

Выведя Фоку за ворота, Викниксор поставил его на дорогу и подтолкнул в спину.

— Иди!

— И-ик, всего!..

Фока помахал ручкой и, качнувшись, задвигался вперёд.

Викниксор закрыл калитку.

6

Фока, что называется, разжёл... После его прихода шкидцы каждую ночь начали придумывать какое-нибудь увеселение. От старших эта мода перекинулась к младшим, и жизнь на даче стала опрелённо нескучной.

В одну ночь во всех спальнях было особенно оживлённо...

Вначале в третьей группе Июшка долгой и горячей речью убеждал своих соотечественников объединиться в союз с другими отде-

лениями. Соотечественники с восторгом ухватились за это предложение и послали к младшим делегатов...

Младшие немедленно крикнули "ура" и послали ответное посольство.

Тогда в третьей группе началось образование государства — начали выбирать президента. Система выборов была проста и несложна: все шкидцы подходили к кандидату в президенты Червонцу и поочерёдно щёлкали его по носу.

В середине этой процедуры Червонец почему-то внезапно выразил желание отказаться от этой столь высокой обязанности, но шкидцы отказа не приняли и продолжили щёлкать. И наверно бы набрали президенту солидные украшения, но кто-то крикнул, что идёт Викниксор, — и все разом бросились к кроватям.

Викниксор, ничего не различив в темноте, стукнулся лбом о дверь, помянул чёрта и, кликнув дежурного воспитателя, ушёл за лампой.

Воспитатель, новичок Борода, остался один, старательно вглядываясь в храпящую, орущую и воющую спальню. Шкидцы, изображая глубокий сон, надрывали глотки. Кто-то паял, кто-то свистел, кто-то пел петухом, кто-то (якобы в бреду) явственно призывал: "Бей халдеев!".

Вдруг воспитатель побледнел, затрясся и хотел бежать: прямо на него плыло из темноты огромное белое и страшное привидение. Оно подошло совсем близко и, хрюкнув, взвившись, обрушилось на Бородку, ударив какой-то деревяшкой по голове.

Халдей ринулся на лестницу. По лестнице поднимался Викниксор. Борода опрокинул зава, и они оба покатились вниз.

Снизу послышались голоса: дрожащий и оправдывающийся халдея и деланно-спокойный Викниксора.

— Вот что... Идите спать... Завтра мы всё разберём...

— Ну, ребята, — зашептал Голый Барин, смастеривший "привидение" из простыни и швабры: — чур не выдавать!..

— Не выдадим! — ответила спальня.

.....

Борода всю ночь видел кошмарные сны: во всех углах стояли и хрюкали привидения. Голый Барин спал прекрасно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Ночью Викниксор много думал... Утром, перед чаем, после пере-
клички, ребят не распустили по столовым, а велели ждать заведы-
вающего. Впрочем, Викниксор вышел на двор почти сразу.

— Вот что, ребята, — заговорил Викниксор, не обращая внима-
ния на хором приветствовавших его ребят: — мы приехали с вами
на дачу отдыхать. Уроков у вас нет, есть только занятия по кружкам
и экскурсии. Вы сыты, свободны, и, казалось бы, что никаких эксцес-
сов в школе быть не должно... А между тем заниматься вы не зани-
маетесь, по ночам буза, крик, шум, издевательство над воспитате-
лями. Хорошо... Вам не спится — теперь спать будете отлично. Не
хотите спокойно отдыхать — будете работать... Будете замащивать
двор.

— Виктор Николаевич! — рассудительно сказал Старостин: —
поработать мы можем. Только мостить двор не к чему. Камень опус-
каться будет, и опять же — пользы никакой.

— А я тебя спрашиваю?! Подумаешь, инженер выискался... Итак:
после чая разбиться на пятки и за работу...

Ребята заворчали, задвигались, но почему-то вместо возражений
раздались придирчивые голоса:

— Чем работать?..

— А мы дадим носилки! — миролюбиво ответил Викниксор и
вдруг закричал: — а не найдём носилок — и руками работать заста-
вим!

Через час шкида полпелась работать. В полуверсте от дачи на-
ходилась облюбованная Викниксором старая кирпичная кладка; ре-
бятам положено было выламывать там кирпич и тащить его на двор.

Первые дни работали с прохладцей; жулили, ругали Викниксора
и принесённые кирпичи обязательно старались расколоть. Но когда
халдеи начали назначать уроки по сорок, пятьдесят, сто кирпичей —
ребята взвыли.

Наиболее предпримчивые скоростивно заболели, а Лепёшин, староста по амбулатории, щедро измывал всех юдом. Другие попросту обсытывали халдеев, приносили одни, и те же кирпичи или, наконец, старались не попадаться на глаза воспитателям, проводить день на улице и в парке, появляясь на даче только в часы всеобщей жратвы...

Работа не подвигалась. Воспитатели, вконец измученные, обратились к Викниксору с требованием или прекратить мощение, или воздействовать на ребят; тот велел собрать всех шкидцев и спросил, почему они не работают.

— Скучно, Виктор Николаевич, — многоголосо отвечали ребята: — трудно — тяжело... Неинтересно...

— Это вам только кажется! — успокоил Викниксор. — Вот пойдёте-ка со мной вместе, я покажу вам, как надо работать.

Зав действительно пошёл со шкидцами на "кирпичики", но не работал, а полдня надзирал за ребятами; возвращаясь на дачу, демонстративно захватил два кирпича, которые, впрочем, на дороге кинул в канаву.

После этого работа закипела. Халдеям был отдан приказ назначать ребятам урок: замостить камнем определённый кусок двора. Для приёмки работы каждому из "надзирателей" выдали по складному аршину.

Лепёшина с его должности сняли, а каждому симулянту дали по добавочному кирпичному уроку.

Никто из шкидцев не знал, для кого и для чего делает он эту тяжёлую, неинтересную и изнурительную работу, но все смирились. По утрам на дворе крутилась пыль, слышался хруст разбиваемого кирпича, сдержанный мат шкидцев и окрики халдеев.

Большой, замаскируемый без плана двор, недавно уютный, с мягко-убитой песчанистой землёй, теперь приобрёл грязно предательский вид.

Неприготовленная почва не выдержала мостовой и начала повсюду оседать и горбатиться; битый кирпич сбивал и резал босые ноги шкидцев, а в дождливую погоду вода собиралась на дворе огромной непроходимой лужей, кирпичи вихлялись при каждом движении и брызгали во все стороны струйками грязи.

После каждого дождя снова начиналась нудная, неинтересная работа.

Снова кирпичом мостили двор.

Кирпич засыпали щебнем.

Щебень — землёй.

Землю песком.

А двор упрямо горбатился, оседал, и в дожди снова с каждым разом непроходимой собиралась лужами вода...

И снова гнали ребят укладывать кирпич, сыпать щебень, землю, песок, и так без конца.

Но странное дело: тяжёлый и бессмысленный труд этот объединил ребят. Вражда старших и младших как-то сразу и незаметно забылась. И даже вспоминали о ней с недоумением. Да и разницы никакой не было среди ребят теперь: одинаково корпели все над кирпичами, одинаково кляли халдеев и обкладывали матом Викниксора.

А тот, как ни в чём не бывало, проводил и внедрял в сознание ребят трудовые навыки... Вначале ему пробовал было возражать Июшка, "вождь рабов", но Викниксор оборвал его, сказав, чтобы он не в свои дела не мешался.

— Помните, ребята, — говорил Викниксор расхаживая по двору: — истинный отдых человека в труде... И вот вам приятный, благодарный труд... Мостите двор, таскайте больше кирпича... Помните, что так учил нас наш великий учитель Ленин...

Тогда Июшка сложил и пустил песенку:

--

Тащи побольше кирпича —

Вот заветы Ильича...

--

Кто-то передал её Викниксору, а вечером все шкидские художники были заняты рисованием по его заказу огромных агитационных плакатов, впоследствии до слёз умилявших гостей:

--

"Тащи побольше кирпичи —

Вот заветы Ильича!.."

--

Иошка сложил и пустил новую песенку, которую уже не воспроизвели плакаты:

--

— Тащи кирпич на двор! —

Кричит нам Викниксор.

— А где ж его нам взять?

Ах...

--

И за сим следовала звучная, но, к сожалению, непечатная рифма.

2

Своего Викниксор добился: в Шкиде стало тихо. В спальнях после работы не слышалось ни шума, ни крику, ни возни, — не слышалось потому, что ребята в это время отправлялись громить окрестные огороды. Действовала здесь причина экономическая: от чрезвычайной работы у шкидцев появился невероятный аппетит, и пайка уже не хватало... Вот тут и помог поспевавший картофель, обильно уродившийся на павловских полях.

Рубахи шмыгающих вечером во двор ребят странным образом грузно раздувались у пояса, и с кухни тянуло удушливой гарью печёной картошки... Только один человек в Шкиде не радовался открывшейся доходной статье. Это был Лепёшин, разжалованный амбулаторный староста. Лепёшин ненавидел картошку и чем бывал

голодней, тем противней она ему казалась. Он тоже участвовал в "набегах на плантации", но только с тем, чтобы яростно выдёргивать и топить в канаве картофельные клубни.

Сейчас Лепёшин вместе с толпой шкидцев сидит на дворе и с остервенением вдавливают в землю кирпичи. Недалеко от него строился Химик. Освобождённый от работы по причине своей инвалидности, он сидит у стены и при помощи солнца и исцарапанного увеличительного стекла выжигает на ней всякую похабщину.

Химик давно предложил своему другу использовать новые методы мощения: вместо того, чтобы тащить за кирпичами на кладку, надо было просто выпамывать их, незаметно от халдеев, тут же, на дворе, и перестаскивать на свой участок; щёбень, как ненужную роскошь, вообще отменить и засыпать прямо песком...

Но и это упрощение не облегчает Лепёшина. В животе у него урчит, и он поминутно сплёвывает неприятную, густую слюну.

— Что сегодня на обед? — спрашивает он.

— Баланда с картошкой, — отвечает невозмутимо Химик, знаящий "вкусы" своего приятеля.

— А на второе?..

— Селёдка с картошкой...

— А на третье?

— Мордой об стол! — радостно ответил Химик и, увидев идущего Викниксора, спрятал стекло за пазуху и исчез...

Лепёшин тяжело вздохнул, мечтательные глаза его потемнели, и он принялся доканчивать урок.

— Дядя Саша! — крикнул он через несколько минут: — примите работу, я кончил...

Сашкец немедленно подошёл к шкидцу и тщательно обмерил аршином участок:

— Ещё два кирпича положи и песочку подбавь... Жидковато у тебя что-то, слышишь?

— Слышу! — ответил Лепёшин. Но со стороны кухни пахнуло ветром, и в воздухе пронёсся ощутительный запах картофельной баланды... И на глазах изумлённого халдея вежливый и мечтательный подросток вдруг отчаянно вскрикнул, засвистал, выругался матом и побежал за ворота.

— Куда, куда? — закричал Сашкец и, когда калитка с грохотом захлопнулась, добавил негромко, как заклинание: — Имеешь замечание и будешь без обеда!..

3

В лесу за водопадом, в самой гуще орехового кустарника горел костёр. У костра на корточках сидел Химик, подбрасывал в огонь веточки и сосредоточенно глядел на сбитые горкой уголья... Из-за леса, с запада, понемногу усиливаясь, тянул густой балтийский ветер.

Химик подумал, высморкался и, вытянув палец, посмотрел на него.

"Балла три или четыре будет, — подумал Химик, вытирая пальцы о траву, — а то и все пять..."

Неожиданно почти рядом затрещали кусты, и на полянку выскочил бледный, с открытым ртом, Лепёшин. Рубаха его была вымазана на кровью и испуганно трепыхалась по ветру, окровавлена была и правая рука, левая что-то прятала за спиной.

— Что ты? — полетившись, спросил Химик.

Лепёшин перевёл дыхание и, сконфузившись, залился краской, и, наконец, решившись, вытащил из-за спины руку.

В руке оказалась обыкновенная рябая курица, отличавшаяся от других только отсутствием головы.

— Ай, задрыга! — радостно взвизгнул Химик.

Перепугал меня до судороги... Я уже про мокрое думал...

Лепёшип стоял смущённый и красный и неуверенно говорил:

— Жрать хочется до-чёрта... А на обед картошка, ты же сам говорил... Прямо не знал, что делать.

— Да, — согласился Химик, — от картофельной баланды в брюхе чирьи вскакивают; мне один голпник рассказывал... Курица, конечно, фартовой... Только её почистить надо... Ощипывать долго: снимай прямо с кожей...

Лепёшин про себя удивился такому совету, но когда нарезанная кожа легко, как чулок, слезла с курицы, подумал одобрительно: "Ай да Химик..." Потом по его же совету вынул и забросил в кусты куриные потроха и вымыл курицу в водопаде.

— Жарить?, — спросил он, не решаясь ничего уже делать самостоятельно...

— Жарь... Только посоли сначала...

— А нельзя ли без соли? — вопросительно протянул Лепёшин. — Соли-то негде взять.

— На... — Химик протянул мешочек. — И в брюхе у ней посыпь; брюхо главное!

— Какой ты запасливый! — удивился Лепёшин, и, неожиданно оживляясь, прибавил: — Ну, и погнался ж я за ней... Стрелять страшно, так я её всю ножиком исколол.

— Зря, — важно сказал Химик: — ты кусочек земли покроши, сама подойдёт... Курица — птица близорукая, её за раз облапошить можно.

Через минуту вставленная в развилку суковатой ветки кура уже жарилась на костре.

Лепёшин, усталый от беготни и волнения, повалился на землю...

— Как в прериях! — Он восторженно оглянулся. — Тут и пампасы, тут и водопад, костёр горит, и мы в роде как охотники у костра, в роде как ковбой.

— А это что за ковбой?

— Это люди такие. Они на лошадях ездят и стреляют и всё охотятся, мустангов ловят, — и всё у них, понимаешь, приключения... Всё на них бандиты нападают и, конечно, опять стреляют, убивают, убегают... Потом... Интересно, ей-богу, прочти...

— Так это в книжках всё, — махнул рукой Химик. — Знаю я эти книжки: бегают там разные налётчики, стрёмщики, хазушники, — а чего бегают и не понять. Одна фантазия...

— А ты вот Майн-Рида почитай, — загорячился, покрываясь румянцем, Лепёшин. — Ты "Оцеола вождь семинолов" почитай, тогда говори... Там, брат, всё действительно, — и индейцы, и крокодилы, и мулаты... А суд Линча знаешь что?.. Ага, не знаешь, — а говоришь?..

— А ты знаешь!

— Знаю — обидчиво и упрямо мотнул головой Лепёшин: — я молжет сам хотел индейцем быть, я может и ковбоем хотел быть.

— Ну и дурак. Чем в ковбой поступать лучше в налётчики идти или по тихой или, скажем, по ширме... У меня дядя домушник, — таинственно зашептал Химик. — Так до чего здорово работает — ну прямо как твой Майн-Рид, и денег пропасть.

Химик не заметил как потемнело и залилось краской лицо его друга.

— А чего только не делал, — возбуждённо махая пустым рукавом, повествовал он. — Раз с третьего этажа ссыпался — полребра недочёт... Раз пианину стырили среди белой ночи, — жильцы слышали, конечно, грохот, но думали — дом рушится, и потому особен-но не беспокоились. А хозяева — жильцов после в милицию: что, мол, это они спёрли... До чего ругани было, — одного чуть не засудили... Смехота...

— А я, — как-то странно вырывается у Лепёшина, — я записки буду оставлять, как у Пушкина...

— За-записки?..

— Факт!.. Я книжку одну читал у Пушкина. Там одни налётчик описан, в роде Антонио Порро, только получше, и добрым был: богачей грабил. И где что украдёт, сейчас записку оставит: "Здесь был я, знаменитый бандит Дубровский". И поймать его никак не могли — до того был ловкий!..

— Тоже ловкость! Это в древности наверно, когда угрозыска, дактилосклёпии не было. — А пусть теперь оставит записку — враз поймают!

Лепёшин ничего не ответил и вздохнул...

.....

А курица между тем постепенно поджаривалась и подрумянивалась... Лепёшин вынул её из развилки и разорвал на две части. Но Химик отказался.

— Не надо... У меня своя ешь! — сказал он и вытащил из угольев курицу размером в два раза побольше лепёшинской...

— Так дольше, но вкуснее, — объяснил он остолбеневшему другу. — Чего глаза разинул? Что я — дурак — казённую картошку жрать?..

Ребята устроились поудобней и зачавкали.

— Как в прерии, — прожёвывая курятину, шамкал Лепёшин. — Вкусно, прямо смак...

— Какой там смак? — откликнулся пресыщенный Химик. — Вот гуська бы молоденького!

Он зажмурил глаза, а когда открыл их, то увидел стоявшего перед костром одноклассника Кузю.

Ребята молчали. У Химика с Лепёшиным в горле застряли куски. У Кузи при виде курятины неудержимо хлынули слюни...

— Шамаете? — спросил наконец Кузя.

Химик с Лепёшиным переглянулись и, оторвав по куску каждый от своей курицы, дали Кузе. Тот съел, тоскливо облизнулся и, чувствуя, что больше не дадут, спросил:

— Откуда раздобыли?..

— В болоте, — успешно ответил Химик. — За клюшкой ходили и на уток нарвались. Из самоделок двух ухлопали...

Кузя встал и посмотрел в сторону.

— А там утки ещё остались?..

— Нет, не остались... Все улетели утки...

— А это, между прочим... не куры?..

— Ну вот! — обиделся Химик. — Станем мы из-за кур в лес, в болото таскаться. Кур и здесь не мало...

Кузя встрепнулся.

— Где?..

— Там, — махнул Химик, — за водопадом пасутся...

Кузя крикнул и, нагнувшись, поднял с земли суковатую ветку.

— Вы, рябцы, ежели уходите будете, костёр не гасите, ладно?..

— А ты, сволочь, — разом крикнули Химик и Лепёшин: — если запорешься, нас не продавай, — слышишь!

— Сматываемся, — сказал Химик: — Кузя парень — липа. И сам запорется и нас выдаст...

4

Когда Химик с Лепёшиным появились на шкидском дворе, там происходило собрание. Пришедшие поторопились юркнуть в толпу ребят.

Викниксор громил воровство.

В Шкиде завелась группа хулиганов, которая грабит и разоряет окрестные огороды; к нему сегодня приходили огородники и требовали принять меры. — С картофельным воровством следует покончить! — заявил Викниксор.

— Верно! — поддержал Химик. — Надо бросить, ребята, картошку... На кой кляп сдалась она нам?..

По рядам прокатился сдержанный гул... Проголосовали. Единственно решили "бросить"...

— Дальше, — продолжал заведующий: — нам надо переизбрать старосту по кухне... Предлагаю выбрать Васильева...

— Женьку! — закричали ребята...

Викниксор поднял брови и нахмурился.

— Если вы не желаете Васильева, предлагаю Смирнова...

— Женьку! — кричали ребята.

У Викниксора было много оснований не доверять кухню женькиному управлению. И ему наверное удалось бы провести своего кандидата, если бы Женька не купил одновременно голоса. Женька ещё вчера, узнав о перевыборах, пообещал каждому, кто будет за него, по полфунту хлеба у младших и по фунту у старших. И поэтому сейчас все шкидцы дружно кричали:

— Женьку!.. Женьку!..

И Викниксору пришлось уступить...

Не успело окончиться собрание, как Викниксора позвали к воротам... Химик осторожно выглянул из-за дома и увидел толстую женщину в зелёном байковом платке, кричащую заведующему:

— Ваши ребята кур убивают, а потом жарят!.. У меня сегодня чепцыре штуки пропали, я буду в милицию жаловаться!..

Викниксор нелепо покачивался, судорожно морщил и тёр рукой лоб и мычал невразумительно:

— Успокойтесь. Примем меры...

"Да... Им самоуправление вредит. Они не доросли, — раздразненно думал Викниксор. — Оставили прежнего старосту, который оборачивает их. Идиоты!"

В распахнутое настежь окно сквозь темноту и вкрадчивый шелест ветвей доносился собачий лай. Викниксор полузакрыв оконные ставорки, потушил лампу и, как был в халате, залез под одеяло на скрипучую столетнюю оттоманку. Под стрекочущее тиканье будильника проходили, текли минуты. Викниксор сбросил одеяло, оставшись под одной простыней. Но сна не было, и он, ворочаясь, снова перебирал в памяти сегодняшний день. Вспоминалась женщина, у которой пропали куры, перевыборы, резкий разговор с Эланлюм, и в конце концов опять заныло в ухе. Это проклятый фурункул, упрямо засевший где-то там внутри, мешал спать уже целую неделю. Викниксор терпеливо закусывал губы, но потом забылся и чуть ковырнул нарыв мизинцем. Сразу дёрнуло, обожгло, словно током, и он, совсем расстроенный, приподнялся и уселся на оттоманке.

--

Ку-рите, пей-те и бузите.

Отправят в ла-авру — не беда,

Уроков этих не учите —

Не вый-дет толку ни чёрта...

--

заглушённо, но убедительно пел кто-то. Мелодию сопровождал обычный шкидский аккомпанемент на алюминиевой миске.

"Я тебе покажу — уроков не учить", — подумал Викниксор и хотел уже идти отыскать нарушителя тишины, но голос показался знакомым, и он вспомнил...

... После перевыборов, после ссоры с немкой он обходил на ночь дачу. Воспитанники спали, и только кухонный староста Женька был на кухне. Викниксор вспомнил, как Женька тогда, словно не заметив

его, продолжал резать на утро хлеб. А когда Викниксор пошёл дальше, Женька стал что-то насвистывать, насмешливо и торжествующе...

Вот почему Викниксор не двинулся с места и, сдерживая растущую злобу, ждал. У него появилось инстинктивное, тщательно спрятанное от самого себя, желание обождать, пока Женька не споёт какую-нибудь гадость. Тогда (старался не думать Викниксор) можно спокойно, с чистым сердцем наказать Женьку.

Тикал насмешливо будильник, сверлило в ухе. Викниксор раздражался всё больше и больше; ему казалось, что Женька знает его мысли. Он сидел, готовый вскочить, полузакрыв неспокойные глаза.

Наконец, Женька замолчал совсем, будильник затикал ещё насмешливее, и Викниксор, почувствовавший себя обманутым, обиженный и расстроенный, встал и прокрался на кухню...

На столе грудой лежал хлеб, уже нарезанный на тощие приютские пайки. Жёлтый огонёк лампы отражался, вздрагивая в широком лезвии ножа для резки хлеба. А сам Женька, не замечая стоящего в дверях зава, сидел на подоконнике. Он держал казённую миску и, напевая, ударял в неё ложкой. Викниксор, спрятанный темнотой, держась за большое ухо, с ненавистью глядел на него.

Женька вдруг оглушительно забарабанил по миске ложкой.

--

Ну и весело живётся, Если с Элушкой живёт.

Молока хочь не напьётся, Зато Элушку...

--

— Каналья!

Круглая миска с дребезжанием выкатилась, выпля за открытую дверь, а оглушённый недоумевающий Женька молча поднимался с пола, ухватившись за край стола и нечаянно зацепив нож. Викниксор метнулся к нему, теперь уж отдавая себе во всём отчёт, размахнувшись и жестоко, как только мог, как глушат на бойнях скотину, ударил

Женьку кулаком в голову. Женька охнул, упал снова, снова поднялся и, пошатываясь, выбежал вон.

Викниксор, погнавшийся за ним, нашёл его в полутёмной спальне, Женька лежал, закутавшись с головой, на своей койке и тихо, сквозь зубы выли: ему показалось, что зав сошёл с ума. Викниксор грубо дёрнул его за плечо, потом схватил за шею — начал трясти. Голова Женьки мерно билась о железные перекладыны кровати. Шкидец царапался, извивался, хрипел, но это ещё больше ожесточило Викниксора.

И только когда разъехались в сторону доски кровати, когда он увидел кровь, увидел отпечаток своих пальцев на щеке провалившегося на пол шкидца, только тогда Викниксор ощутил всё, что произошло.

Уже с испуганными возгласами просыпались воспитанники, громким басом заревел не спавший и видевший всё Кузя. Викниксор нагнулся, вытащил из-под койки замолчавшего, притихшего Женьку, и, не зная, куда его девать, потащил в изолятор.

2

— Очень странный педагогический приём... не правда ли? — спросил на следующий день, под одобрительный гул остальных ребяташек, Иошка у немки.

— Что ж делать, раз вы не понимаете слов, — ответила Эланлюм. — Да и вообще русский человек любит палку.

Избитый шкидец ещё сидел в изоляторе. Чуть светало, когда Викниксор, никого не предупредив, уехал в город. Без распоряжения зава Женьку нельзя было выпустить, это разжигало ребят, немка тревожилась и, не зная, чем успокоить их, повторяла:

— Русский человек уважает палку.

— А палка, знаете, о двух концах бывает, — серьёзно сказал Иошка: — за историю в роде вчерашней одному заведывающему попало здорово. Об этом в газетах писали...

— В газетах? — встревожилась немка.

— Да, Элла Андреевна, в газетах. Возьмёт кто-нибудь и напечатает...

Вечером об этой угрозе было передано Викниксору. Рассказ спохотливой немки продолжался минут двадцать, он продолжался бы и больше, но пришёл Кира, и она замолчала, занявшись у самовара. Кира пришёл сказать, что назначенная на завтра экскурсия со второй группой состояться не может, так как завтра очередь этой группе дежурить по школе, так что...

Короче говоря, Кире очень не хотелось тащиться на экскурсию.

Викниксор, слушал внимательно и думал о другом, пристально смотря на Киру своими маленькими блестящими глазами.

— Вы хотите на экскурсию? — переспросил он. — Прекрасно. Можете завтра отправляться...

— А дежурство группы...

— За них будут работать старшие... Они свободны от летних занятий и отлично могут вместо этого потрудиться.

— Это им очень полезно, — сказала из-за самовара Эланлюм. — Старшие распустились окончательно. Они грозят газетами, угрожают. Нет, это очень хорошо распорядился Виктор Николаевич. Очень хорошо.

Кире ничего не оставалось, как согласиться с немкой. Он поддакивал в продолжении всей её речи, и был оставлен к чаю.

3

— Но вы же знаете, Виктор Николаевич, что мы осенью хотим держать экзамен в техникум.

— Ну?

— У нас очень мало времени для подготовки.

— Ну?

— И если вы хотите ещё заставить нас работать за второй класс, нам совсем не останется времени заниматься...

— Ну?

— А если мы не подготовимся, то провалимся на экзаменах.

— Всё?

— Всё...

Когда Шкида переехала на дачу, старшие, плюнув на халдеев, приняли сами по учебникам за родной язык, за физику, за обществоведение, чтобы как-нибудь успеть подготовиться к осенним экзаменам в техникум.

Учиться пришлось много, и в то время, когда остальные шкидцы проводили время в кружках и на экскурсиях, небольшая кучка старших выпускников занималась. Занималась с утра и до обеда, занималась после обеда, занималась и вечером. И когда Викниксор объявил, что старшие должны работать за вторую группу, потому что они бездельничают, старшие возмущались.

Стало ясно, что Викниксор злится на них за всё то, что они высказали о нём после случая с Женской.

Но ведь школа не дала им, выпускникам, нужных знаний, они не требуют и только просят дать им больше свободного времени для личных занятий.

Викниксор выслушал, попробовал смутить говорящего ему из строя Сашку своим пристальным взглядом и короткими вопросами, но Сашка не смутился — всё высказал и теперь ждал ответа.

— Моё решение неизменно, — медленно заговорил Викниксор. — В школе все должны подчиняться общим правилам. Исключений ни для кого нет — таков закон... Если вы не занимаетесь в кружках, то взамен этого должны нести другую работу по школе.

Но строй волновался... Второй класс перешёптывался, толкался.

— Говори, говори, — шептали ребята, выпихивая Старостина.

— Виктор Николаевич... — рассудительно заговорил, выходя, Старостин, — пушай старшие занимаются — им нужно, а мы работать будем... А то надоели все экскурсии, и ни хрена в них пользы...

Викниксор рассердился, покраснел и затопал ногой.

— Пошёл на место! — закричал он. — Сопляк! Учить меня вздумал! Без обеда!

И, давая понять, что все разговоры кончены, командовал:

— Смирно!..

Занятые в этот день чрезмерной работой, старшие торопились: приходилось рассчитывать время, чтобы выкроить из него ещё и для учения. Но утром заниматься почти не пришлось. Пока носили воду, пилили и кололи дрова, мели двор и улицу, — время прошло до полдня, а потом Викниксор придумал убирать огород, и ребята освободились лишь за полчаса до обеда. После обеда надо было мостить кирпичом двор. Здесь кто-то предложил делать всё сообща, и оказалось, что работа пошла много легче и быстрее. И ребята повеселели.

Они кончили, когда другие шкидцы ещё не сделали и половины ежедневной работы.

— Ну, теперь всё, — со вздохом поднялся Голый и улыбнулся. — Теперь заниматься,

Все встали с мостовой и, с усилием расправляя спину, тоже улыбались.

— Мирно всё и без бузы, — сказал Июшка, опуская закатанные рукава. — Всё в порядке, можно сказать.

Начали умываться.

Около кухни поднялся хохот, гогот, визг... Выхрёбывали из кадушки последние остатки воды, шаркая по дну ковшиком. Ругалась кухарка Марта, отнимая ковшик. Сашка облил Голого Барина и оба, завизжав как поросята, помчались по двору.

— "Держи"!..

Неожиданно из-за угла сада вышел Викниксор.

— Что такое? — остановился он. — Что за беготня. Почему вы не работаете?..

Кончившие работать старшие стояли возле кухонного крыльца. Июшка сидел на перилах.

— Мы своё сделали, — сказал Июшка, не вставая. — Всё правильно, Виктор Николаевич.

Этот весёлый тон и то, что Иوشка, говоря, продолжал сидеть на перилах, и то, что Голый с Сашкой, несмотря на окрик, не остановились сразу, раздражил и без того нервничавшего Викниксора.

— Ничего нет правильного, — сказал он, сдерживаясь и подходя ближе. — Ничего нет правильного, — повторил он. — Вы старше и сильнее и потому сделали всё быстро...

— Нет, — ответил Иوشка. — Это потому, что мы работали сообща, по-фабричному...

— Это дела не меняет... Вы должны были работать больше, вдвойне.

Ребята загалдели...

— Ка-ак?

— Когда же заниматься?...

— Это несправедливо...

— Прошу не разговаривать, — оборвал крики Викниксор. — Делайте сначала работу...

— Мы сделали...

— Я сказал: вдвое...

У Голого ещё раньше дрожали от обиды губы. Он не выдержал и закричал в лицо Викниксору:

— Довольно вам издеваться... Что мы — скотина, что ли?..

Викниксор оглядел его.

— В четвёртый разряд! А вы, — он повернулся к остальным: — за работу!

И ушёл...

— А мы работать не будем, — неслышно прошептал ему вслед Червонец. — Не будем!

На него испуганно взглянули и шикнули. Но Голый рассердился и полным голосом прокричал:

— Не будем!

— Не работать...

— Бастовать — и к чертям!..

Работать никто не пошёл.

Викниксор чувствовал, уходя от ребят, что поступил несправедливо. Даже обида на них, которую он старательно при этом вспоминал, уже не казалась ему утешительной. Он старался оправдаться тем, что всё-таки это им будет на пользу. Им меньше будет времени хулиганить.

Так оправдывался он перед собою, но был неспокоен.

Он не мог понять, что те, старшие, которые пришли в Шкиду оборванными, тринадцатилетними шкетами, теперь выросли, развилась и были даже образованнее халдеев, халдеев, без педагогического опыта, без охоты к работе, набранных с бору да с сосенки, по биржам и отделаам труда.

Эти люди, за редким исключением, больше годные в дядьки и надзиратели, призваны были учить и исправлять трудных детей, детей с повышенными способностями и чувствительностью, детей, превратившихся в юношей...

И это непонимание было причиной, почему школа так круто стремилась под уклон.

Работать ребята не пошли. За ужином и вечерним чаем все безразлично ждали, что вот-вот разразится гроза.

Но ничего не случилось. Викниксор забыл о ребятах, а вечером уехал в город, думая там поспокойней провести пару днейков и посоветоваться с доктором относительно своих почек.

4

— Так как же ребята? — в третий раз спросил Голый Барин.

Спальня молчала.

Ребята, закутавшись в одеяла, сжавшись лежали по койкам, но не спали. Спать не могли.

— Бастовать...

Лежали... Сашка, уткнувшись лицом в горячую подушку, лежал, думал: "Зря хлопочет Голый, ничего не выйдет, будет буза; надо поговорить с Викниксором, как говорили раньше, — а не бастовать"...

Иошка думал: "Три года говорили с халдеями — хватит; не бузить надо, не разговаривать, а бороться".

И Будок, Кубышка, Адмирал, Червонец, другие думали: "Как же так?.. бастовать?.. сразу?.. вдруг? Завтра"?..

— Бастовать!..

— Погоди, — угрюмо сказал Будок. — Сразу ведь так нельзя, подумать надо...

— Это определённно, — загудели кровати. — Подумать надо... Сразу нельзя...

— А что думать? — закричал, сорвавшись, Голый. — Мало кирпичей потаскали, мало в пятых разрядах посидели, да?.. Ждать будете, просить будете. Да? Думаете, простит Витя, что мы сегодня не работаем? Думаете, забудет? Да?..

— Не забудет, — вздохнул из темноты Кубышка. — Ох не забудет, Витя, вспомнит! Он сейчас в город уехал, а потом вспомнит.

— Фана.

Ребята зашевелились, Иошка сел на кровати.

— А, по-моему, лучше всего поговорить с Витей, — глухо в душу начал Сашка. — Зря волиним, ребята... Что Витя Голого в четвёртый разряд перевёл...

— Врёшь, врёшь, Сашка! — вскочил Голый. — Мне на разряд наплавать, тут не разряд, тут мы все, — мы бастовать будем...

— Ну и забастуем, — нудно продолжал Сашка. — А младшие ребята будут. Оставят нас без жратвы, переведут кого в четвёртый, кого в пятый разряд, а кого и вышибут...

— Не пугай, — тихо уронил Иошка: — не испугаемся... С младшими поговориться надо. Как думаете, ребята?..

— Обязательно надо! — загалдели ребята. — А то как же другим?.. Бастовать — так всем. Надо кому-нибудь сходить к ним.

— Я схожу, — выскочил Голый, — я с Андрюшкой.

Прошло несколько минут после ухода Голого, и ребятами снова овладело сомнение. Им уже живо представлялась та расправа, ко-

торой они подвергнутся завтра, все как-то вдруг ощутили свою беспомощность и бессилие. Но отступать было поздно, и отступить никто не решился бы.

— Помню я... — неуверенно заговорил Адмирал, — на гимнастике... Шёл и стал отставать... А Спичка как-ак шмякнет меня палкой... в прыжке это.

— Так то раньше! — закричал Будок, — то в старое время, тогда действительно били... А в Шкиде в прошлом году Аксютку отвозили... Наследил кто-то в классе, а халдей один — Хрящиком звали — и говорит Аксютке: "это ты"... Аксютка говорит: "нет"... Хрящик говорит: "убери". Аксютка говорит: "это не я"... Хрящик Аксютку зашиворот. Аксютка Хрящика в пузо. Хрящик Аксютку по кумполу — загнул-ся парнишка... Тут набежали халдеи и поволокли его в изолятор... А потом как вечером отправляли его с ментами в реформаторий...

— За што?..

— Дык он же Хрящика по пузу треснул... Когда вели его вечером, посмотрим — голова у него вся разбита в кровь,

— Халдеи?..

— Не-е... Он в изоляторе об стенку головой бился. Психом был... Так разве с психом можно?..

— А Женку как отвозили?..

— А Адмирала как Викниксор разделал, слышали?.. Адмирал щёбёнку на дворе бил и расколол себе палец, ноготь, что ли, своротил... Ушёл, конечно... А вечером, как накинул на него Витя... "Гогочка, — кричит, — паинька... Ножку себе занозил"... Дал бы я ему гогочку, чёрт корявый...

— А сад убирали? Целый день лист таскали. Потом прилетела Эланлюм... Хвать...

— Тш-ш!..

На лестнице и в дверях зашумели. Послышался топот босых ног.

— Голый!

— Голый пришёл!

Даже сомневавшиеся вскочили с кроватей и побежали навстречу.

— Всё в порядке, — сказал Голый, очень довольный и выполненным поручением и тем, что стал почти организатором забастовки. — Всё вышло очень хорошо. "Даёшь!" кричали. Словом, — завтра на купании надо сговориться — и конец.

— Очень хорошо. Молодец! — похвалил Голый Йошка.

Он отошёл к своей постели и лёг. Весь план забастовки уже созрел в его сознании. Он хотел уже сейчас приняться за организацию стачкома, приняться за распределение обязанностей, но волнение сегодняшнего дня утомило. Все разбрелись по постелям, заснули очень быстро.

Зато младшие успокоились не скоро. Ещё по уходе Голого они долго обсуждали предложение старших и находили его заманчивым и увлекательным. Впрочем, им было всё равно. Они не рассуждали, плохо ли это или хорошо, — это они предоставляли решать старшим, которые, думалось им, знали всё и на которых можно, следовательно, положиться...

Но самое главное — забастовка давала свободу от опостылевших кирпичей, кружков, экскурсий. И всем как-то смутно представлялось, что можно по-новому и очень интересно побужить.

5

В это утро дежурный воспитатель Палач был удивлён странным поведением ребят на купаньи. Все они быстро раздевались и, — один за другим переплыв узкую речку Брюловку, — скрывались в кустах на противоположном берегу. Палач почувствовал здесь подвох, неизвестное противозаконие и поэтому начал кричать:

— Кончай мытьё!.. Вертайся назад!.. Жи-во!..

Но там его не слушали. Слушали Йошку:

— Так, значит, вот что... Самое первое — после чая всем из дачи вон... Понятно?.. И до вечера даже близко не подходить... Понятно? Второе: — шамовкой запасайтесь как можно больше...

— А где её возьмёшь, шамовку-то?.. — спросил Балда, великий объедала.

— Извиняюсь! — высунувшись из толпы, обратился к нему Химик. — Ты что же думаешь, сволочь, что картошку огородную можно только после забастовки жрать, да?..

— Шамовкой, значит, запасаться... — поспешил замять этот позорительный разговор Йошка. — Понятно?.. Я и Сашка будем на чердаке. Если что случится — к нам. Понятно?..

А Палач, охрипнув от крика и убедившись в наличии крамолы, сел на песок и начал стаскивать сапоги, надумав плыть через реку.

— Зеке! — крикнул Химик. — На митинг могут напасть халдеи.

— Сейчас... Ещё одно... Последнее... Не бузить и халдеям хребты не ломать. Понятно?..

— Понятно...

Ребята высыпали из кустов и с шумом кинулись в воду.

Задуманный план исполнялся. Выпив чай и захватив шамовку, шкидцы незаметно скрывались, и вскоре дача опустела; а через пять минут вошедший в учительскую Палач тревожно сообщил халдеям:

— Ребята разбежались!

— ?!

— Смотрите сами.

Но смотреть собственно было нечего.

Спальни и столовые оказались пусты. Пусто было на дворе, в саду и в огороде. А на дверях учительской появилось объявление:

"Педагоги. [ЗТ. сноска от Ольховского] С подлинного.

"Мы долго терпели. Нас обвиняли в воровстве, заставляли через силу работать, избивали, не давали возможности учиться и т. д. Но больше мы терпеть не можем. С сегодняшнего дня мы начинаем забастовку. Мы не будем ни учиться, ни работать, пока не будут приняты наши требования:

"1. Прекращение мощения двора.

"2. Перемена обращения.

"3. Отменить сверхурочные работы у старших и дать им возможность в человеческих условиях провести последний месяц.

"4. Уничтожение наказаний и изолятора.

"5. Создание законного самоуправления.

"Если эти требования вы выполните, мы забастовку кончим.

Стачком Шкиды".

Из чердачного круглого окна Иошке видно было, как заволновались столпившиеся у объявления халдеи. Он улынулся от радости, но сейчас же улыбка исчезла. Ясно слышно было, как кричала Элан-люм и, крича, даже подталкивала под руку Киру:

— Скорее на поезд... В город...

Иошка повернулся к Сашке, хмуро сидевшему на двух кирпичиках, и захихикал как японец.

— За Викниксором поехали... Чуд-даки!.. Теперь такая каша заварится, что и троим Викниксорам не осилить...

В час обеда никто из ребят не явился. Халдеи часто выходили за ворота, вглядываясь в оба конца полупуденному пустой улицы и каждый раз понуро возвращались обратно. И каждый раз хихикал на чердаке Иошка:

— Ходят!..

Уже солнце обежало небо и, склонясь, покатилося к вечеру. Прогнали коров, и тени, всё больше вытягивались на восток. И всё больше вытягивались и халдейские лица. Кто-то высказал мнение, что, может, произошёл массовый побег, что, может, надо заявить милиции, но пробило шесть часов, и в учительскую уже не вошёл, а вбежал Палач и крикнул:

— Идут!..

Ребята пришли. Все с гомоном и треском разбежались по столовым, и тотчас же в каждой из них в дверях выросло по халдею. И, странное дело, они чувствовали какую-то неуверенность, неловкость и даже бессилие. Они понимали, что забастовка — это не про-

стая буза, что следовало бы просто и по-товарищески поговорить с ребятами, вызвать их на беседу, на откровенность, но в том-то и дело, что они не умели этого делать, в их распоряжении был лишь один-единственный метод воздействия!

— Без обеда все!..

— Нам обеда не надо! — отвечали ребята. — Нам ужин даёшь, по закону.

Законы — губоновские инструкции — ребята знали не плохо.

Поужинали.

После ужина халдеи поспешно разогнали ребят по спальням и заперли их — ребята вылезли в окна; попытались запереть ворота — шкидцы удрали через забор. Воспитатели, усталые и растерянные, бегали по даче.

Шкида взбунтовалась. Порядок полетел к чёрту, и бывлые приёмы уже никого не пугали.

К ночи ребята вернулись. Чай пили, победно распевая песни, и халдеи не показывались на двор, считая это делом бесполезным; и только с нетерпением ожидали Викниксора. Ждали этого приезда и ребята. И хотя успех первого дня вскружил им головы, они смутно сознавали, что так просто и легко всё не пройдёт и что надо готовиться к чему-то решительному, но к "чему" — никто не знал.

Викниксор приехал в двенадцатом часу ночи. Через полчаса его квартира наполнилась созванными на экстренное заседание хал-деями.

Дача была старенькая, деревянная, хлибкая, и всё, что говорилось в квартире заведующего, при некотором старании можно было услышать. Поэтому Голый Барин ещё раньше разрыл землю на чердаке и теперь, прикинув к доскам, внимательно вслушивался.

— Это же чёрт знает что такое! — почти кричал Викниксор. — Это же буза. Это же непослушание, это же бунт!..

— Бунт! — вздохнул кто-то — бунт!..

— Да ведь какой бунт?... Организованный. Это же надо зачинщиков искать, главарей ловить!..

— Надо, надо! — опять поддакнул кто-то, и Голому показалось, что это Кира. — Определённо надо...

Внизу замолчали. Потом стукнул поставленный на блюде стакан, и Викниксор заговорил снова:

— Главари мне будут известны. О них, впрочем, я догадываюсь.

— Ну, а для верности ученик Карпов мне их завтра назовёт. Завтра попрошу вас сделать так: после умывания поставить всех в строй, закрыть ворота и... Они у меня долго не побастуют.

Голоый поднялся и осторожно, на одних носках, выбрался с чердака.

В спальне его ждали. Сидя на кроватях, выслушали его торопливый рассказ.

— Понятно, — прервал Иوشка. — Всё ясно... Крикните кто-нибудь Женьку.

— А зачем?

— Говорю, значит надо.

Пришёл заспанный и хмурый Женька — кухонный староста.

— Вот что — строго обратился к нему Иوشка: — скажи честно и по совести. Сколько у тебя хлеба отначено?

От неожиданности и спросонья староста растерялся и поэтому ответил честно, стыдливо опустив глаза.

— Пустяк... Фунтов тридцать...

— Мало, — прикинул в уме Иوشка. — Ну, да всё равно... Странно так страдать. Сделай так... Хлеба завтра к чаю дай больше, по фунту... и сахару больше и ещё чего-нибудь, скажем — масла... Понятно? Разложи всё на столах пайками до умывания... Понятно?... И сам уходи — будто купаться — и к чаю обязательно опоздай... Понятно?

— Понятно.

— А хлеб отначенный на чердак... Понятно?

— Понятно...

— Я ещё не всё сказал, — заговорил опять Голоый. — Дело вот какое... есть лягавый!..

В спальне стало тихо; все замолчали. Потом скрипнула иошкина кровать, и он спросил:

— Кто?

— Карпуха, из второго класса. Викниксор сам сказал, что от него всё завтра узнает.

— И Карпуха расскажет?..

— Факт...

— Так крыть же его, паскуду, надо... — закричал вскакивая Иوشка. — Сейчас и покрыть, пока не поздно!

— Язык вырвать!

— Убить стерву!

Несколько человек поднялись с кроватей и вышли из комнаты.

— Шал..

Во втором отделении было тихо, ребята спали. Карпуха лежал, раскрасневшись от сна, улыбаясь своим румяным ртом.

Барин набросил на лицо ему подушку, и слышно было, как дёрнулся тот от испуга и забился, стараясь вырваться.

Но его крепко держали.

От ударов свалилось одеяло.

Били прямо по телу.

Тело вспухло под ударами, сжималось, силилось освободиться — на миг он вырвался из-под подушки, крикнул, но его ударили по лицу, на руки брызнула кровь, и он упал...

— Хватит!..

В спальне по-прежнему было тихо. В окно неслышно глядела спокойная и чистая луна; сброшенное одеяло, подушка и тело нелепо лежали поперёк кровати, освещаясь её странным светом.

Потом неприятно и сухо что-то начало падать на пол, равномерно как капли. Голый протянул туда руку и, поблуднев, отдернул обротно, судорожно отряхивая её.

— Хватит!..

6

Утром звонок на чай заставил Викниксора быстро встать от стола, взглянуть на себя в зеркало и выйти из комнаты. Но там его то-ропливость исчезла, и он нарочно медленно отворял наружную дверь, нарочно медленно сходил по лестнице, чтобы посередине её остановиться изумлённым, сбитым с толку.

Двор был пуст. Обычного шумного строя ребят не было, да и на всей даче не слышно было ни звука. Лишь кучка воспитателей сидливо ожидала заведующего возле крыльца.

— Где воспитанники? — спросил Викниксор. — Разве не вернуться ещё с купанья?

— Ушли уже...

— То-есть как так ушли?

— Да так: вернулись с купанья и ушли...

— И чай не пили?..

— Нет...

— Чёрт знает что такое! — крикнул Викниксор, краснея. — Всё проворонили... Сейчас... сию же минуту разыскать всех!..

Халдеи разбежались...

Насмешливое Иошкино лицо высунулось из чердачного окна и сейчас же скрылось обратно...

— Ищут.

Иошка захихикал, потёр руки и оглянулся. Сашки на чердаке не было.

Сашка шёл к Викниксору, твёрдо решив поговорить с ним и мирно уладить волюнку.

А Викниксор стоял на лестнице, видел, как опрометью несутся по этажам воспитатели, и понимал, что там нет никаких ребят, что его

перехитрили, что лучше просто дожидаться прихода шкидцев. Но у него пропала уже всякая охота к действиям, к работе, воображению. Он постоял ещё немного и тяжело, по-стариковски загребая ногами, поднялся обратно в свои комнаты.

Однако воспитатели, смущённые его криком, проявили деятельность необычайную. Они обыскали всю дачу, сад, огород, окрестные улицы, и им удалось поймать трёх неосторожных шкидцев. Ребят притащили в дачу, заперли в изолятор и у дверей посадили Палача. Сторожить.

— К вечеру воспитанники придут, — ораторствовал на задворках упоённый успехом Кира. — Много, конечно, поймать мы их не поймем, но Виктор Николаевич очень расстроены, и надо постараться. Одним словом, наловить ребят числом как можно побольше. Понятно? Одним словом — хватать! Много, говорю, конечно, не схватишь, но ежели по одному или по два — то, натурально, выйдет цифра и даже число!..

Условившись насчёт "хватать", халдеи потушили папиросы и разошлись по засадам.

А Сашка вернулся от Викниксора так быстро и таким красным, что можно было подумать, будто ему наклали по шее и поддали сзади коленкой.

— Сам ты дурак! — забормотал он на чердаке, грозя — кулаком викниксоровским окнам. — Сам ты сопляк и мальчишка... Сволочь... Погоди, мы тебе такое закатим, что глаза на лоб вылезут!..

Иошка не расспрашивал Сашку. Иошка вспомнил зиму, приход корреспондента, разговор в зале и Викниксора, кладущего руку на Сашкино плечо.

"... И это хорошо, что ты погорячился, не забывай так делать и дальше..."

— Не унывай, Саша, — хихикнул Иошка. — Вкатим Вите забастовочку, не беспокойся.

В шесть часов, как и вчера, забастовщики вошли во двор. Из всех углов ринулись на них халдеи, а по лестнице с криком "хватай!" со-
колом слетел Кира и врезался в толпу.

Шкидцы заметались по двору. Ударились было к воротам. Но их уже успели запереть, а в калитке образовалась пробка.

Халдеи ловили по преимуществу мелочь — на манер курей, рас-
топырив руки и загоняя в угол.

Кира, пожелав отличиться, вцепился в самого длинного шкидца, Червонца, но сил своих не рас читал: ему дали по зубам, и он, ку-
выркнувшись, отлетел к стене, не переставая кричать: "Хватай!"

Но хватать уже было некого — неприятель отступил через калит-
ку и через забор, и хотя поле сражения оставалось за халдеями, пленных было всего трое мапышей-новичков, которые вдруг во весь
голос заревели:

— Мы больше не будем!..

— В изолятор! — распорядился Кира. — Мы им покажем! Забас-
товщики!..

И пленников поволокли...

А шкидцы выбежали за ворота, и хотя за ними никто не гнался, никто не преследовал, продолжали бежать, бежали долго и очну-
лись только на кладбище, на другом берегу реки Брюловки.

На могильном замшелом камне, рядом с покривившимся кре-
стом, сидел Сашка, — он прибежал первый и теперь изумлённо
смотрел на ребят, вспоминая прошедшее:

— Какого же чёрта мы убежали?

— Да там же халдеи!..

— Эх, мать честная, — до слёз огорчился Сашка, — надо на них
было... Бить их...

— Так что же ты сам в беге ударился?.. Эва, раньше всех прибе-
жали..

Шкидцы, перебираясь по камням через реку, всё подходили и
подходили.

— Много там поймали, а?..

— Много... Человек десять, а то и больше...

— В Лавру их наверное отправят...

— Братцы, — заговорил вдруг кто-то: — а ведь пожрать бы на-
до?..

— Факт... Пожрать надо...

— На даче есть хлеб, — сказал Июшка. — Хлеб на чердаке. Толь-
ко принести надо... Сходишь, Федорка?..

— Ладно, — отозвался тот. — Мы с Корнем сходим.

— Только осторожно! — предупредил Июшка, когда Федорка и
Корницкий пошли. — Не засыпьтеесь... С огорода лезьте...

— Ладно...

Ребята на кладбище оживились. Смеялись, бегали по могилам и
даже Карпуху, над которым нещадно издевались весь день, остави-
ли в покое.

— Сейчас пожрём!

Но и пожрать не пришлось. Минут через десять на берегу пока-
зался Федорка, один и без всякого мешка; торопливо, едва не сва-
лившись в воду, перебрался он через реку и подбежал к Июшке...

— Корень засыпался... Засада была... Пришли на чердак, думали
— не заметят; выходим, а тут — как кинутся...

— Кто?

— Халдеи... Кира... Палач... Сашкец... Корня схватили. Я убе-
жал...

— А хлеб?..

— Там, у халдеев остался.

Скажи он, что в Шкиде сейчас вешают Корницкого, это меньше
возмутило бы ребят...

— Что же ты, стерва, хлеб бросал?..

— Да я его и не бросал... Корень его нёс... Его и хватали.

— А ты не мог хватать?..

— Кого? ..

— Да хлеб... Будто не понимает...

— Сразу хватали они. Один хлеб, другой Корня.

— Здорово! — только и мог проговорить Голый Барин.

— Что же делать? — спросил у Иوشки растерявшийся Сашка.

— А я знаю? — буркнул Июшка и отвернулся.

— Вот тебе и пожрала! — мрачно пробурчал Червонец.

Шкидцы разбредлись по кладбищу. Нашли и выволокли из разваленного склепа Карпуху, принявшиеся на нём вымещать свою злобу.

— Будешь людей продавать, стерва?..

— Не буду, — выл Карпуха. — Это вас халдеи под-манули. Я им ничего не говорил!..

— Врёшь, зануда! Не говорил, так будешь говорить, — и град щелчков и колотушек сыпался на карпухину голову.

Скоро совсем стемнело, и обложное облаками небо сделало кладбище страшным.

Все понимали, что надо действовать, думать, предпринимать, а не ожидать чего-то неизвестного и далёкого. Ведь начали бастовать, надеясь потом сговориться, надеясь кончить спокойно и быстро, а между тем уже прошло два дня, и никто не знал, когда да и чем всё кончится. Уже нашлись недовольные, которым казалось глупым мирное и терпеливое ожидание, и они призывали бороться — идти бить халдеев и брать в свои руки и власть, и кухню, и кладовую...

Хотелось есть.

Становилось холодно и мрачно, и шкидцы опять окружили каменья, где сидел Июшка.

— Так что же делать будем?..

Июшка глядел на ребят и не мог понять, что им от него надо, откуда он знает, что делать?..

— Не ночевать же на кладбище?..

— Ну и катитесь в Шкиду, — раздражился Июшка. — А мне и здесь хорошо...

— Сволочь! — крикнул кто-то.

Июшка ничего не ответил.

Свет луны, прорвавшись сквозь тучи, мелькнул по кладбищу. Всё вырисовалось перед глазами: поваленные кресты, плиты и кладбищенские ивы с растопыренными, как пальцы, прутьями, тихо и неслышно качающимися под ветром. И Июшка увидел, как шкидцы понемногу, по одному начинают переходить обратно, на другой берег.

— Куда вы? — закричал Голый Барин.

— Домой идём! — грубо крикнул в ответ Мамонтов. — Не будем здесь.

Теперь уже переходили реку все... Перебираясь через камни, кто-то толкнул Карпуху, и тот стал тонуть. Стремнина водоската тащила его вниз — он цеплялся за камни, хотел вылезть. Но руки скользили, а в лицо била мутная пена. И он не кричал, не просил, не звал. Знал, что звать бесполезно.

А ребята столпились на берегу, и у многих на лице была та странная улыбка, с которой дети топят котят.

Карпуха выбросил вперёд руку, скользнул, крикнул — и вместе с водой обрушился вниз, в омут...

Его вынесло далеко вперёд, к самой отмели. Оглушённый, он лежал на песке, но, услышав, что идут ребята, выбрался на берег и побежал к даче, торопясь обогнать их...

Утром, когда ещё все шкидцы спали, во вторую группу пришёл Викниксор. Ребят разбудили, велели одеться и построиться; после этого четверых вызвали из строя, а к остальным заведующий обратился, примерно, с такой речью:

— Выбирайте. Или эта четвёрка сейчас же, сию же минуту отправляется в Лавру, или вы принимаетесь за работу.

То же самое повторилось в первой группе: ребят поднимали, строили, вызывали наудачу нескольких человек, заставляя других "выбирать". И когда старшие в восемь часов проснулись, всё уже было кончено — младшие пошли работать.

Старших оставили одних, дверь к ним в спальню была закрыта, и её караулил Палач. Ни умыванья на реке, ни общей переклички в этот день не было. Чай старшие пили после того, как напились и были запёрты в спальне младшие. И здесь в первый раз в этот день в третью группу пришёл Викниксор.

— Встать!

Встали.

— Сесть!

Сели.

— Ионин!.. Встать!..

— За што-с?

— Встать, тебе говорят!

— Ну и встану... Ну и ладно...

Иошка начал подниматься. Должно быть, это показалось медленным Викниксору — он подскочил к Иошке и дёрнул его за плечи...

— Драться?.. — закричал Иошка. — Драться, сволочь!..

Кружка пролетела мимо Викниксорова лица и, дребезжа, выкатилась на веранду, в сад. Ребята повскакали с мест, покачнулись и упала скамейка, рухнул стол; закричали... зашумели...

— Бить?..

— Не имеете права!..

— Жандармы!..

Викниксор вырвался из толпы. Сбитое пенсне упало ему на грудь. От неожиданности и гнева он ничего не видел.

— Бунтовать?.. — орал он. — Я вам покажу!.. Прекратите чай!.. В спальню!.. В изолятор Ионина!..

— Не пойду!..

— Пойдёшь!..

И, шаря по воздуху руками, Викниксор выбежал в коридор.

Он протёр пенсне и выглянул через окно во двор. Двор мостили.

— Работают?

— Да, Виктор Николаевич.

— Все?

— Нет-с.

— Это почему?

— Я уже докладывал вам, что восемь человек во главе с Иониным продолжают забастовку.

— Ах, эти... Ну да, я знаю... Пускай, пускай побастуют. Есть хотят — придут... Придут, не беспокойтесь... Больше им идти некуда... Да-с.

Эта восьмёрка не была страшна ему... Наоборот, с ними так легко справиться, легко свалить на них всю ответственность и счесть за коноводов. То, что они придут, он знал отлично. То, что придут с повинной, знал ещё лучше... Он колебался лишь в выборе: устроить эту повинную публично перед строем или у себя в квартире, перед халдеями. Конечно, первое заманчиво и показательно, но всё-таки как-никак их восемь человек, — могут поднять крик, вой и всё испортить. Другое дело, если бы был один человек, тогда публичную повинную можно бы осуществить легче и почти наверняка...

— Вам письмо, Виктор Николаевич! — крикнули из-за двери...
— Давай сюда...

Письмо было в большом деловом пакете без марки. Викниксор хотел было узнать, откуда его принесли, но шкидец, передавший письмо, успел уйти, ничего не сказав.

"Виктор Николаевич! [ZT. сноска от Ольховского] С подлинного.

"В последний раз мы взываем к вашему благоразумию. Мы терпели долго, снося ваши притеснения, издевательства, мы видели, как одни за другим изгонялись из школы наши товарищи, видели, как вы коверкали нашу и их жизнь, как вы своими иезуитскими методами, — а иначе их назвать нельзя, — как вы своими методами доводили учеников до самоубийства, до голодания, как вы губили наших товарищей, делая их беспризорными, ворами и т. д., и т. д., и т. д. (вообще здесь не место перечислять все ваши добродетели: они будут перечислены в другом месте и в другое время).

"Сейчас, сойдясь на поляне парка, мы пришли к таким неутешительным выводам. С вами мы говорить больше не можем. Между нами существует слишком уж большая пропасть. И мы решили бороться и в борьбе с вами применить то единственное средство, которое ещё осталось в наших руках,

"Мы объявляем голодовку.

"Что кончится это предприятие недобрым — мы знаем отлично. И всё же мы идём на это, ибо у нас нет другого выхода.

"Мы требуем:

"1. Перемены обращения.

"2. Оставления старых сроков работы.

"3. Дать возможность отпускникам провести в человеческих условиях последний месяц.

"4. Не посылать наших товарищей по исправительным заведениям и тюрьмам.

"5. Создать законное самоуправление.

"Последний раз мы просим переговорить с нами — ещё не всё потеряно. Мы всё ещё надеемся, что вы не окончательно утратили человеческого образ, обращаемся к вашим педагогическим убеждениям и пытаемся надеяться на них".

Заявление было подписано Иошкой, Сашкой, Голым Бариним, Кубышкой, Адмиралом, Червонцем, Корницким и Федоркой.

Ответа ребята не получили, и голодовка началась.

Все знали, что пошли на крайнее средство, но не представляли всё-таки всех возможных его последствий. На Иошке первом отразилась голодовка. На второй её день этот болезненный и истощённый шкидец уже не решался вставать с кровати, лежал странно пожелтевший за одну ночь, с покрасневшим ртом и натянув на голову своё серое одеяло. К двум часам дня лежало ещё трое. Остальные тоже чувствовали слабость.

В дело вмешались халдеи. Обычно приструненные, покорно исполнявшие распоряжения своего зава, они начали волноваться. Они фрондировали не из человеколюбия, не из жалости к ребятам-голодовщикам, а просто из боязни уголовщины. Они отправились к Викниксору и потребовали принять меры к прекращению голодовки.

Викниксор посоветовался немного с воспитателями и отправил к голодовщикам Палача.

— Виктор Николаевич велел передать, что он согласен обсудить ваши требования...

.....

Когда голодовщики пообедали (а съели они, как это ни странно, очень немного) и пили чай, к ним опять пришёл Палач и передал последнюю Викниксорову волю. Троице из голодовщиков ехать в город для переговоров в Губоно. Заведующий передал туда письмо и умывает руки.

Решено было ехать Иошке, Сашке и Кубышке. Перед отъездом, ещё раз собравшись, обсудили требования. Вечером уехали в город. На другой день рано утром уехал Викниксор. Шкида осталась

ждать. Ждали весь день — ребята не возвращались, возвратился один Викниксор. Ещё за час до его приезда приехавшие из города молочницы передали шкидкам письмо.

"Ребята... [ЗТ. сноски от Ольховского] С подлинного.

"Случилось ужасное, случилось то, чего мы совсем не ожидали, — случилось предательство; нас обманули самым подлыми и отвратительным способом, как только могут обманывать халдеи. Обманули, заранее сговорившись и оставив всё дело так, чтобы мы и не подозревали мышеловки.

"В город мы приехали уже вечером, переночевали в Шкиде, — утром подправились, почистились и пошли в Губоно. Нас там ждали. Начать с того, что первый, кто нам попался по дороге, был Викниксор. Он шёл от заведующей и улыбался... Увидел нас и пробурчал: "Вас ждут".

"Заведующая ждала, посадила нас, взяла в руки ультиматум, что мы послали Викниксору, и долго, и много говорила. Нам запомнились следующие определения: "хулиганство", "распущенность", "безнравственность", "недисциплинированность", "подрыв", "мальчишество". Говорила, повторяя, долго, до тех пор, пока Сашка, не завертевшись на стуле, не заорал: "хватит".

"Ну-с, началось обсуждение... Мы говорили: "жить невозможно", она — "недисциплинированность"; говорим: "произвол", она — "распущенность", говорим: "тюрьма", она — "мальчишество"; так мило беседуем, вдруг открывается дверь, высовывается Викниксор и пальцем манит заведующую. Вышла. Говорят что-то, долго говорят.

"Кубышка, конечно, стал по кабинету, по столу шманать и нашёл бумажку: "Прошу перевести в Лавру Фёдорова Георгия и Корницкого Владимира. Основание — воровство и хулиганство..." Не успели мы как следует сообразить, возвращается заведующая, говорит: "Дело для меня ясно теперь, так что в общем меры пресечения, предложенные Виктором Николаевичем, я должна утвердить".

"— Что, говорим, за меры?

"Прочитала: Корницкого в лавру, Федорку в лавру. Голого Барина и Адмирала из Шкиды исключить. Меня, Кубышку и Сашку исключить, но, как получивших командировки и направления в фабзавуч и техникум, временно оставить, перевести в пятый разряд, изолировать и разделить: меня и Кубышку поселить в городе, Сашку — на даче.

"Сашка не выдержал. Вскочил. Как крикнет: — "Здорово... Ловко это у вас устроено... Только ничего, мы и на вас управу найдём", и ушёл. Ушли и мы. Сашка куда-то исчез, по крайней мере он в Шкиду больше не заходил...

"Вот что произошло здесь, в городе... Подло, отвратительно, гадко поймали нас; отвратительно оттого, что мы поверили в честность разбора и вот убедились.

"Что будет дальше — не знаю. Если что-нибудь случится — напишите....

Июшка".

5

После трёхдневного отсутствия Сашка вернулся в Павловск. Ещё стоя в тамбуре вагона, он высматривал, нет ли где-нибудь шкидцев. Обычно они часто вертелись здесь, предлагая услуги пассажирам и переноса их багаж, — теперь шкидцев, как на зло, не было. Сашка медленно шёл от вокзала и всё посматривал по сторонам.

Он миновал уже людные места и свернул на улицу брошенных и развалившихся дач. Он прошёл её почти до самого конца, как вдруг сзади в одном из домов зашумели и оттуда вылезли двое. Первый лез Голый Барин; обычно чистенький и миловидный шкидец весь облохматился и оброс грязью. За ним следом показался Адмирал — в рваном пальто и с мешком в руках... Они завалили выход и, отряхнувшись от приставшего мусора, быстро пошли по улице...

— Эй!.. Эй, ребята! — закричал Сашка.

Те рванулись было вперёд, бежать, но, разобрав, что кричит свой, остановились.

— ЗдорОво! — запыхавшись, подбежал Сашка. — Что это с вами? Чего вы бежали?..

Голый посмотрел в сторону и грубовато ответил:

— Так... Привычка... Приходится... Ну, а ты что расскажешь?

— Нечего говорить. Вы и без меня всё знаете... Помолчали...

— А вас? — опять заговорил Сашка. — Викниксор, что... уже вышиб?

— Факт... Как приехали, первым делом за нас как за голодовщиков...

— И куда же вы сейчас идёте!..

— На рынок.

— Покупать — продавать?..

Голый засмеялся...

— Покупать — продавать? Нет, Сашенька, продавать нам нечего, а покупать не на что. Ну, мы и устроились без денег, по тихой...

— Дело клёвое! — поддержал, встряхивая мешком Адмирал. — Вчера хорошей жратвы насажали. Вот такой круг колбасы краковской тиснули...

— Тиснули?

— Факт, тиснули... А что ж ещё делать, — жрать ведь надо. Викниксор, правда, жратвы нам на неделю дал, вроде выходного пособия, так там крупа одна, да и та гнилая... Голубям дать совестно. Да, Сашка, а Викниксор твоего приезда ждёт, мне ребята говорили...

— А зачем я ему?

— А затем, зачем и мы... Тоже голодовщик...

Голый заторопился и сунул Сашке руку:

— Ну, прощай... Завтра в город уезжаем с Адмиралом — не увидимся больше...

Подойдя к Шкиде, Сашка остановился, подумал и решил пробраться в спальню незаметно.

В спальне, в задней комнате, сидело несколько человек. Услышав шорох в окне, они обернулись.

— А, Сашка!..

— Тише вы! — огрызнулся шкидец, прыгивая с подоконника. — Не орите!

— А что?

— Да так... Вы лучше расскажите, что у вас тут хорошего?

Ребята замолчали. Сашка почувствовал недоброе.

— Ты в пятом разряде, знаешь? — осторожно начал Червонец.

— Знаю, — ответил Сашка. — Наплевать!

— Потом... это самое главное... Видишь, Викниксор хочет отправить в Лавру Федорку, — Корницкий убежал, — а тебя как раз Викниксор хочет...

— Вместо, Корницкого отправить, что ли?

— Нет... Он, видишь ли, хочет, чтобы ты сам отвёз в Лавру Федорку. Верно, верно... Он так и сказал про тебя... "Он заварил кашу, пусть её и расхлёбывает. Пусть отвезёт своего товарища". Это Федорку...

— Да... Я, значит, должен отвезти Федорку?... Не повезу!..

— Ей-богу, заставит... может, это он нарочно?... Хочет тебя разначить и вышибить?..

— Это уж наверняка, — согласился Сашка. — Только как же я Федорку поведу? Вот сволочь!.. Ловко придумал.

— И ждёт тебя... Говорил, как только ты приедешь ему сказать.

— Это я знаю... А Федорка где?..

— В Шкиде ещё... Двор мостит... Он бы давно убежал, только его стерегут... "А Сашке, — говорит, — скажите: если он меня повезёт, не друг мне больше будет..."

— Да я и не повезу! — всполошился Сашка. — Честное слово, не повезу... Пусть что хотят, то и делают...

Химик, до того молчавший и внимательно слушавший Сашку, задумался. Потом ободряюще хлопнул его по плечу и исчез...

Через полчаса в Шкиде стало известно, что Сашка вернулся. Узнали об этом и халдеи, узнал Викниксор. Сам он в спальню не пошёл — послал Палача. Сашка уже лежал на кровати, до самого подбородка натянув одеяло.

— Тебе Виктор Николаевич велел собираться, — сказал Палач. — И не охай, не притворяйся... Одевайся скорей...

— Не могу, — замогильным голосом ответил в одеяло Сашка.

— Почему?..

— У меня фурункулы на ноге... Ходить невозможно! — при этом он высунул из-под одеяла забинтованную ногу.

— Не фокусничай! — забеспокоился Палач. — Где у тебя там фурункулы?.. Думаешь, навертел бинтов, значит и болен?

— Не верите? Пожалуйста? — Сашка весьма натурально кряхтя, развязал бинт. Вся нога — колено и голень — была дочерна залита иодом. Палач поморщился, отвернулся и, махнув рукой пошёл.

— Очень болен! — закричал ему вслед Сашка. — И Викниксору вашему так и скажите...

Химик вылез из шкафа и, хотя на этот раз всё прошло удачно, тревожился:

— А как Витя лекпома пошлёт? Тогда что?..

— Ничего, — успокоил его Сашка: — лекпом свой парень, не выдаст... А в крайнем случае ножничком коленку подковыряю и сойдёт... Федорку в лавру вести не пришлось — он убежал.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

В Шкиде, которая на эти дни превратилась в маленький острог, поспешно восстанавливали "равновесие".

Сашка приехал в четверг, в пятницу убежал Федорка, вышибли на неделю домой Химика; перевели восемь человек в пятый разряд, троих посадили в изолятор, Пятака, Синего и Квадрата отправили в Лавру; в субботу с утра посадили в изолятор ещё двоих; днём устроили собрание, первое после забастовки.

Оно происходило на дворе, на свежемощенном кирпичиками дворе. Посередине в кресле сидел Викниксор. Шкидцев долго собирали и стогнали, Викниксор покрикивал, подгонял и наконец заговорил:

— Ребята! Сегодня мы собираемся впервые после всех событий, потрясших организм школы; вы уже не маленькие и сможете, на мой взгляд, трезво оценить их. Конечно, — глядя со стороны на всё недавно-происшедшее, можно думать, что у нас бог весть что творится.

— Правильно!

— Тише там!.. Что же мы имеем на самом деле, в действительности?.. Группа заговорщиков организует бузу, которую называют забастовкой. Бузят несколько дней, вовлекают в авантюру всю школу, а когда видят, что дело терпит поражение, когда видят, что осознанные ученики покидают их, они объявляют голодовку, шлют ультиматум, угрожают мне прокуратурой, сознательно провоцируют какое-то вмешательство, идут ва-банк и, конечно, проигрывают. И здесь начинается волна клеветы... Некоторые добровольные ходатаи шлятся по учреждениям, клеветят в Губоно на меня, на школу, но их, конечно, не слушают, потому что всё, что они говорят, — ложь и выдумка... В чём же смысл самой забастовки? Помните, что её организовали старшие, группа отщепенцев, огрызков общества, которым всё равно — всё равно потому, что они уйдут скоро из шко-

лы... Они не хотят работать, хотят, чтобы за них работали другие, хотят чего-нибудь добиться, но только для себя... Это шкурники, умеющие красиво говорить и умно хулиганить... Они скоро уйдут из школы, — скоро мы распростимся со многими из них... Пускай они не работают, пускай не учатся, пускай не участвуют в кружках, но мы объедем им моральный бойкот, мы выберем их из своей среды, и никто с ними не будет и не должен знаться... Мы изгоняем вас... Уходите из...

Сашка неожиданно для всех, неожиданно даже для самого себя, не выдержав, поднялся и пошёл со двора...

— Куда?... куда?... — закричал прерванный Викниксор: — Ах, да... Огрызки...

Уходили остальные. Андреев даже остановился около Викниксора и проговорил, кланяясь:

— Премного благодарю!

Сашка не видел этого, — он поднимался на лестницу, — но слышал викниксоров голос...

— Комедиант... шут, — кричал Викниксор. — А вы куда?... Иванов, Пешков, вы куда? Вы же не огрызки... Экие тоже. До конца досидеть не могут...

Собрание продолжалось...

2

— Ладно, заседай, сволочь, — бормотал в спальне Сашка: — заседай... Значит, огрызки... Отщепенцы... Ладно... так и запишем... Огрызки!.. Я тебе покажу огрызков... Ты меня помянешь, стерва... Помянешь...

Сашка в спальне не хромал, изображая болезнь, а бегал из одного конца в другой; бегал, злился и вдруг принимался ломать дверь, которая вела на чердак.

— Ты чего? — удивились ребята. — Что ты?... Что с тобой...

— Пошли к чертям... Уйдите...

Дверь была выломана. Сашка скрылся на чердаке, но через несколько минут выглянул обратно.

— Андреев... Поди-ка сюда...

— Чего тебе?

— Надо...

Андреев, вздохнув, поднялся с кровати. Сашка ему что-то сказал, Андреев кивнул довольно головой, вернулся в спальню, взял свою папку с бумагой, краски и прошёл за Сашкой на чердак...

И если бы кто-нибудь, заинтересовавшись, поднялся теперь на шкидский чердак, он увидел бы, что Андреев, разостлав на досках чистый лист бумаги и ползая, выводит на нём большими буквами "БУНТАРЬ № 1" и внизу помельче: "орган учащихся школы имени Достоевского", увидел бы, что Сашка, пригнувшись над маленьким ящиком из-под макарон, быстро что-то строчит па листках, вырванных из блокнота.

Но никто из шкидцев не интересовался чердаком, и подпольная редакция продолжала спокойно работать.

К вечеру шкидцы узнали, что готовится газета, и Сашку засыпали предложениями услуг; это было весьма кстати — он послал одного — Косатку, художника, — в "типографию" помочь Андрееву печатать, а остальных заставил писать заметки.

Узнал о газете и Химик, который, будучи выгнан на неделю из Шкиды, домой не пошёл, а скрывался на кирпичиках. "С опасностью для жизни" он пробрался на чердак, чтобы предложить свой материал и проекты...

В это время Сашка чувствовал себя отлично: газета, размером в четыре листа, заполнялась самым свежим и занимательным материалом, а обилие сотрудников давало ему право подписать её "редакторско-издательский комитет", что сделать было необходимо в виду возможности преследований...

Химик предложил комитету назначать от редакции — в каждый класс, специального корреспондента, шкидкора, которому и пору-

чать всю работу по собиранию материала и по разъяснению задач газеты. Этот проект всем понравился, и Химик, чувствуя, что достаточно расположил в свою пользу ребят, равнодушно осведомился у Сашки:

— Ну, а ежели стихи? — спросил он. — Стихи про природу?.. Тогда как?..

— Тогда прямо в сортир, — ответил Сашка. — У нас газета революционная... Тут лирику разводить нечего... Да ты не обижайся... Вот революционные стишки или сатирические куплеты — это другое дело... Это хорошо будет...

Химик сразу завял. Дело в том, что он давно мечтал увидеть в печати свои стихи, которых втайне насочинял целую тетрадь... Но уж такова судьба поэтов — зависеть от прихотей редакторов, а Сашка, как на зло, хотя и сам сочинял стихи, стихов не любил, а тем более лирических...

Через два дня, вечером, газета была готова. Передовица сухо и достаточно выразительно сообщила основную цель газеты: бороться с халдейским засилием и способствовать организации ребят; большая статья была посвящена итогам первой шкидской забастовки. Но особенно хлестким и забавным вышел фельетон "Почему их зовут халдеи".

Газетку решили вывесить с утра, а вечером Сашка получил из города от Иошки письмо, которое тот переслал ему через халдея Костеца.

"Здравствуй, дорогой друг Саша! — писал Иошка. — Твоё последнее письмо наделало здесь, в колонии ссыльнопоселенцев, много шума. Кубышка прибежал в музей (мы поселились в музее) и закричал: "Сашка вернулся на дачу! Сашка издаёт газету!" Я, предствая, даже покачнулся... Газету! В такое время!.. Изменил, думаю, продавался, какие-нибудь "Известия Шкидского совстара" строчит!.. Но нет, одно название "Бунтарь" говорит за то, что газета твоя — бое-

вая.... Я очень рад за тебя, за твою мысль и твою решительность... Поздравляю и благословляю...

"Ты просишь материала — увы, в данный момент у меня ничего нет, и поэтому пришлю к следующему номеру" ...

Сашка, прочитав письмо, выругался, но скорее для порядка, потому что втайне был доволен тем, что газета сделана самостоятельно и дело обошлось без "варягов..."

Утром газету вывесили... Сделали это незаметно, чтобы, только вернувшись с купанья, шкидцы увидели стенновку. И, конечно, едва очутились те на дворе, как сразу же столпились возле ярко разрисованной газеты, висящей на двери спальни старших... Из-за толкотни читать могли только три-четыре человека, которых притиснули к стене и на которых кричали:

— Эй!., вы!., грамотеи!., отходи в сторону!..

— Почитали и будет!..

— Читай вслух!.. Эй, первые!..

Вперёд протискался Будок, мигом навёл порядок, водворил тишину и начал читать вслух... Передовицу прослушали спокойно, но едва принялись за заметки, как Шкида затряслась от хохота. Вдруг толпа вздрогнула, расступилась, и по проходу пробежал Кира.

— Что за скопление? — закричал он. — Разойдись!.. Не толпись!..

— Сам разойдись, — заворчали ребята. — Видишь, газету читаем...

— Какую газету? — удивился халдей.— А!.. "Бунтарь"... Почему "Бунтарь"?.. — Он наклонился к газете, скользнул глазами по заголовкам, и решив, что это крамола, снял стенновку...

— Куда? Куда?.. — закричал Будок, хватая его за руку. — Ваша газета?..

— Брось снимать — орали шкидцы. — Брось, говорят...

В воздухе запахло бунтом. Кира, держа в руках газету, успокаивал, как мог:

— Мне её почитать... Почитать возьму... Вам всё равно сейчас будет некогда... А потом я верну... Честное слово.

— Честное слово?..

— Честное слово!..

Это случилось без Сашки. Сашка имел все основания не доверять халдейскому честному слову и поэтому сразу после чая пошёл в учительскую вручать газету...

Начал он с Киры. Кира сказал, что газета у Элланлюм. Элланлюм затопала ногами, закричала, что она всё знает, что это всё ионинская затея, что они никакой газеты не получат, а вечером приедет Виктор Николаевич и им попадёт...

— Кому?

— Редактору ... Ионину.

— Так ведь он в городе...

— Да, да в городе... А письма?.. Письма он вам пишет?

— Пишет!..

— Так чем же в таком случае объяснять; вчера привозят вам письмо — сегодня уже выходит газета? И потом, я удивляюсь вам, Константин Александрович! — повернулась немка к Костецу. — Я удивляюсь вам, как вы, беря письма от Ионина, не просмотрели их...

— Ну, знаете!? — развёл руками Костец. — Подсматривать чужие письма... это... это я не могу...

— И вовсе не чужие, а письма своих воспитанников... И потом в такое время всё допустимо... А ты, что ждёшь? — крикнула она на Сашку, стоявшего в дверях. — Я газету отдам Виктору Николаевичу... Можешь идти...

3

Происшедшее вечером было настолько обычно, что не стоило бы и описывать. Тот же строй ребят, тот же Викниксор, помахивающий номером конфискованного "Бунтаря". И только к эпитетам "огрызки" и "отщепенцы" прибавился новый: "щелкопёры", да ещё запретили произносить слово "халдей".

Сашка, несмотря на неудачу, начал готовить второй номер "Бунтаря"... На этот раз на него сильно нажимал редакторско-издательский комитет, в котором заседало полтора десятка новоиспечённых шкидцев-журналистов. Вообще, во все дела Сашка привлекал "широкую общественность". Но на этот раз "общественность" оказалась палкой о двух концах: комитет потребовал, чтобы тон газеты был смягчён. Сашка спорил, убеждая, что приспособливаться стыдно и нечестно, говорил о целях и задачах, но комитет был непоколебим, и редактору пришлось подчиниться...

Второй номер "Бунтаря" вышел семнадцатого августа. Размер и внешность газеты сохранились, но содержание было мирно-делового, либерального, так сказать, характера. Комитет просмотром газеты остался доволен, хотя многие всё-таки возражали против карикатуры, изображавшей письмо "от Ионина", от которого во все стороны, с криком "бомба", убегали халдеи. Ничего более крамольного в стеновке не было, и поэтому поручили Касатке отнести её на просмотр Викниксору.

Касатка вернулся быстро, даже очень быстро, и без газеты.

— Порвал! — крикнул он, ворвавшись на чердак. — Даже читать не стал... "Вон"! говорит... "Мне, говорит, газеты этих огрызков не надо..."

— Ого-го!..

— Так-таки и порвал?

— Так и порвал... А меня выгнал...

— А ты что?..

— Как что?.. Удрал скорей!.. Сердитый...

Комитетчики огорчённо вздохнули и разошлись.

На чердаке остались Сашка, Андреев и Химик.

.....

Через день в школе из рук в руки передавали маленькие листовки, озаглавленные "Бунтарь" № 3. В передовой сообщалось:

"Товарищи читатели... [ЗТ. сноска от Ольховского] С подлинного.

"Газета "Бунтарь" после неоднократных конфискаций переходит на нелегальное положение. Впредь газета уже не будет стенной, а по опечатании будет выдаваться на руки корреспондентам групп, от которых желающие могут получить для чтения...

"... Не давайте газеты воспитателям или, если даёте, то только не иначе, как чем-нибудь заручившись (только не их честным словом!..)

"Соблюдайте строжайшую осторожность и следите чтобы газета не была отнята...

"Желающие писать в газету, передавайте материал групповым корреспондентам".

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Июшка с Кубышкой уже две недели жили в городе, в Шкиде. Им не приходилось здесь таскать кирпичи, до упаду работать на дворе, препираться поминутно с халдеями и, может быть, поэтому вначале было как-то скучно. Да и сама Шкида, оставленная на лето, выглядела не очень весело. Ветер безбоязненно входил в открытые окна, шевелил оборвавшимися плакатами и, грустно вздохнув, пропадал. На лестнице, в зале, в классах грудами лежал мусор, который новый дворник Степан, сменивший ушедшего Мевтахудына, имел обыкновение не выметать вон, а распахивать по тёмным и неприметным углам.

Два раза в неделю отпиралась канцелярия, куда для дежурств приходила Неонила Афиногеновна, делопроизводительница, и два шкидца с нетерпением поджидали эту старушку, которая всегда с увлечением рассказывала смешные истории из институтской жизни.

Потом о пребывании в городе Ююшки и Кубышки узнал преподаватель математики, дядя Миша. Узнал он также, что ребята готовятся к экзаменам, приехал к ним, изругал, что ему не сказали об этом раньше, и принялся с ними заниматься, или "натаскивать", по его собственному выражению.

Дядя Миша, кажется, был единственным халдеем, которого любили и уважали все шкидцы...

Он не был, правда, первокурсным учёным, как Викниксор.

Он был просто человеком добрым и отзывчивым, хотя и не без странностей. Так, он прямо органически не мог видеть никакой ошибки в вычислениях. Когда ученик путался, дядя Миша хватался за голову, топал ногами, рвал волосы, не раз доходя при этом до серьёзного членовредительства.

Так, например, было с Адмиралом. Адмиралу долго объяснялось, что "перед подкоренным количеством, выведенным из-под корня, ставится плюс или минус"; Адмирал слушал, внимательно качал го-

ловой, говорил: "понимаю", — и сделал как раз ту ошибку, от которой так настойчиво его предупреждали. Дядя Миша не вынес. Он хлопнул себя по большому лбу и выдрал клок волос. От боли он отрезвел; взглянул на вырванные, зажатые в кулак волосы и торжественно опустил их на адмиральскую парту:

— Чувствуй!..

И Адмирал "чувствовал"; чтобы загладить свою вину, он весь остаток урока считал вырванные волосинки и наконец сказал:

— Пятьдесят четыре!

— Чего пятьдесят четыре? — удивился дядя Миша, уже позабывший про Адмирала.

— Вы вырвали у себя пятьдесят четыре волоса, — бодро отпортовал Адмирал.

Класс злорадно захихикал, расхохотался и дядя Миша:

— Считать ты умеешь, я за это тебе в субботу плюс прибавлю!..

Таков был дядя Миша...

В этот день было очень жарко и душно с самого утра. Кубышка стоял у доски и, обливаясь потом, царапал по ней какую-то буквенную околесицу, а дядя Миша петухом прыгал возле него, брызгал слюной и тряс кулаками:

— Ну... ну... дальше что?.. Что дальше?.. что-то?.. Что такое?.. Это зачем?.. Зач-чем это, я спрашиваю?..

Кубышка, как и все шкидцы, давно привыкший к африканскому темпераменту своего учителя, не обращал на него внимания и, продолжая писать, стёр неудавшееся выражение. Дядя Миша вскипел окончательно: борода и волосы его взлохматились, и в изъеденной туберкулёзом груди заклокотало.

— Посставь!.. Посставь её на место!.. О-о-о!.. Что он делает, что он делает?.. Чь-то? — взвизгнул он. — Оп-пять?.. Оп-пять!.. Зарезал!.. Без ножа зарезал!.. Что, что, что? С-сидись, с-сидись на место!.. Кол!.. Кол с минусом!.. Нуль!.. Нуль в степени плюс-минус бесконечность!.. Ионин... Иди, покажи, ему, как надо решать...

Кубышка сконфуженно смотрел на доску и пожимал плечами, Иошка бодро пошёл посрамлять товарища.

К счастью, в дверях звякнул звонок, и ребята помчались открывать. Пошёл и дядя Миша...

На площадке стоял Сашка, наблюдая удивлённое иошкино лицо. Рядом лежал огромный, завязанный в одеяло узел и связка книг.

— Здравствуйте, — сказал Сашка. — Не узнали?.. Принимайте на поселение...

— На поселение? — крикнул Иошка. — Что ты говоришь?..

— К вам, к вам на поселение, — говорил Сашка. — С дачи меня вышибли. Форменно... Сюда послали жить...

— Ну-у?.. Это, я тебе скажу, расчудесно!.. Это хорошо, честное слово, хорошо!.. Иошка втащил в двери узел. — Значит, выгнали?.. Хорошо! А за что?..

— Шут их знает.. Дядя Миша! Здравствуйте!..

— Здравствуй!, здравствуй!.. Поправился ты, поздоровел... Как поживаешь?..

— Плохо, дядя Миша...

— Подожди, — вмешался Иошка. — Ты Расскажи, за что тебя вышибли?

— Засыпался с "Бунтарём"... Приходим мы с купанья, а мне Павлуха, кухонный дежурный, и говорит, что Викниксор шманал у старших по кроватям, под матрацами чего-то искал... Прибегаю в спальню...

Под матрац — всё переворочено: видно смотрели "Бунтарь" и читали... Днём зовут к Викниксору... Думаю, гибель... Нет... Очень вежливо говорит: "Тебе, мол, надо готовиться, — поезжай в город, в Шкиду, и живи там"... Продуктов дал, денег на билет... Всё очень хорошо, добренький такой... "Тебе, говорит, там лучше будет..."

— Ну, а ты?..

— Что ж я? — поблагодарил, поклонился и уехал. Еду, понимаю, те, и чуть не крещусь? Мать моя родная, думаю, неужели ушёл, не-

ужели не снится мне?... Дамочка напротив сидела, фартовая такая, с чемоданчиком,— хотел её просить ущипнуть за ухо... Ей-богу...

— А на даче как?..

— Каторга... И шкидцев не узнать... Картошка поспела — так они все огороды громят... Или вот случай... Пишем мы "Бунтарь", пишем, скажем, боевые статьи против воровства... Пишет паренёк один, — Касатка, ты его не знаешь... Писал, а потом говорит: "Пойду". — "Куда?" — "На огород, за картошкой... А то поздно будет"... Факт, честное слово... Что до халдеев — так они на ребят рукой махнули... Ни чёрта, никакого внимания; только по лаврам да по реформаториям рассыпают да двор заставляют мостить.

— А мостят?

— Ещё как... Я слышал, что Викниксор хочет потом за улицу приниматься.

— Ну да? — удивился дядя Миша.

— Ей-богу!.. А что ему? Не самому ведь камни ворочать. Взял и заставил ребят... А не хочешь — оребяешь пятый разряд или ещё чего-нибудь такого... Факт. Идут ребяташки и работают... Конечно, стараются, чтоб на огород успеть попасть...

— А ведь год назад: — задумчиво прервал его Йошка, — мы в это время создавали Юнком, боролись против воровства, занимались школьным строительством.

Сашка махнул рукой.

— Не стоит и вспоминать... Покажи-ка мне лучше, где вы расположились, вещи стащить надо...

2

Неделя изгнания из Шкиды и житья на "кирпичиках" сделала Химика ещё более предприимчивым. Вначале он, правда, ограничивался лишь охотой на кур и прочую дичь да набегами на огороды, но потом решил заняться другой, менее полезной, но зато прибыльной деятельностью.

В то время в Павловске пустующие дачи стояли кварталами. Иные совсем развалились, иные сохраняли кой-какие остатки арматуры, замков, вьюшек и прочего. Вот эти-то остатки Химик и пустил в оборот. Вокруг своего дела он организовал солидное товарищество на паях в составе его самого, Лепёшина и Мышки. Труд между собой они поделили так: Лепёшин и Мышка делают "дело", Химик ездит и загоняет товар маклакам.

Компания работала тихо, незаметно, без рекламы и объявлений, но скрыть своих следов им не удалось, и о предпрятии узнала вся Шкида.

Начался промышленный расцвет. Началась золотая лихорадка.

В шкидской даче воцарились мир и тишина. Не слышалось кримольных речей, бунтари сделались послушными и тихими. Жалобы и угрозы окрестных огородников прекратились. Двор замаскировался и перемаскировался с быстротой прямо умилительной. Летопись покрывалась пылью. Изолятор пустовал.

— Школа поправляется! — довольно потирая руки, говорил Викниксор халдеям. — Школа становится на верный путь...

Когда же производительность шкидцев повысилась и в город стали отправлять награбленный на дачах товар чуть не грузовиками, тишина и мир в Шкиде сделались прямо, благоговейными...

"Выправились! — решил Викниксор. — Устрою учёт..."

Учёты бывали в Шкиде раньше, в доисторические времена идеализма, и новые шкидцы, составившие три четверти всех воспитанников, никакого понятия об этом обычае не имели. Но не желая портить так нужных в их "предпрятии" хороших с халдеями отношений, не возражая начали выволакивать в сад и расставлять перед верандой скамейки.

В качестве гостей пригласили красноармейцев соседней части и посадили их в первые ряды. Викниксор с веранды, заменившей и трибуну и сцену, открыл учёт коротенькой, но сильной и прочувствованной речью...

— Школа погибала, — говорил он. — Школа разваливалась и превращалась в притон. Да, в притон хулиганов, бузовиков и воришек. Школа, умирала и падала всё ниже и ниже... Но теперь, благодаря правильным и своевременно принятым мерам, благодаря удавлению верхушки старших воспитанников, группы коноводов, атаманов, отщепенцев и огрызков, теперь — тут голос его прервался врёде как бы рыданиями — школа начала оздоравливаться, пошла вперёд... Пошла дальше по пути, пошла вверх.

Будем же надеяться, — закончил Викниксор: — что школа будет расти, беспощадно отметаая мусор, мешающий её развитию...

Раздались аплодисменты. Шкидцы всхлипнули.

Викниксора сменил любивший славу Вольнянин — Василька, который вышел и начал читать:

--

Хороший Сагиб у Сами и умный,

Только больно дерётся стеком.

Хороший Сагиб у Сами и умный,

Только Сами не считает человеком...

--

Читал долго, с чувством — завывал, махал руками и хватался за грудь. После Васильки на сцену поставили червеобразного, упирающегося Червонца, основного докладчика по достижениям.

Червонец тоже говорил долго, но когда описывал мощение двора, маленький, сидевший на последней перед шкидцами скамейке, красноармеец вдруг завертелся, поблдепел и завопил:

- Ча-часы спёрли!..

Началось замешательство и суматоха. Червонец, которого перестали замечать, соскочил с веранды и перемахнул через забор.

Костец, напезая на шкидцев животом, тихо, чтобы не услышали гости, усовещивал:

— Отдайте часы, сукины дети, по-хорошему...

— У нас их нет... Что вы, дядя Костя, станем мы таким барахлом мараться?..

— Знаю, что не станете, а всё-таки кто-то спёр!..

Заволновались и шкидцы. Часы были мусором, и подымать из-за них шухер казалось невыгодным. Спереть мог только кто-нибудь из новичков, не узнавших ещё хозяйственной политики ребят, за них шкидцы и взялись.

— Дядя Костя! — сказал наконец Химик: — часиков у нас нет... Они у вас... в толстовке...

И Костец, действительно, нащупал в кармане положенные туда часики. Он вынул их, осмотрел и спросил:

— А цепочка?..

— На ремешке были. Ремешок они бросили... Куда его?

Костец оглядел ещё раз ребят и подошёл к солдатуку.

— Вот они, ваши часики. Под скамейкой лежали. Неловкое молчание прервал Викниксор. Он поправил пенсне и захолопал в ладоши:

— Учёт закончился, — судорожно проговорил он. — Не желает ли кто-нибудь из товарищей красноармейцев что-нибудь сказать?

Товарищи красноармейцы замялись, потом выпихнули одного, коротенького, в широченных, обшитых кожей галифе. Красноармеец поблагодарил за приглашение на учёт и за доставленное удовольствие, отметил, что по всем признакам школа растёт и развивается, и пожелал ей дальнейшего роста.

Уходили красноармейцы торопливо и даже завязли в калитке: впереди всех протискивался маленький, с испуганным лицом и с часиками в ладошке.

3

Экзамены в педагогический техникум, куда поступали Йошка и Сашка, кончились. Они продолжались ровно четыре дня — четыре нервных, возбуждённых дня, полных страхов, суеты, неожиданностей, бега. Сашка выдержал, Йошка провалился, но не унывал: у

него была командировка, — а она много значила при приёме, — и потому шкидец уверенно говорил: "Примут, наплевать, что провалился". У Сашки командировки не было, и поэтому, несмотря на свои успехи, он так уверенно не рассуждал. Последним по счёту экзаменом шло обществоведение; оба шкидца выдержали его на "очень хорошо" и поэтому, обрадованные, уже не пешком, а в трамвае поехали в Шкиду.

У ворот на лавочке сидел дворник Степан и, подняв к небу свои фельдфебельские усы, серьёзно дремал.

— Степан! — крикнул Июшка. — Поздравь нас — экзамены кончились... сдали...

Степан открыл глаза, пошевелил усами и ответил:

— Виктор Николаевич приехали.

— Ну?.. Зачем?..

— Не знаю... Сидит в канцелярии... Скучный... Бумажки глядит.

В другое время ребятам, может быть, посещение заведующего было бы неприятно, — каждый из них помнил ещё славные дачные дни, но теперь обрадовались приезду Викниксора. Впрочем, наружно, чтобы не показать этого, они нахмурились, покачали головами, а Сашка даже пробормотал:

— Не было печали — черти накачали...

Викниксор сидел в учительской у стола, где хранились характеристики учеников, — сидел не раздеваясь, в пальто, не опустив даже поднятого воротника.

Он перебирал старые характеристики, просматривал их и клал обратно. И шкидцы как-то удивились, словно в первый раз как спешит разглядеть его. Их поразила усталая желтизна на щёках и висках, тронутые сединой волосы. Морщины, которых не замечали раньше, виднелись рассеянные по всему лицу: на лбу, щёках, возле глаз, у опустившихся углов рта. И даже пальто как-то обвисло вперёд, выдавая сгорбившуюся, сутулую спину и морщинистый затылок.

Ребята, с внезапно вспыхнувшей жалостью, жалостью, их самих удивившей, посмотрели на Викниксора.

— Здравствуйте, Виктор Николаевич. — Мы экзамены сдали.

— Поздравляю... — просто ответил Викниксор и встал. — Я очень рад за вас... Очень рад... Хотя, думаю, вам трудно пришлось, а?

— Ну, чего там... Пустяки! — небрежно махнул рукой Июшка, чувствуя, что от этих "пустяков" у него дрожат ноги и плавают в глазах разноцветный туман.

— Так... так... Сдали, значит? Ну, а когда окончательно будет известно о приёме?

— Не знаем... Скоро наверное.

— Да уж не на будущий год, полагаю...

Ребята засмеялись. И Викниксор почувствовал, как то тяжёлое, нехорошее, спасаясь от чего он уехал из Павловска с дачи, всё это вдруг рассеялось вместе со смехом. И сам он словно впервые увидел своих воспитанников, которых даже не представлял людьми, а так — существами, против кого применялась вся сложная система дефектологии: все те приёмы, которые измышляются сотнями авторов, публикуются, возводятся в теорию, в принцип, в идею и... забываются, чтобы через день дать место новой куче подобных сочинений.

Теперь он забыл об этом и дружески, по-товарищески, заговорил со своими воспитанниками. И беседа, тон её, ощущение искренности, — всё это больше привлекло к нему ребят, чем годы долгих научных наблюдений...

— Итак, вы сдали экзамены, — возвратился он к прежней теме: — я могу поздравить вас как первый выпуск... Вы ведь первые, которые самостоятельно уходят из школы... вы держали на третий курс?

— Да.

— Значит, через два года учительствовать будете. Нам, старикам, смена! — И Викниксор невесело улынулся, но через секунду встряхнулся, распрямил плечи и расстегнул пальто. Ему захотелось

сделать что-нибудь полезное для ребят, чем-нибудь помочь им, он даже чувствовал себя как-то обязанным сделать это. Он воображал, что можно было бы съездить в педтехникум, похлопотать за ребят, поговорить, чтобы облегчить им вступление.

— Я так и сделаю! — пробормотал он, беря шляпу. — Я поеду в педтехникум... Кто там заведующий?

— Ходовецкий.

— Ходовецкий? — вздрогнул Викниксор, — Константин Сигизмундович?

— Да... Константин Сигизмундович.

Викниксор криво улынулся и положил шляпу обратно на стол.

— Ну вот, теперь не поеду, — проговорил он. — Вы только не удивляйтесь, ребята... Есть люди, с которыми не хочешь встречаться.

Ребята деликатно промолчали.

— Было это давно, ребята, когда я ещё помоложе был. Время было славное — семнадцатый год... И люди тогда другие были... Огнём горели... Энтузиасты... На митингах встречался я с этим самым Ходовецким... Ну, и ругались мы с ним здорово... Друг друга ненавидели... время такое было. Горячее время... Потом, уже последний раз встретились мы в восемнадцатом... Разоружали нас. Встретились... и больше не сходились... И сойтись теперь трудно...

Викниксор сел, запахнул пальто и поднял воротник.

Так он был похож на странную, нахлывшуюся птицу... Шкидцы потоптались около него и тихонько вышли.

4

После обеда ребят неожиданно потянуло спать. Они боролись с дремотой, ковыряли в зубах, сообщая, что делать, но всё-таки уснули.

Проснулись вечером. Уже стемнело. Слышно было, как под окнами проходят люди, стучат ногами, громко разговаривают, смеются... Где-то наигрывает гармоника, позванивает гитара, поют.

--
Ты, кукушка, не кукуй.
Чум-ча-ра,
Чу-ра-ра!
Кого хочешь поцелуй.
Ку-ку,
Ха-ха...

--
Будит ребят звонок... Кто-то изо всей силы дёргает за него у двери, и звонок без памяти колотится и звенит... Кубышка лениво встаёт и, щёлкая ревматическими коленными чашками, идёт открывать. Через минуту раздаётся грохот, Кубышка влетает в музей — волосы его стоят дыбом, коленные чашечки гремят как кастаньеты.

— Спасайся! — кричит он: — там... с ножом... люди...

В столовой уже слышались шаги, кто-то шёл, спотыкаясь и поминная черта...

— Куда вы тут забрались, дьяволы?..

— Ф-фу, чёрт! — обрадовался Йошка и вскочил с кровати. — Здорово!.. Как тебя принесло?..

Это был Фока. Весёлый, в сером летнем костюме, в серых перчатках, с папирской в зубах, со шляпой на затылке и с тросточкой.

— Я к вам ещё днём приходил, — объяснял он здороваясь, — и Степан сказал, что вы экзамены выдержали. Но с Викниксором мне встречаться не хотелось. Решил вечером зайти. Зашёл, показал для шутки Кубышке финку, а он, дурак, и ключ бросил и побежал...

— Сам дурак! — огрызнулся сконфуженный Кубышка. — От тебя побежишь... Финку показал! Ты бы ещё с пушкой пришёл!

Кубышка сердился не на шутку. Лицо его со вздёрнутым носиком покраснело, а усики, тоненькие, похожие на крысиные хвосты, тщательно хранимые и холимые, усики, растущие так многозначительно, что даже Костец, не выдержав, как-то заметил: "И что это у тебя

на губе за похабщина растёт" — усики розно поднялись и топорщились...

— Не сердись, Кубышка, — миролюбиво ответил Фока: плюнь, лучше выпьем... "Выпьем мы за Сашу!.. Сашу дорогого!" — вдруг запел он и окружил по музею Сашку.

— Да ты пьян, Фока! — весело закричал Сашка: — Ей богу, пьян!.. Эва, разит, как из паровоза!..

— Ну и что из того, что пьян?.. Подумаешь! Вот пойдём выпьем — никому обидно не будет. Как, по-твоему, Йошка?..

— Пойдём, — согласился Йошка. — Если угощаешь, я не прочь.

— Факт, угощаю... А ты Сашка, идёшь?

— Нет, я не иду...

— Нет, пойдёшь.

— Нет, не пойду...

— А я говорю — пойдёшь, — крикнул Фока и, бросив Сашку на кровать, принялся загибать ему салазки.

— Нет... Ой-ой-ой!..

— Пойдёшь?..

— Пусты...

— Спрашиваю — пойдёшь?..

— О-ой-ой!

— Пойдёшь?..

— Пойду!..

Фока освободил Сашку и самодовольно надел свою шляпу:

— Я говорил, что ты пойдёшь... И незачем было спорить... Никогда со мной не спорь... Не докажешь...

.....

Ночью дворник был разбужен шумом под воротами. На тумбе сидел Сашка и плакал горькими слезами, утираясь своей кепкой. Рядом на коленях стоял Йошка, крестился и, кланяясь во все стороны, кричал: "Вяжите меня, православные, — я человека убил". И ругал

матерно Достоевского. А Кубышка, раскачиваясь, дёргал за оборвавшийся кусок проводки, думая, что звонит в дворницкую.

5

На дачу, повидать Лепёшина, приехала его мать, сгорбленная годами и жизнью женщина. Лепёшин обрадовался, оставил свой велосипед и целый день водил её по Павловску, по парку, а вечером, отпросившись у халдеев, пошёл проводить её на поезд.

И здесь, на вокзале, случилось то, что потом перевернуло, искорверкало и сломало судьбу шкидца. Шкидец плюнул...

К нему подошёл скучавший на платформе агент и скучным голосом потребовал трёхрублёвый штраф. В другое время Лепёшин обложился бы требовавшего целковых на тридцать матом, швырнул бы кирпичом или булыжником и потом удрал, но рядом стояла мать, — ругательства застряли у него в горле. Он стал извиняться, потому что ни у него, ни у матери денег не было... Но агент, полный слухового рвения, требовал и уже порывался взять шкидца за шиворот, чтобы тащить в дежурку. К несчастью, в это время подошёл ленинградский поезд, и Лепёшин, увидев Викниксора, бросился к нему за помощью. Викниксор был задумчив и грустен, отдавая трёхрублёвку агенту, но по дороге в Шкиду мечтательность исчезла, сменилась холодным педагогическим расчётом, и он объявил Лепёшину, что возьмёт у него в залог велосипед...

Если бы Викниксор предоставил Лепёшину выбор: подвергнуться самой тонкой и мучительной пытке или отдать велосипед, — Лепёшин, без сомнения, выбрал бы первое.

Весь вечер Лепёшин ходил расстроенный и хмурый, ночью его мучила бессонница, в голову лезла всякая чертовщина, он думал, как выручить ему свою машину, думал долго, и, наконец, нашёл выход. Что днём показалось бы диким и нелепым, ночью представлялось простым и обычным.

Лепёшин тихонько оделся и пошёл выручать — пошёл к викниксоровской квартире. Первую дверь он выломал легко и спокойно, но

в сенях, в темноте, зацепил ногой какую-то кадушку, с кадушки посыпались тарелки, черепки, и Лепёшина схватили. Вина — взломанная дверь — была налицо.

Со свечой в руке, в нижнем белье и в халате, свершил Викниксор короткий суд, который и решил участь шкидцы: завтра его отправят в лавру.

Но отправлять Лепёшина в лавру не пришлось. Ночью он решился, сломал дверь в изоляторе, ограбил кладовку и исчез.

Утром в Шкиде царил возмущение. И возмущались, конечно, ребята не взломом своего продуктового магазина, который обычно грабили все и главным образом убегающие, возмущались запиской, оставленной грабителем: "Здесь был я, знаменитый бандит Дубровский-Лепёшин".

— Вот Бобёр! — удивлялись и возмущались шкидцы. — Прямо лох какой-то... Себя закапывает.

И только один Химик знал истинную историю этой записки. Он вспомнил, что рассказывал ему Лепёшин, когда они жарили в лесу курятину.

Утром Лепёшин разбудил Химику комками земли, которые швырял через окно тому на кровать.

— Выходи! — сказал он: — мне с тобой поговорить надо... Одевайся и хряй на кирпичики!..

Химик схватился за одежду. Он думал, что Лепёшин расскажет ему что-нибудь очень важное и поэтому, когда шёл к кирпичной ломке, волновался...

— Ну что? — спросил он, едва завидев голову Лепёшина: — Зачем ты меня позвал?

— Да так, — ответил тот: — шамовка у меня фартовая... Садись, шамай...

Тут же на камне расположилась буханка ситного, колбаса, масло, две банки консервов, шоколад и коньяк... Сам Лепёшин был в но-

веньком синем костюме и, подостлав английское пальто, курил сигару...

Изголодавшийся шкидец упрашивать себя не заставил и принялся за шамовку. Компании по ней с ним Лепёшин не разделил, — разделил по коньяку... Когда бутылка опустела, он многозначительно потрогал висящий под пиджаком финский нож и сказал:

— Пойдём...

Пошли. Перед глазами у Химики плавала дорога. Он блаженно улыбался, шурился и натыкался на встречные деревья... Спустились с горки, и Лепёшин, как бы в раздумье, остановился около большого дома.

— Погоди здесь! — сказал он наконец, и забрался по столбам вверх, к открытым окнам. Химик стоял внизу, качался, рычал, пробовав лезть за Лепёшиным, но оборвался, съехал обратно, так и оставшись сидеть с растопыренными ногами, с блаженной улыбкой. Под руки ему попалась игрушечная оловянная посуда, забывтая игравшими здесь днём детьми, и он зачихал её в карманы. Потом методически начал выбрасывать посуду обратно.

Наверху завизжали. На землю в ту же минуту упали два шерстяных одеяла и Лепёшин.

— Хряем! — крикнул он, вскакивая и подхватывая одеяла.

Прияттели помчались... Сзади бежали, кричали, топали — Химику было очень весело, но оборачиваться и наблюдать времени не хватало. Так мчались до самой крепости. На валу, за низенькой, смешной пушкой, Химик свалился. Небо делалось оранжевым.

Дерева и дома плясали что-то очень весёлое и потешное. Лепёшин махал одеялами как флагами.

— Умора! — кричал он. — Там, оказывается, девочки спали... Сначала испугался, но вижу, одеялы фартовые — два схватил... Визг, конечно, шухер, я зафигилил.

— А как же записка? — говорит Химик.

— Я им велел устно передать, — отвечает Лепёшин.

Химик закрывает и приоткрывает глаза, рассматривает крепость. Она ему знакома, здесь часто лежал он, и тогда приходили к нему в голову шальные мысли: продать побольше арматуры, купить пороху, придти ночью, набить пушку, завалить дуло кирпичами и грохнуть.

Лепёшин глядит вперёд на горбатый, перекинутый через ров, мост, на амбразуры, бойницы, стены. Увидев на стене что-то блестящее и длинное, Лепёшин встаёт и идёт, идёт по мосту к замку.

Блестит огромный, похожий на лопату градусник.

Лепёшин аккуратно, чтобы не раздавить, отламывает его от стены, потом, помахивая им, как тросточкой, входит в низкие и мрачные замковые ворота. Тяжёлые плитняковые столбы, широкие каменные ступени обступают со всех сторон. Длинные протянутые цепи спускаются над головой и виснут как крыша. Пушки придвинуты к бойницам, и на лафетах чёрными грудками лежат ядра... Двор замка зарос травой... Посреди двора весело попыхивает дымком самовар, рядом лежит старое солдатское голенище.

Химик видит, как на замковом мосту показывается с самоваром в руках Лепёшин. Самовар вдруг начинает кипеть, бьёт в лицо паром, шкидец отворачивается, но в это время с поленом в руке вылетает из ворот визжащая старуха... На мосту закипает бой... Самовар летит в ров, старуха замахивается поленом, Лепёшин градусником... Треск... Из замка выскакивает подкрепление — древний инвалид с пищалью.

Лепёшин бежит. Химик, подхватив одеяла, устремляется за ним следом. Сзади стреляет пищаль.

.....

Выспавшись в парке, ребята выкупались, спрятали одеяла и пошли на вокзал... По дороге Лепёшину понравилась одна дача, в которой как будто бы никого не было, — он велел приятелю подождать, — отставил с окна гераньки и юркнул внутрь.

Оставшись один, Химик услышал голоса, оглянулся и поблел. По улице шла орава ребят из вражеского, нормального детдома.

Вражда нормальных с дефективными извечная, а эти нормальные помнили, что в начале лета четвёртый дефективный дом прошил у Шкиды против них помощи: Шкида выступила, — нормальные боя не приняли, но злобу на шкидцев затаили.

Химик хотел уже бежать, но его заметили, орава ринулась вперёд, и шкидец, торкнувшись от оплеух, полетел на землю, вскочил, завыл и кинулся к Шкиде, получив вдогонку ещё несколько усиленных ударов.

На повороте из смежной улицы высочил с разбитым носом Удалов, Кузя и Рыжик, избитые ещё раньше Химика. Они обогнали Химика и с криком "наших бьют" — ворвались на дачу.

6

Фока, поссорившись из-за чего-то с отцом, окончательно перебрался в Шкиду. Но деньги у него кончились скоро. Кончились они и у ребят. Последний раз опохмелялись днём, когда заглажи маклаком все свои учебники и книги. Пить было больше не на что. Лука мрачно ходил по музею и плевался. Йошка с Сашкой играли в шахматы; в головах у них крутило, и они поминутно зевали фигуру за фигурой...

— Паскудство! — бормотал Фока. — И это называется жизнь... Не на что даже выпить приличному человеку...

— Куда ты свою королеву под коня суёшь? — крикнул на Йошку Сашка.

Йошка отдёргнул руку и свалил туру — нагнулся за турой, толкнул нечаянно доску, и на голову ему полетели остальные фигуры...

— Сядь! — разозлился Сашка. — Сядь, пьяница несчастный... Сиди... я расставлю сам.

Сашка начал осторожно расставлять фигуры, припоминая их недавнее расположение...

— Плюнь! — мрачно приказал Фока и опрокинул доску: — Плюнь на эту ерунду...

Он подсел к столу, наклонился к самым лицам ребят и для чего-то зашептал, хотя во всём здании никого, кроме дворника, не было:

— Я тут думал, откуда денег достать... И вот соображаю, что можно из физики чего-нибудь загнать. Мотор, динамо, градусники... На рынок, если поторопимся, ещё успеть можно...

— Что ты, — всполошился Сашка и даже замахал руками. — Что ты? С ума сошёл?.. Воровать?..

Фока поднял голову — глаза его сузились и нехорошо заблестели...

— Засохни! — треснул он по столу кулаком. — Мотор загнать можно, динамо загнать можно, градусники загнать можно. Факт; в две минуты... И выпьем...

— Ну и что же тут особенного? — заплетаясь языком и покачивая головой, обратился к Сашке Июшка.

— Что ж тут особенного? Подумаешь... Продадим и выпьем... Верно я говорю, Кубышка?..

Кубышка удовлетворённо кивнул и облизнулся...

— А не хочешь, не надо! — добавил Фока, глядя на Сашку. — И без тебя обойдёмся... Отшивайся...

У Сашки тоскливо засосало под ложечкой, — захотелось вдруг выпить, и кутнуть, но упрямство взяло верх...

— Не пойду, — твёрдо сказал он: — и вам не советую...

— И катись к чёртовой матери! — крикнул Фока. — Пойдём, ребята.

Сашка остался один. Наверху хлопнула дверь. Всё в Шкиде стихло... "Работают" — подумал Сашка и лёг на кровать.

Хотел заснуть, спать не хотелось. Сел. По лестнице проволокли что-то тяжёлое. Тихо, без разговоров вбежал в музей Кубышка, схватил кепку и опять убежал. Хлопнула входная дверь.

Сашка подошёл к окну. По двору с мешком за плечами шёл Фока. Июшка с Кубышкой что-то несли за ним в корзинке... У Сашки опять засосало под ложечкой, ещё больше захотелось выпить, захотелось быть вместе с ребятами...

Дураки, — злобно подумал он: — засыплются с вещами... Волочут, а не сообщили, что дворник может подглядывать.

На рынке, по случаю позднего времени и нетрезвого состояния, ребятам за вещи отсыпали не много, — семь рублей. В Шкиду они вернулись весёлые, Июшка пел и притоптывал, Кубышка икал.

Сашка лежал на кровати и остервенело читал "Собор парижской богоматери".

Фока опять шагал по музею, бормотал и вертел у носа пальцами, словно что-то доказывая... Вдруг он остановился. Остановился у двери, ведущей в библиотеку.

— Что это?

— Это! — удивился Июшка и икнул. — Это, видишь ли библиоте-ка...

— Знаю, что библиотека, но ведь там книги...

— Да уж раз библиотека, значит и книги...

— Ну, а книги эти можно загнать! — заключил Фока и потрогал дверь... Июшка открыл рот, подумал и, не найдя остроумного ответа, визгливо захохотал...

— Тонко... Тонко, чёрт тебя подери, придумал!

Фока перешёл к делу и своей финкой принялся вскрывать замки...

Дверь была тяжёлая, толстая, окованная по краям железом, с широкими лапчатыми петлями и двумя замками — внутренним и наружным. Наружный Фока скovyрнул быстро, — внутренний не поддавался. Не поддался он усилиям и Кубышки и Июшки. Ребята сопели, ругались, ковыряли в замочные, пока не сломали финки...

— А, ч-чёрт! — выругался Фока, отступив. — Навертели здесь замков... Делать им, дуракам, было нечего...

— Для дураков и замки! — крикнул вдруг Сашка и, вскочив с кровати, подбежал к двери. — Кто же в замках ножиком колукает? Ты у себя в носу поколупай! Тоже, механик! Смотри!

Сашка всунул в замочину гвоздь и отжал его в сторону. Сразу же внутри замка щёлкнула пружина, и дверь отворилась.

— Пожалуйста!..

— Здорово! — только и мог сказать Фока. — Вот это я понимаю.

Раз гвоздём — и замка недочёт. Это уметь надо.

Кубышка притащил мешки и принялся накладывать в них книги, которые ему подавали остальные ребята.

— Энциклопедии ищите, — распорядился Фока, — словари... Нашёл? Давай сюда... Нынче словари в цене... Пушкина не надо... Барахло... Физику — даёшь...

С шепестом и треском раскрывали ребята книжные шкафы, отрывали ловко, сметая предварительно пыль, чтобы не оставить следов. На место вынутых книг ставили другие, "малоценные".

— Большие книжки в угол клади, мы их после возьмём, на бумагу продадим. Химия?... Химию бери, алгебру бери? На, Кубышка, укладывай. Да бери, говорят... Что ты, оглох? Кубышка!

Кубышка не отвечал. Он смотрел на дверь и только шевелил усами.

На пороге, съжившись, стоял дворник. В руках он держал ключи, которые судорожно подпрыгивали и звенели в темноте.

— Так-с... так-с! — шептал дворник. — Так-с...

— Степан! — испуганно крикнул Фока. — Ты в самом деле чегонибудь не подумай...

Вместо ответа, дворник поспешно повернулся и заторопился к лестнице.

— Степан! — крикнул Фока: — Степан, постой!.. Постой, тебе говорят!..

Он выбежал из музея, вскочили и остальные, но дворник уже гремел сапогами вниз, по лестнице, к себе в дворницкую...

— Степан, — застучал к нему Фока: — открой, Степан, дай сказать!

— Уйди, каторжник, — захрипел из-за двери дворник: — уйди, говорю... Знаю вас, убивцев... Уйди, а то кричать стану...

— Да ты послушай...

— И слушать не стану... Вот приедут все завтра с дачи — всё скажу Виктор Николаевичу... Уйди!.. Уйди, говорю!.. Не стучи... Кар-р-раул!

7

Когда Химик прибежал на дачу, Шкида уже кипела. Мелькали в воздухе дубинки, железные палки, привязывались к верёвкам чугунные гири, рвались на куски провода и скручивались на манер арапников. Рябинин, глядя на избитых ребят, выламывал из мостовой кирпичи и даже подывал от злости, словно это ему, а не Удалову, расквасили нос. Рыжик, пылая мщеньем, обвешивался вместо гранат бутылками. Кузя крутил мокрым канатом, Мамоша собирал камни, Мышка бупыжники. Защёлки заряжаемые самоделки.

— Ребята, — закричал Мамоша: — ребята, самоделок не брать... Не мокрое... А первому кто побежит — набить потом морду!

Шкида ответила рёвом. Ворота распахнулись, и армия дефективных понеслась бить нормальных. Сзади грохотала тяжёлая артиллерия — тачки, полные кирпичами, и бежал, гремя бутылками, Рыжик.

"Нормальные" стояли строем перед своей дачей. Всех их было раза в три больше, чем шкидцев. Впереди находились самые высокие, самые длинные, в зимних шапках. Они стояли закутанные, как в броню, в пальто и ватные одеяла...

Увидев приближение врага, нормальные тронулись с места и, подбадривая себя криками, понеслись вперёд. Впереди мчались ватные рыцари, орали, размахивали над головой дубинами, и, казалось, ничто не может остановить их бега.

— Ну, ребята, — крикнул Калина! — Помни уговор.

В воздухе свистнули кирпичи, камни. Пара рыцарей повалились, замелькали в воздухе палки, гири, дубины, ребята сошлись стена к стене — и шкидцев начали теснить.

Вдруг раздался крик. С горы, работая изо всех сил педалями, размахивая наганом, на только что украденном дамском велосипеде мчался Лепёшин.

— Держись! — кричал он.

Но "держаться" уже было не надо. Знаменитый однофамилец генерала Мамонтова "с горстью храбрецов", обойдя поле битвы (а дралось с двух сторон человек полтора), ударил на противника с тылу. Тыл составляли малыши — малыши побежали, началась всеобщая паника и бегство...

Шкидцы продвинулись до самой вражеской дачи и повели осаду...

Тем временем подъехала оставшая "артиллерия". Загудели кирпичные снаряды. В даче одно за другим вылетали стёкла и целые оконные рамы. Выскочил, было, из ворот и заметался, выдёргивая револьвер, воспитатель, но Червонец мрачно треснул его дубиной, и тот, свалившись, пополз обратно... Вслед за воспитателем выскочил светловолосый мальчик, в руках он держал самоделку, а рядом бежали два адъютанта...

— Нечестно! — только и успел крикнуть Калина. Раздался грохот. Вражескую самоделку разорвало, мальчик схватился за подбородок, адъютанты завертелись и вскрикнули. Вперёд выскочил Рыжик и закрутил над головой "гранатой". "Нормальный" понял опасность и побежал к воротам. Добежать ему не удалось. Бутылка глухо ударила его по затылку и разлетелась вдребезги... Мальчик удивлённо поднял руки и стал приседать, как на уроке гимнастики, всё ниже и ниже; пущенная Кузей кирпичина пришлась ему по боку, он странно охнул и упал...

Шкидцы разбежались.

Спустя полчаса калитка шкидской дачи очень осторожно отворилась, и в неё просунулась сперва фуражка, а потом и вся голова начальника павловской милиции. Видя, что опасности никакой нет, он спрятал револьвер и вошёл во двор. Сверху уже спускался обеспокоенный Викниксор... Вестник несчастья подошёл к заведующему. По мере его речи лицо Викниксора хмурилось, мрачнело, и наконец он крикнул бывшему здесь дежурному халдею:

— Построить ребят!

Ребят построили. Начальник милиции, заложив за спину руки, прошёл вдоль шеренги и скомандовал:

— Все, кто участвовал в драке, три шага вперёд. Шкидцы прыгнули, усмехнулся и Викниксор. Начальник озлился и, тыкая пальцем, закричал:

— Запираться?... Ты... ты... ты... Он отсчитал шестерых, наиболее ему понравившихся ребят и велел "следовать" за ним.

— Подождите! — остановил его Викниксор. — Здесь я заведующий, и ребят вам не выдам. Он повернулся к шкидцам и спросил:

— Что у вас случилось?

Химик, поддержанный Удаловым и Кузей, рассказал.

— Ну, вот видите! — снова обратился к начальнику Викниксор. — Я так и думал. Ребят задели, а они ведь дефективные, с них много не возьмёшь.

Начался спор. Начальник требовал ребят, грозил протоколом, арестом, кричал "о порядочках". Викниксор спокойно и сдерживаясь отвечал ему, но ребят выдать отказался. В конце концов милиционер махнул рукой и потребовал сдачи оружия.

— Ну, ребята! — грозно сказал Викниксор, подойдя к строю и подмигивая: — чтобы через пять минут оружие было сдано.

И через пять минут на дворе возвышалась преогромная куча, куда шкидцы, изображая глубокую скорбь, сваливали прутья, щепочки, ремешки и бечёвки...

Когда калитка за начальником милиции закрылась, Викниксор повернулся к ребятам. По лицу его забегали молнии, губы были закусены и руки крепко сжаты.

Началась расправа.

— Смирно!

Рыжик побледнел. Побледнели Мамонтов и Калина. Викниксор подошёл ещё ближе, шевельнул губами, хотел говорить, но вдруг отвернулся и махнул рукой.

— Завтра с утра собрать матрацы... Едем в город...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Утром приехали в город первые вестники переезда. Приехала Элланлюм со свитой уборщиц и кухарок.

Ребят в Шкиде не было. Фока исчез ещё вчера, когда Степан засыпал всех в библиотеке, Кубышка с утра пошёл хлопотать в фабзавуч, а Июшка с Сашкой побрели просто куда глаза глядят. Бродили они до вечера.

Уже начинало темнеть и накрапывал дождь. По скользким панелям бежали, размахивая газетами, мальчишки. Кричали про Мақдональда, кражи и квартплату... На Петергофском шкидцы встретили Кубышку. Кубышка шёл взволнованный, заплаканный, с маленьким узелком в руках.

— Приехали! — не сразу заговорил он, когда его остановили. — Приехали с дачи... Шкидцы приехали, потом Викниксор... Степан ему сразу накапал... Потом... — Кубышка всхлипнул и шмыгнул носом: — потом пришёл Викниксор и меня выгнал.

Он снова всхлипнул, хотел что-то прибавить, но махнул узелком и пошёл.

— Идём! — дёрнул Июшка Сашку.

Пошли в Шкиду.

— Ну и всыпались вы! — тревожно зашептал дежурный, встретивший ребят на кухне. — Викниксор здесь чуть Кубышку не изволохал!

— Да? — испугался Сашка. — Злой?

— Как чёрт...

— А где он? —

— В учительской наверно...

Викниксор, заслышав разговор, уже шёл навстречу. Последний раз ребята видели его простым, спокойным и даже грустным. Сейчас он шёл на них медленно, тяжело переставляя ноги и непримимо заложив руки в карманы пиджака.

— Вот что, — сказал он, поднимая брови и останавливаясь; ска- зал жёстко и раздельно как давно обдуманное и решённое:

— Из школы вы можете убраться. И сделать это я попрошу вас немедленно. Мне воров и негодяев не надо...

— Позвольте...

— Ни слова... Я знаю вашу манеру отпираться. Мне всё известно о ваших похождениях.

— Ничего вам неизвестно... Только нахально врут... Врут вам, а вы и поверили.

— Будете скандалить — уйдёте с милицией. И потом, — резко крикнул Викниксор: — с вами мне не о чем разговаривать. Дежур- ный, выпусти вот этого! — Он указал на Сашку, а Июшке через плечо бросил: — Ты можешь переночевать в школе в музее и завтра от- правляться куда угодно...

Дежурный выпустил Сашку и, закрывая двери, сказал:

— Надо к кастаньянше сбегать, а то из музея одеяла, постель за- брали... Ему спать не на чем.

— А это уже роскошь! — прервал дежурного Викниксор. — Можно и без этого. Я и то разрешаю ему остаться лишь потому, что ночь сегодня холодная, дождливая, можно простудиться... Да... А одеяло — это уже роскошь... Понимаешь?

— Понимаю! — ответил Июшка. — Спасибо...

На другой день он ушёл.

2

"Ну, теперь всё! — думал Июшка. — Теперь только одна надежда — техникум. Примут — хорошо. Не примут — гибель. Назад в Шкиду не пойду".

Сашка переночевал эту ночь у матери и тоже с утра спешил в техникум — узнать, принят он или нет. Он пришёл туда раньше Июшки, пришёл, когда списки только вывешивались. Списки окружи- ла толпа, все кричали, волновались, толкались, толкался и Сашка, забыв привычную вежливость и протискиваясь вперёд к спискам,

чтобы найти свою фамилию. Его близорукие глаза шарили по листу, торопливо бегали вверх — вниз, налево — направо, но фамилии не было.

— Не принят!..

Он поискал Июшкину фамилию, но тоже не нашёл.

— Не принят!

Он вышел на улицу и присел на ступеньки крыльца. Кругом про- ходили люди. Проходили, разговаривали. Сашка сидел в уголке, подняв воротник, надвинув кепку, и думал.

Сашка думал и, странное дело, не о том, как быть дальше, а о том, что делал бы он, если бы его приняли. Он представил, что вна- чале пойдёт в канцелярию и узнает, где общежитие, потом отпра- вится в общежитие и попросит помещение, попросит жратвы, потом подаст заявление в стипендиальную комиссию, потом...

За спиной хлопнула дверь и на плечо опустилась рука. Сашка вздрогнул.

— Поздравляю! — мрачно пробурчал Июшка: — Тебе повезло.

— Факт! усмехнулся Сашка. — Подвезло здорово...

Июшка снял руку с плеча и удивлённо посмотрел на приятеля.

— Что ты, очумел? Радоваться, дура, надо, что приняли.

— Кого?

— Тебя! — крикнул Июшка.

Оба замолчали. Сашка таращил глаза и шевелил ртом: говорить он не мог.

— Ах, вот что! — понял наконец Июшка. — Ты по слепоте своей фамилии не рассмотрел... Ах, Сашка, Сашка. Сова безглазая... Бить тебя некому!..

Июшка схватил его за руку и потащил обратно в техникум.

— Смотри! — палец лёг и пополз под словами: "Список принятых на третий курс". — Видишь?.. Теперь смотри здесь! — палец скольз- нул вниз и пополз под Сашкиной фамилией: — Видишь?..

— Теперь вижу! — улыбнулся Сашка. Он пробовал сохранить серьёзность, но широкая, радостная улыбка раздирала рот. Улыбнулся и хмурый Июшка.

— Поздравляю!

А когда Июшка, простившись, ушёл, Сашка отправился в канцелярию узнавать, где общежитие.

3

Июшка шёл вперёд. Шёл с одной мыслью: что делать?

Прежде всего хотелось есть, потом надо найти какую-нибудь квартиру. Ни родных, ни знакомых у него не было, и оставалось идти в Губоно. Просить.

В Губоно он прождал почти два часа, пока его приняли. Приняли холодно, с каким-то насмешливым вниманием. Выслушали для проформы, потому что ещё с утра звонил и всё сообщал по телефону Викниксор. Выслушав, написали коротенькую записочку в дефективный детдом на Выборгской стороне.

Июшка пошёл опять. Со вчерашнего дня он ничего не ел; денег у него не было, была только одна копейка, медная полустёртая монета, которую он нашёл по дороге. Не хватало второй, чтобы купить полфунта хлеба. Июшка шёл, присматриваясь к земле:

"Если нашёл копейку, почему не найти другую?" — рассуждал он.

В детдом он пришёл уже вечером. В другое время ему и понавилося бы это низкое, похожее на усадьбу, здание, стоящее в глубине густого и красивого сада; понравились бы дорожки, клумбы, беседки, — но Июшке нестерпимо хотелось есть. Он прошёл к дверям и даже не поглядел на клумбу, где покачивались под дождём яркие головки астр.

Внутри всё напоминало Шкиду. Низкий тёмный коридор и запах уборной и карболовки, и тот же шум и беготня, и то же бречанье расстроенного рояльца. И даже ребята, так похожие на шкидцев, начинали, как принято, скапливаться около вошедшего.

— Где у вас тут халдеи? — спросил Июшка.

— Кто-о?..

— Халдеи... Ну, воспитатели...

— Ишь, чёрт! — послышался чей-то восхищённый голос. — Подкусывает как... халдеи!

К Июшке протискался маленький солидно-нахмуренный шкетик и взял его за руку.

— Пойдём... Сведу...

Июшка хотел было спросить у него "пошамать", но шкетик открыл дверь, и они очутились в небольшой светлой комнате, в которой шкидец с ужасом узнал кабинет психо-физиологического и антропологического обследования. За столом сидел упитанный краснолицый мужчина, которому шкетик солидно доложил:

— Новичок!

Июшка показал бумажку. Краснолицый взглянул на новоприбывшего и взял перо. Фамилия? Имя?

Отчество?

Родители?

Сколько лет?

Откуда прибыл?

Где родился?

Потом измерял Июшкин череп, лицо, грудь, рост, дыхание, силу, руки, ноги, туловище. Слушал пульс, велел бегать по комнате рысью и вприпрыжку, и опять измерял.

— Слушайте! — не выдержал Июшка: — нельзя ли это всё потом?.. Я не ел со вчерашнего дня.

Краснолицый усталился на Июшку и, что-то сообразив, начал воорощить на столе бумагу; потом пошёл из комнаты.

На столе остались лежать бутерброды с сыром.

Когда дверь за краснолицым закрылась, Июшка поглядел на бутерброды и проглотил кислую слюну.

"Пошамаем" — подумал он.

Прошло несколько минут. Резко распахнулась дверь и в комнату влетел краснолицый. Первый взгляд — на бутерброды, потом на Июшку.

— Опыт я ставил! — процедил краснолицый, со злостью спихивая бутерброды в стол. — По педологии... Украдётся ты чего-нибудь или нет?..

Июшка вспыхнул...

— Ты мне, во-первых, не тычь: я тебе не Иван Ильич.

— Что-о-о? — вытянулся краснолицый. — Что ты сказал, шлана несчастная, повтори?..

— Я прошу не издеваться, — закричал Июшка. — Я голоден, понаимее вы это, учёные, чёрт вас поberi всех, с вашей педологией!..

Педагог засучил рукава. Июшка схватился за стол. Несмотря на хилость и бледность, шкидец выглядел довольно внушительно:

— Хорошо! — зловеще забормotal краснолицый: — Есть хочешь, значит?: Хорошо, я тебя сейчас угощу!

Он выскочил из кабинета и полетел в учительскую. Оттуда все воспитатели гурьбой повалили за педологом остепенять нового сумасшедшего воспитанника, который требует, чтобы ему говорили "вы".

У кабинета толпа остановилась. Краснолицый педолог ещё более засучил рукава, подмигнул, как бы готовя интересное представление, и распахнул двери.

В комнате никого не было.

4

Заколоченная на зиму, всеми оставленная шкидская дача не пус-товала. В ней "хазовал" Лепёшин.

Вчера он в отсутствие хозяев забрался в один облюбованный ранее дом. Его заметили с улицы... Засада, устроенная павловцами, не удалась: "знаменитый бандит Лепёшин-Дубровский" ушёл из-под

самого носа, бросив вещи и сбив с ног дряхлого подслеповатого сторожа, одного из номеров облавы.

Цепь несчастий обрушилась на Лепёшина после этого события...

Первая его хаза — в парковом павильоне — была открыта сторожами, вторая — в разрушенной даче около водокачки — имела один выход и при засаде становилась ловушкой... Днём его несколько раз узнавали на улице и устраивали погони. Федька — беглый дефективный из детдома, стрёмщик и наводчик Лепёшина, — ушедший было на разведку, больше не возвращался... Лепёшин опять переменил место — пятое по счёту, — а вечером кинулся на вокзал, чтобы уехать из Павловска. Но и там его ждали. И снова пришлось бежать, слыша за спиной тяжёлый топот и страшные крики: "держи"!..

Лепёшин метался по Павловску, меняя места, ища выхода из сжавшегося вокруг него кольца. Шкида была последним логовом.

Он стоял на балконе дачи, тяжело, уставо опираясь на перила, кутаясь в забрызганное грязью, изорвавшееся в погонях пальто. Бессонная ночь положила синие пятна у ресниц. Губы ссохлись от волнения, покраснели и потрескались.

Вставало белое осеннее солнце. Тяжёлая и жёсткая роса блесла в траве. На клумбах, дорожках, в канавах — всюду кучами лежали сброшенные с деревьев листья, и на них сверху безостановочно сыпались всё новые и новые жёлтые шуршащие груды. Канавы, полные воды, заросли волокнистой зеленью и были неподвижны.

Вспоминалась Шкида — всё, до последних дней... Вспоминались ребята, халдеи, Викниксор... Ярко представалась в памяти последняя ночь, когда он забрался к Викниксору, чтобы выучить свой велосипед... Вспомнилась и неудача — заремевшие кадушки, поимка, изолятор, и бесповоротное решение бежать, и взломанная кладовка и первая записка, оставленная на месте преступления:

"Здесь был я, знаменитый бандит Лепёшин-Дубровский!.."

Как давно всё это было!.. И вместе с тем, как недавно...

Он поглядел на строй дач, столпившийся вокруг Шкиды. Кокетливая их наружность казалась предательской, — он знал, что ему не выбраться из Павловска, что его стерегут, ищут и, быть может, на-шли...

Он беспокойно прошёлся и прислушался. Всюду было тихо. Шкидская дач стояла пустой, с закрытыми дверями, с заколоченными окнами. Лепёшин отодвинул доски от балконной двери и вошёл внутрь бесконечно усталый и с одним только желанием спать...

Старая толстая лягушка долго смотрела из канавы ему вслед и жалобно всхлипывала...

5

Он проснулся внезапно, как от толчка, от внезапно обрисовавшейся мысли, заворочался на шуршащей груди выброшенного сена и сел... Был уже вечер, комнату наполняла темнота, и в темноте заколоченные досками окно было похоже на тюремную решётку.

Мысль приносила спасение и была простой до смешного: надо уезжать не с Павловского вокзала, а с другой станции, например, с Александровской, которая была дальше других, в стороне и на другой линии...

Лепёшин встал с сена и, отряхнувшись, заходил по комнате, считывая и измеряя свой план, — всё сходилось и было легко и просто. Мучило одно: приходилось оставить мысль "обработать" красноармейский кооператив "Фронтвик", где всё было высмотрено, приготовлено и где вдобавок было что брать...

И чем больше надвигался вечер, тем настойчивей овладевала эта мысль сознанием. Привычная потребность "работы" стала неотступной...

"Я сделаю дело и уеду в город с фартом, — решительно подумал Лепёшин. — Нужно только выдавить стекло и обойти патруль..."

Ночь была тёмная, с небом, сплошь затянутым облаками... Патруль, охранявший кооператив, прошёл за здания казарм, вернулся — опять ушёл. Лепёшин бесшумно вынырнул из кустов, быстро и

ловко наклеил листы "мушиной бумаги" на стекло, выдавил его, и оглянувшись, влез в лавку.

Внутри ему было всё заранее известно; он набил два мешка самым дорогим товаром, опорожнил кассу и, переждав, пока чёткие удары солдатских сапог патруля снова не отзвучат вдалеке за казармой, — с прежней бесшумной быстротой вылез с "фартом" обратно... И уже в кустах, волоча тяжёлые мешки, вспомнил:

"А записка?"

Лепёшин полез обратно и там, в лавке, в темноте, ещё детским неровным почерком он с трудом нацарапал записку, написал знакомые слова, от которых сладко ныло в груди и стучало сердце. Записку он положил на самое видное место, на кассу посреди длинного широкого прилавка.

Вылезая наружу он зацепился рукавом за гвоздь. Отцепиться ему помогли.

Кто-то схватил его под глотку и выдернул наружу. Он сунулся к поясу за револьвером, но уже схватили и руки...

— Поймался, сучки! — заревел над головой торжествующий голос. — Нет, врешь! Не уйдёшь! Не дрыгай!..

Его подминали на земле сапогами, закручивая за спину руки. Отчаянно свистал патруль, и тот же торжествующий голос ревел:

— Второй день ловим! — ревел голос. — Пымали... И до чего отчаянный плашкет, — враз за шпалер хватается — бандюга чистый...

Лепёшин, скрученный и перекрученный верёвками, судорожно извивался на земле, сжимаясь от лениво сыплющихся на тело ударов — и молчал.

6

Июшка проснулся от холода. Все, кто ночевал с ним на барже, уже встали и разошлись. Было часов восемь утра, шёл мелкий дождь, и остатки тумана ещё ползали над каналом... Юшка нащупал в кармане копейку, и только одно прикосновение к ней до конца

наполнило его сознание мыслью: "надо искать". И он поднялся как привязанный этим решением и пошёл.

Он шёл по улицам, переулкам, проспектам, шёл по садам, площадям, бульварам, шёл по рынкам, толкучкам, дворам, — шёл и искал. Часто "она" показывалась ему в мусоре, в плевках или окурках, он останавливался и шарил на земле, ковырял, рыл, но там ничего не было, и он шёл дальше; шёл опустив глаза, ни о чём не думая, забыв про голод, про всё, кроме копеек, которую должен найти и которую найдёт.

И в самом деле под вечер, на Калининном мосту от ноги что-то отскочило, подпрыгнуло и звонко ударилось об камни...

7

Это была та маленькая медная монетка, которую он искал весь день и которая оказалась ему теперь похожей на грошик. Иوشке захотелось сравнить его со своей прежней копеей; он опустил руку в карман, пошарил и — судорожно выхватил обратно.

Он быстро ощупал и вывернул все карманы, разорвал подкладку пальто, разулся и стал перебирать и перетряхивать носки и ботинки. Там ничего не было.

И он почувствовал, что сейчас наступает конец, он не мог даже думать о том, что нашёл свою собственную копейку, которая выпала у него из дырявого кармана, — он не мог думать, что делать дальше, куда идти, кого просить...

Он подошёл к перилам, разжал ладонь и бросил монетку в воду.

Перед концом решил написать записку. Потом подумал: "обуюсь", и надел ботинки. Потом вынул карандаш, записную книжку и стал писать.

Перечитал и вдруг вздрогнул: "нет"!..

Карандаш и бумага полетели за перила, а Иوشка побежал по улице.

Он вошёл в подъезд милиции, на минуту остановился у зеркальной двери, отразившей лохматого шкета в рваном и мокром пальто, потом, решительно толкнувшись, вошёл в комнату.

На лавке у барьера разговаривали несколько милиционеров. На вошедшего они не обратили никакого внимания. Иوشка прошёл вперёд и, когда дежурный поднял на него свои равнодушные глаза, заговорил.

— Товарищи! — просто сказал он: — если ваш долг раскрывать преступления, то вы должны и предупреждать их.

— Что? — Под дежурным упала табуретка. Иوشка пошатнулся, схватился за барьер и наверное рухнул бы на пол, но его уже держали и куда-то вели...

Очнувшись он в большой просторной комнате заполненной книжными шкафами, плакатами и убранный красной материей. Перед ним на столе, на раскинутых журналах стоял чайник и лежал свежий румяный ситный. Он ел, его никто не расспрашивал, и все молчали...

Рассказывать начал сам Иوشка. Рассказал про Викнисора, про дачу, про экзамены, показал документы; рассказал про Губоно, про краснолицего, про копейку; рассказал, как хотел топиться, но испугался и потом пошёл в милицию, чтобы наговорить на себя, чтобы его посадили, и дали есть.

Он замолчал — заговорили милиционеры. Заговорили все разом, не обращая на Иوشку внимания, но тот чувствовал, что говорят именно о нём...

Потом дежурный дал ему в руки перо и попросил что-нибудь написать, только побольше и поскорей.

"Дактилоскопия?" подумал Иوشка и начал писать; когда писал, все сгрудились к нему и смотрели, как бегала его, рука по бумаге. Дописать ему не дали. Дежурный хлопнул Иوشку по плечу:

— Хватит!.. Молодчина: почерк шикарный, — видать, не даром учился... Значит, вот что мы решили... Как ты есть человек с образо-

ванием, ты будешь у нас здесь завклубом, жалование будешь получать, а жить... пока живи здесь, потом придумаем... Согласен?

Июшка улыбнулся... Все засмеялись, а какой-то бородач, многозначительно подняв палец, проговорил:

— Судьба у тебя, хлопец, индейка, а жизнь — копейка...

— Верно! — ответил Июшка. — Верно — копейка!

И он стал завклубом в милиции.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Рулёвой Шкиды сидит у себя в кабинете в поскрипывающем кресле и не включает свет. Так легче и можно спокойнее подумать, хотя собственно обдумывать нечего.

Ещё когда он, захватив для просмотра из канцелярии "летопись", проходил по нижней зале к себе, голова его пригнулась, глаза стались не смотреть на стены, и копошились мысли, что всё это зря; и захотелось бросить "Летопись" на пол. Литографий в глухих зачёрнённых рамках, которые висели на стенах залы, становилось всё меньше и меньше. Массивные двухстворчатые двери беспомощно прижались к стенам. Двери были прежде на медных петлях, отвинченных и отнесённых на рынок ребятами. Туда же снесли и литографии.

Ещё и раньше Викниксор замечал в поведении ребят какие-то провалы, недоступные его опыту и педагогическому влиянию. И провалы эти становились всё больше и больше, пока не превратились в целую пропасть, пока школа не оторвалась и не пошла своей дорогой, а он остался в стороне.

Раньше в такие минуты он думал, что виноваты старшие, которые мутят школу. Но теперь старших нет, а лучше не стало.

Вчера полшколы самовольно ушло шلаться. Позавчера избили воспитателя Кирилла Гаврилыча. Сегодня пробовали сломать кладовую с продуктами. Украли из канцелярии "летопись" и сунули её в топку. Разгромили химический шкаф. Школа в контакте с окрестной шланой. Вольных, которые зачастили в школу, он велел гнать. Но нет-нет да и появится в коридоре какой-нибудь клешник с трогательным чубом. Викниксор усмехается.

С каким трудом, с какой трёпкой нервов он выцарапал места продавцов в магазинах Резино-металла для подростков ребят.

Его встречали насмешливо:

— Помилуйте, у нас дефективных нельзя, воровство будет.

Унижался, давал честное слово, а своего добился. Радовался за ребят. А они начали воровать на работе. Так и должно. Работу достал, а квартир не смог. Школа бузит, школа ворует, хулиганит и оказывает на них своё влияние. Вот если бы этим ребятам достать квартиры!

Недавно пришёл Костя Финкельштейн. Он радовался тогда. Подумал: "Не забыли ещё". Хотел спросить, как живёт, где работает. Но Костя остановился в дверях и, не здороваясь, сказал:

— Виктор Николаевич, вы подлец...

Викниксор включает свет и перелистывает "Летопись".

Она по углам обуглилась, несколько страниц вырвано. Если бы не Александр Николаевич, вытащивший её из огня, "Летопись" больше не существовала бы.

Викниксор читает последние записи:

"Преображенский и Калинин явились в школу в нетрезвом виде".

"Воспитанник Сусликов пойман в краже белья из гардеробной".

"Нижняя спальня долго не ложилась спать".

"В верхней зале трое воспитанников — Васильев, Арбузов и Еврафов — совершили нападение на воспитателя Селезнёва и нанесли ему удар по голове".

Викниксор захлопывает летопись. Нечего читать. И так известно, что полшколы в пятом разряде. И ещё известно, что пятый разряд теперь пустая формальность. Ребята привыкли и уходят гулять самоvolно.

Через день после того, как полшколы ушло куда-то, Викниксор узнал со стороны, что ребята ходили вместе с другим детдомом драться с Покровской шпаной.

После драки двух "покрошей" подобрали мёртвыми.

Викниксора одолевали мысли, тягучие и неприятные:

За три года упорного, напряжённого труда не выпустить ни одного воспитанника. Больше того. Весь выпускной класс выгнать по одиночке, по одному...

.....

Он лежал на оттоманке лицом вниз. В комнате было темно, в окно стучал дождь. Время шло, а сна не было. В висках туло ударяла кровь. Потом удары отошли в сторону и доносились издалека, тихие и осторожные. Викниксор сообразил, что они идут с чёрной лестницы. Это опять ребята обрубали свинцовые украшения перил. Викниксор заметался. Ему даже показалось, что хочется вскочить и бежать на чёрную лестницу, он даже увидел себя крадущимся по залу. Но это только показалось.

Викниксор по-прежнему лежал лицом вниз. В окна глядела ночь и доносила иногда зелёные отсветы поющей трамвайной дуги. А тихие удары с чёрной лестницы не прекращались. Они приходили, глушённые и настороженные. Казалось, по-прежнему идёт дождь. Но дождя уже не было.

2

Под лестницей в надворном полуразрушенном флигеле копошались двое шкидцев. Они устраиваются на ночлег. Первого из них, длинного Суслика, вышибли неделю назад за кражу простынь. Второй — нежненький и беленький Капаневич — выгнан сегодня. С привычки его знобит, и бьёт лихорадка.

— Холодно, — бормочет он, натягивая на босые ноги пальто. — Ой, какой ветер, прямо вьюга целая...

Суслик не отвечает и по-прежнему гребёт в угол раскиданную промокшую солому... Слышно, — воет на чердаке ветер, как костяшки стучат рваные провода и хлещет дождь.

— Слушай, — опять говорит Капаневич: — идём в комнату. Там теплей, и матрацы лежат, видел...

— Мало, что лежат... Нельзя туда. Вдруг ребята придут...

— Зачем?..

— Сам знаешь зачем...

Молчат... Суслик, собрав бугорок соломы, осторожно ложится на него и подкладывает под голову кирпич. Скоро он засыпает... Капаневич

невич дрожит всем телом; зубы выкапачивают густую и несдержанную дробь и готовы вырваться наружу. Заснуть он не может и еле терпит холод. Потом не выдерживает, вылезает из-под лестницы и поднимается наверх, в единственную сохранившуюся флигельную комнату. Там теплей, там матрацы. Шкидец торопливо ложится, закусывает ноги в пальто, накрывается вторым матрацом и засыпает...

Будит его громкий и сердитый Женкин голос.

— Задрыга грешная, — кричит кухонный староста: — развалился... Для тебя я, что ли, матрацы приволок?... Слазь!

Капаневич с руганью поднимается и трёт глаза.

— Слазь скорей, — нетерпеливо торопит староста и, обернувшись к дверям, сладенько добавляет: — Сейчас, Верочка, нам освободят комнату...

Верочка переступает порог. Идёт она развалисто, потряхивая куцым задом и поводя руками. На ней чёрное приютское пальто и чёрный матерчатый треух...

Это очередная Женкина любовь...

Живёт Вера Бондарева в детдоме для дефективных девочек, что против Моргоса. С детдомом этим Шкида связана крепчайшими узами сердечных отношений. Трудно сказать, когда они установились, но одно известно, что вместе с бузой вспыхнула и любовь. Конечно, птички здесь не пели, луна не светила, вода не сверкала, — поэзии никакой не было, нежных слов и поцелуев тоже не было. Своих возлюбленных вели прямо в ломаный флигель, где на заранее заботливо приготовленных матрацах и начинали супружескую жизнь.

С Женкой Вера Бондарева сошлась недавно; верней, он получил её от Балды, сменившись на Маньку Солдатову. Мена казалась выгодной, и староста про себя прозвал даже Балду дураком...

Он не знал, что недавно Балда побывал случайно в канцелярии верочкиного детдома и прочитал там такую характеристику своей любовницы:

"Задержана на Октябрьском вокзале за бродяжничество и проституцию. Груба, цинична, недисциплинированна. Детдом называет бардаком, воспитательниц бандершами. Устроила в распределитель побег трёх задержанных подруг, пыталась бежать сама, но была поймана..."

"В детдоме ворует. Будучи уличена, не споря отдаёт украденное обратно. Лукава. Лжива. Употребляет косметику, чтобы скрыть на лице прыщи... Прожорлива. Съедает по пять-шесть порций за раз. Ест неопратно: куски вместе со слюной падают обратно на тарелку и опять подбираются в рот.

"Наружность. Маленькая, с маленькой головкой, с бесцветными, ничего не выражающими глазами, которые всегда закрывают спутанные, жидкие волосы. Большой мокрый рот с заездами по углам. Карриозные зубы. Запах. Рано разнвившееся тело. Длинные руки. Расхлябанные движения.

"Половая жизнь. Жить начала с восьми лет. Говорит: "не могу жить без мужчины", "вы требуете от меня хорошего поведения, дай-те мне каждую ночь мужчину, и я буду у вас первая". На прогулках пристаёт к проходящим: "мужчина, угостите папирской", "мужчина, прогуляемся"... Имела ребёнка, которого задушила. Болела гонореей. Была помещена на излечение в венерическую больницу, но оттуда убежала..." С подлинного.

И, несмотря на всю свою неприхотливость и неповоротливость, Балда сразу же постарался сплавить кому-нибудь от себя Веру... Женька охотно взял её и сейчас с явно выраженным нетерпением выставлял из своей спальни Капаневича.

— Так пущай остаётся, — передёрнула плечами девица. — Мы к этому привыкли.

Но непривыкший шкидец уже был за дверьми, а в комнате дико закричали:

— Вер-ра... Жена моя... Раба моя... Ляжь...

Под лестницей Суслик храпел и свистел носом. Холод опять охватил Капаневича, он закутался плотнее в пальто и, усиливаясь, задремал... Через полчаса шкидец вздрогнул и открыл глаза. Между ступеньками, сверху, виднелось Женькино лицо.

— Теперь иди, — сказал он, и пошёл вниз. Капаневич вылез и пробрался в комнату. В темноте он нащупал матрац и с криком отскочил.

— Хи-хи-хи, — засмеялись из темноты: — спужался... Это я, Вера... Иди сюда...

Капаневич выскочил за дверь, кубарем скатившись под лестницу. Суслик разом перестал храпеть и поднялся.

— Что ты? Что с тобой?..

Шкидец тяжело дышал и ответил не сразу.

— В комнате был... Там гамыра эта, Женькина, как её...

— Вера?

— Ага...

— С Женькой?

— Нет, одна...

— Ну, тогда я пойду, — встрепенулся Суслик. — А ты здесь сиди, не уходи. Можешь лечь на мою постель... Слышишь?

— Слышу... Спасибо...

3

На верхнюю площадку парадной лестницы вышел Химик. Он огляделся по сторонам, заглянул в пролёт и вытащил из-за пазухи своё последнее изобретение — авиабомбу. Она была сделана из пивной бутылки, набитой шкид-порохом, с пробкой от детского пугача, вместо детонатора. Маленькие картонные крылышки придавали ей устойчивость во время полёта. Когда Химик, оглядевшись ещё раз, бросил свою бомбу в пролёт, на площадку вышел Сашкец.

— Ты чего?..

Химик не успел и открыть рта, как внизу ухнуло, зазвенело, и кверху поднялся клуб дыма. Халдей потащил шкидца в изолятор. Химик вырвался. И тогда Сашкец побежал вниз за дворником.

.....

Школа Достоевского,

Стерва сволочная.

Научила воровать

От родного края... —

ЗТ. Это суть переделка Химиком-Механиком [Константином Евстафьевым] гимна Шкид. — В "Республике Шкид", в главе "Маленький человек из под Смольного" : .. Внизу, в полумраке огромного зала, три глотки немилосердно рвали голосовые связки ..

Школа Достоевского,

Будь нам мать родная,

Научи, как надо жить

Для родного края.

.. На другой день вся Шкида зубрила новый гимн республики Шкид ..

попробовал петь доставленный в изолятор Химик, но перестал и растянулся на досках кровати. Лежал, смотрел на растрескавшийся потолок, на ключья обоев, свисавшие с отсыревших стен, а в голове вертелись всякие мысли.

Недавно была в "лавре " из-за плохого обращения большая буза. Бунт. Одних стёкол выбили на шестнадцать тысяч рублей и убили воспитателя. "Лавру " после этого раскассировали. В Шкиду привели оттуда человек двадцать ребят. Но из новых товарища Химик по-добрать не смог. Старые ушли.

Химик спонялся по школе и не находил себе места. По ночам он вспоминал институт Подольского. Даже ночью институт казался теперь уже лучше Шкиды. Вспомнил, как один раз назвал он воспита-

тельницу проституткой, как его закрутили в простыню, и как потом его, связанного, воспитательница отхлестала по щёкам. Но никакой злости Химик не почувствовал. Ему даже захотелось, когда вспомнил это, сходить извиниться за свои слова.

Припомнился и сам профессор. Он отличал Химику своим вниманием и раз пытался заигнотизировать. Химик притворился спящим, поднимал по приказанию профессора руку и остался очень доволен сеансом.

Там казалось лучше, и Химик выпросился обратно в институт. Подольский встретил хорошо, ласково, но, прочитав викниксоровское письмо, переданное ему Химиком, нахмурился и отказался взять к себе.

Вернувшись обратно, шкидец забузил. Не учил уроков, скандалил и по ночам вместе с Удаловым "электрифицировал" школу. Для этого они отводили ток от сети в перила лестницы, к дверным ручкам и дверцам печей...

.....

Химик слез с койки, долго разминался и извлёк из кармана баночку. В банке в керосине желтели комочки кальция. Он прикармливал кальций, когда новички из "лавры" громили химический шкаф. Химик хотел отомстить немке, с которой воевал последнее время. Для этого он решил, улучив момент, подсыпать в её ночной горшок кальция, который, соединяясь с водой, шипит и как бы взрывается. Химик думал, что этого будет достаточно и немку на утро найдут умершей от потрясения.

В школе зазвонили на ужин и сейчас же у дверей зашабарашили, затопали, и надтреснутый голос сказал:

— Гусь лапчатый...

— Дядя Саша, — крикнул Химик, пряча банку: — отпустите! Вчера целый день сидел!

— Ладно, — смилостивился Сашкец и открыл изолятор: — но в пятом разряде тебе быть!

Химик с постным лицом тихонько вышел, словно показывая, что он понимает положение халдея и, сбегая вниз в столовую, с удовлетворением думал:

"Вали, переводи, чёрт плешистый. Вчера Костец раньше тебя догадался перевести".

Впереди бежал какой-то из новичков. Он с ходу прижимал к перилам огрызок цветного карандаша. Карандаш оставил на перилах ярко-красную полосу.

На ужин была гороховая похлёбка. Когда её разлили по мискам, в столовую прибежала немка и сразу обратилась к Химику.

— Евграфов. Это ты перила исчирикал? Иди вытри...

Шкидец, не обёртываясь, с присвистом глотал похлёбку. Большие порозовевшие уши его насмешливо вздрагивали.

— Да ты оглох? — тряхнула его немка.

— Вытри сама, — ответил Химик, и когда немка рванулась к выходу, крикнул: — У собачки под хвостом вытри.

Через минуту немка явилась уже с Викниксором.

— Если так убрать, в порядке трудовой дисциплины, — сказал Химик, — то можно. А если как будто это я начирикал, не буду.

— Видите, — закатилась немка.

Викниксор удивлённо поднял брови, поморщился и выдернул шкидца из-за стола...

Захлопнувшаяся дверь заглушила протестующий рёв столовой. Вышвырнутый на чёрную лестницу, Химик потёр затёкшую шею и спустился по лестнице во двор.

Чуть-чуть моросило, сеялся-вился дождь. Химик постоял на дворе и повернул к флигелю.

4

В одной из комнат флигеля собралась целая компания. Был Женька с Бондаревой. Вместе с ней пришла её подруга — Маня Солдатов, громадного роста девица с большими наглými глазами. За Маней ухаживал Балда, сидевший рядом с Женькой. С чердака

спустились Суслик и Капанька. Вся эта брашка, устроившись на кирпичах и поленьях, закусывала копчёными сигадами, которые украл на рынке Женька. При появлении Химика Балда, заметно охмелевший, подвинулся и любезно заикался.

— П-прошу присесть... Ка-какими... каким чёртом занесло?

— Меня Витя вышиб, — хмуро объяснил Химик, и сел рядом с Балдой.

Женька перестал лапать Бондареву и налил Химику в стакан водки.

— Капанька, Суслик, надо ещё раз дербальхнуть, — продолжал Женька: — в нашем полку прибыло.

Водки было много, принёс Балда. Его сламщик Вася Слон работал в Резинометалле, и поэтому Балда был всегда с деньгой. Он ежедневно отправлялся в кооператив, протягивал сламщику трёхкопеечный чек, и Вася Слон вешал ему товара рублей на десять...

У Химика шумело в голове. Он ещё помнил, что его вышибли. Но было уже всё равно. Он сидел, покачиваясь, оглядывался и улыбался.

Напротив него Бондарева плотоядно уничтожала рыбу. Перехватив взгляд Химика, она подмигнула ему и улыбнулась. Губы её при этом натянулись, выступили жёлтые неровные зубы, и она стала похожей на собаку. Сидевший на корточках Суслик зачесался и так звонко щёлкнул раздавленной вошью, что сидевший в самом углу Балда, осторожно и стыдливо касавшийся грудей Мани Солдатовой, вздрогнул.

Химик чуть повернул голову и увидел Капаневича. Шкидец сидел на двух кирпичах, грустный и взъерошенный как вымокший воробей, безразлично прижавшись к стенке, он играл на зубариках. Потом внимательно и строго взглянул на Химика и улыбнулся тоже, но не как Бондарева, а печально и сочувственно.

От этой улыбки Химика словно кольнуло. Он огляделся внимательно. Женька поддерживал свою возлюбленную, обмякшую и

пожелтевшую. Её тошнило, она сплёвывала и закатывала совсем ослепевшие глаза.

Химику стало ещё неприятней, он качнулся и увидел, что Капаневич вдруг поднялся и ушёл из комнаты. Химик рванулся за ним, но ноги непослушно отнесли его к окну. Он опустился на подоконник и огляделся ещё раз.

Женька уводил куда-то Бондареву. В комнате остался только Балда с Солдатовой. Манькино платёе измялось, спустившийся чулок открывал прыщавую волосатую ногу. Балда теперь действовал смелее. Солдатова не противилась и только взматывала головой, как лошадь, отчего её тёмные обсалившие волосы болтались как мочала на швабре...

Химик закрыл глаза. Ему почему-то вспомнился детдом на Колокольной улице, куда он попал с Курляндской... Новый детдом встретил Химика неласково. Ребята, жившие там, сатанели от скуки. Через несколько дней у воспитательницы Нины Васильевны пропал кошелёк с двумя рублями. Почему-то подумали на Химика, и ребята, косившиеся на него, обрадовались случаю. Сами они, может быть, и не тронули бы, но помощник заведующего велел:

— В работу его возьмите, подлеца!

Били, издевались два дня подряд. Химик не сознавался. Сознаваться ему было не в чем. Кошелька он не трогал.

Помощник взялся сам. Бил он хлеще ребят. Химик не стерпел и взял на себя вину. Помощник тогда спросил: "Куда кошелёк дел? Подавай сюда". — Химик опять сказал, что кошелька не видел. Снова били.

Ночью Химик потихоньку выбрался из спальни, хотел убежать, слонялся в темноте по школе, нарывался на стены, но все двери были закрыты.

А когда начало светать, совсем изныл, вспомнил, что опять бить будут, и выбросился в пролёт лестницы.

Химику представилась воспитательница Нина Васильевна, молоденькая ещё, с певучим грудным голосом. Дорого она свои деньги ценила. Две недели вертелся, в бинтах, в бреду, Химик. В больницу его не отправляли, боялись огласки. Как поправился, сразу отправили к Гужеедову.

Там измучили исследованиями. Каждый день мерили башку. Задавали всякие вопросы, а ответы отмечали секундомером. И так подряд пять месяцев. Обследователь Химика был человек не плохой, но Химик как-то не утерпел и сломал его секундомер. Тогда отправили на Миллионную. Там, как и на Колокольной, били. Не ребята, уже, а заведующий... Химику припомнился его бывший товарищ Кузнецов. В детдоме "Красный Молот" был спектакль. Кто-то у одной госты тиснул ридиколь. Деньги прикарманил, а ридиколь выкинул, Кузнецов увидел и взял его себе. Нашли при обыске. Заведующий, круглый, коротконогий, по прозвищу "Пешка", вечно пьяный, позвал Кузнецова к себе и зверски избил. Весь день Кузнецов плакал, охал. Вечером его начало трясти, — отправили в лазарет. Ночью ему стало хуже. Приехала "скорая", а через два дня из больницы запросили: "Хоронить ли его там, или выдать труп Кузнецова для погребения всей школой".

Химик вспомнил кладбище. На куче вырытой земли стоит Пешка, говорит надгробную речь, рядом хмурые ребята, а в простом сосновом гробу синий, распухший Кузнецов, а над всем этим белые, стройные берёзки. Химик припомнил, что тогда берёзы только начинали цвести, — и заскрипел зубами. Говорили потом, что Кузнецов наколол ногу шилом и получил заражение, но Химик не верил этому.

.....

Хмель проходил, Химик встал и потянулся. Стало совсем темно, в комнате никого не было. Он повернулся к окну; сквозь разбитые стёкла дохнул на него ночной ветер, свежий и приятный как молоко. Дождь прошёл. Наверху становились звёзды, плавал туман. Крыши лоснились как копчёные сиги. Хмель, как и дождь, прошёл совсем.

Химик стоял у окна, а в голове у него текли мысли. Мысли были о том, что в детдом уже не возьмут, к больной безработной матери идти нельзя и ему придётся подаваться отсюда неизвестно куда. Это не угнетало, а наоборот — Химик почувствовал себя легко, словно отвалилась какая-то тяжесть.

Когда он на ощупь пробрался к выходу, то столкнулся на лестнице с Женькой.

— Куда?

Химик, ничего не ответив, шёл вниз.

— К Викинскору? — крикнул Женька. — Прощенья просить?

Химик не останавливаясь пересёк двор и вышел за ворота. Там он опустился на ступеньку подъезда и незаметно для самого себя уснул.

Ночь отступала. Восточный край неба чуть заалел. Но пришли тучи, краски выцвели и рассвет начался сразу со всех сторон. На мостовые слетали кормиться проснувшиеся голуби. Проснулся и Химик от истошного собачьего визга. Рядом стояла фура. Ловец тащил к ней рыжую собаку. Сквозь решётку виднелись умные собачьи морды.

Химик встал, зевнул и поглядел на притихшие окна школы. Сунул озябшую руку в карман и нащупал ненужную теперь баночку с кальцием. Выбросил её и не спеша пошёл в сторону. Шёл неторопливо, спокойно, словно не гопничать, а в ближайшую лавочку за хлебом, и долго сутулился ещё вдалеке, пока не скрылся за поворотом.

Фургонщик запихал собаку в фуру и поехал, тоже не спеша, в другую сторону.

В спальне мочевики весело... Скучная шестнадцатисвечевая лампочка, едва прорезая ступившийся от спиртных и махорочных паров воздух, освещает нелепо развалившихся по койкам и на полу

ребят. Валяются пустые музейные банки и выброшенные из них за ненадобностью проспиртованные каракатицы, ужи и морские кони.

На ближайшей от дверей койке полулежит Калина и туло улыбаясь дёргает дребезжащие струны балалайки. Напротив Калины сидит, скрестив ноги калачиком, новичок, только вчера попавший в Шкиду, он покачивает своей конусообразной головой, скалит неровные зубы и тянет:

--

Урка за фрайером идёт,

А кореш толкает и поёт.

Паптюха брось.

Не дрейфь.

Нырай смелей.

Даром время не теряй.

Ай-я-я-й....

--

Поющий взмахнул рукой, прищёлкнул пальцами и вся спальня исступлённо грохнула:

--

Та-ра-ра мамы, цуцы,

Пер-вер-туцы.

Гоцам.

Подам.

Пер-вер-тоцам.

--

На заблёванном полу, около раздавленной в смятку морской звезды, лежит Храпа, в руках у него уж, он вертит его над головой и кричит:

— Это не змея, братцы, угорь это. Его жрать можно. Манька! — надрывно выкрикнул он: — тащи вилку и горчицу.

--

Что ты, что ты, что ты, что ты

Я солдат девятой роты... —

--

орёт кто-то.

— Манька! — шлёпает ужом по полу, не дождавшись вилки, Храпа. — Тащи, стерва, тарелку и соли. Слышишь!

Положив грязные ноги на подушку, безмятежно спит, лицом вниз, Васильев.

— Вставай с постели, пироги поспели! — кричит Храпа и вытягивает Васильева вдоль спины измочалившимся ужом.

Калина, отшвырнув в сторону балалайку, сонно хлопает глазами.

Когда в спальню вошёл проходивший мимо Викниксор, емушибануло в ноздри спиртным перегаром, оглушил визг, ругань.

По середине спальни — бросилось в глаза — стоял и мочился на пол Храпа. Попятившись от Викниксора, он рыгнул и упал в лужу.

Викниксор схватил его за шиворот и потащил к двери.

Тащить было неприятно, тяжело, шкидец брыкался, рыгал, а кроме того Викниксор не знал, куда собственно он тащит Храпу. Ещё вчера двери обоих изоляторов какими-то канальями были сорваны с петель.

Когда Викниксор доволок воспитанника до выхода, Храпа рыгнул громче обыкновенного: его стошнило прямо на живот заведующего.

Викниксор выпустил Храпу из рук и, схватившись за голову, убежал вон.

6

На шкидском дворе стоял Старостин и хмуρο смотрел на окна флигеля. Голубятню, которую он придумал, сделать не удалось. Четыре выпущенных голубя не вернулись обратно, двух остальных затрепали крысы. И ребята водят в бывшую голубятню девчонок.

Старостин выругался и пошёл на задний двор. Там шкидцы играли в "пожарных".

— С-стой, б-братва, — надрывался брандмейстер Балда — сегодня с-сарай не т-трогать. С-старый ломаем.

От старого оставались только столбы, сиротливо глядевшие в небо. Пожарники накинули на один из них верёвку и, когда Балда скомандовал: "полундра", раскачали столб и быстро выдернули его из земли.

Поодаль стоял владелец разрушенного сарая, бывший аптекарь. Несчастья сваливались на его седую голову. Сперва ребята сбили с его сараев замки и продавали приходившим тряпичникам его собственные бутылки из-под лекарств. А теперь ломают его сарай.

Старик уже не протестовал, а лишь горестно разводил руками. Когда он попробовал угрожать, его облаяли, швырнули вдогонку палкой, а ночью выбили в квартире стёкла.

Старостин, глядя на еврея, невесело ухмыльнулся и пошёл к воротам. В руках его был узелок, в узелке казённые простыни и другие, более мелкие вещи, которые шкидец прихватил с собой на память об этой осточертевшей ему школе.

7

Только по привычке ещё Шкиду продолжали именовать детдомом, хотя она стала уже обыкновенной ночлежкой, самым обыкновенным "штабом"... Приходили новые ребята, жили, а потом снова исчезали, не забыв захватить с собой: то постельное бельё, то лампочки, то дверные ручки, то вьюшки... Вечерами на школу опускалась темнота; по коридорам, по лестницам ощутую пробирались воспитанники, в разбитые окна несло холодом; в печах выло и гудело... На дежурство халдеи вступали с тоской и отвращением и время своё старались отсидеть в учительской...

Викниксор не выходил из квартиры, и только изредка шкидцы видели, как мелькала его согнутая, закутанная в пальто фигура; он куда-то уходил с корзиночкой, потом приходил и опять запирался. Мать его, Совушка, на кухню не показывалась, а обед варила у себя в комнатах на примусе...

И шкидкам уже было всё равно, есть ли Викниксор, или нет Викниксора.

Когда в коридорах протягивали верёвки и ставили перевёрнутые стулья, было всё равно, кто попадёт — свой ли, чужой ли, халдей или шкидец.

Уже плохо стали знать в лицо друг друга. Уже не удивлялись, когда исчезали старые и вместо них появлялись новички. Уже редко кто проводил день в Шкиде; с утра уходили на промысел, на рынок; к обеду возвращались, а если кого и не было — не удивлялись: знали, что парень засыпался...

Из уборных по зданию тянуло воню. Там срезали трубы и испражнялись прямо на пол. Музей разгромили и продали на бумагу. От библиотеки остались одни шкафы, да и то из них вырвали замки и свинтили петли.

Когда однажды Лёнька ..Когда однажды Лёнька пришёл проводить Шкиду и, стоя на дворе, разговаривал с Сашкецом, наверху в зале со звоном вылетело не тронутое ещё бежское стекло, а халдей только погрозил ребятам пальцем и крикнул:

— Тише вы там, гуси лапчатые!..

Но однажды всё переменялось. Из своей квартиры бодрой, давно забытой походкой вдруг вышел Викниксор; в руках его были какие-то бумаги и "Летопись", а свежие начищенные сапожки скрипели решительно и неустойчиво... Он приказал закрыть входные двери и собрать в учительскую воспитателей. Известие об этом сразу распространилось по школе и взбудоражило ребят.

В обед в столовую пришли все халдеи и Викниксор. Викниксор сказал речь. Слова были старые, но их давно не слышали, и поэтому они казались грозными и почти новыми.

— Шкида реорганизуется, — говорил заведующий. — Пора избиваться от тёмного и грязного наследия преступного мира. Пора с корнем выкорчевать всю нечисть, которой зарос детдом... Начнется генеральная чистка. Школа объявляется на особом положении, прогулки и отпуска отменяются. За каждое замечание следует понижение разрядом. За самовольство заключение в изолятор. За

оскорбление воспитателя перевод в реформаториум. Для поддержания порядка установлена постоянная связь с милицией и объявляются заложниками: Арбузов, Лапин, Грейжа, Синицын, Штерн, Васильев, Сластёнков, Рыбин. Заложники, в случае массовых беспорядков, в первую очередь отправляются в милицию.

Шкида мрачно молчала. После обеда всех разогнали по классам. В классах ввинчивали лампочки и вставляли стёкла; становилось теплей и уютней. Дежурили все воспитатели, и даже начались уроки. Потом стало известно, что халдеи с милицией устроили во флигеле облаву. Захватили и отправили в отделение Суслика, Капаневича и двух девочек. Женьку посадили в изолятор, его накрыли в последний момент, и теперь шкидец жаловался, что из-за халдеев он только себя повредил...

Вечером в спальне дежурила Эланлюм. Красное лицо её сияло едва скрытым довольством. Она удивлялась внезапному усмирению воспитанников и теперь старалась ещё больше нажимать на них.

Все уже лежали по кроватям. Только в боковой, первой спальне сидел, прислонившись спиной к подушкам, Аксёнка. Несколько дней тому назад, отчаявшись в жизни, он решил повеситься. Ребята полузадушенным вынули его из петли; он остался жив, но спать лёжа уже не мог: мешала и болела вывихнутая шея. Эланлюм об этом не знала, а поэтому без разговоров просто столкнула в постель шкидцу и, выходя, даже не слышала, как тот заплакал от боли. Но лежавший рядом Лапа возмущённо и дико свистнул. От свиста задрожали стёкла и звякнула лампа. Немка метнулась обратно, а во второй и третьей спальне засвистало уже несколько человек...

Заухали кровати, заляскали по железу папки, загудел от стука пол. Немка бросилась к выходу, в неё пустили поленом.

Она споткнулась, ухватилась за дверь и жалобно вскрикнула:

— Мальчики, мальчики!..

Несколько подушек разом заставили её замолчать; она вывалилась наружу из спальни, оставив на полу свой золотистый шиньон.

— Бей!.. Бей их...

— Крой!..

— Лупи!..

Одеяла и матрацы летят долой; у дверей вырастает баррикада из кроватей. Гремят из угла в угол с силой пущенные плевательницы... Гаснет свет... Слышен шум и вой из нижней спальни. Слышен истошный и долгий крик. Это бьют поленьями, закрутив в одеяла, Киру.

— Бей!.. Бей их!..

— Крой!..

— Лупи!..

Дёргается заваленная дверь... Полураздетый Викниксор с парой подоспевших халдеев пробуют открыть её.

— Сифилитик! — визжит кто-то в темноте и бьёт по кроватям железной палкой. — Вот я сейчас с корнем выверну всю нечисть, ты у меня не захочешь!..

— Эй, Элла, шмара! — хором под всеобщий хохот надрываются заложники. — Иди сюда! Мы тебя здесь прочистим, на особом положении!

— Понизим разрядом!..

— Ха-ха-ха!..

— Хи-хи-хи!..

— Бей!.. Бей их!..

— Крой!..

— Лупи!..

— Сиф-фи-ли-тик!..

Арбуз напярливает немкин шиньон и, размахивая дубиной, носится по спальням. В темноте кривляются, ломаются, свистят белые тени. Вылетают только что вставленные окна... Гремят выстрелы самодельных шпалеров; сверкает огонь; дым прямо на полу зажёжённого костра застилает комнату и клубами уносится прочь, в разбитые окна... От шума и выстрелов глухнет в ушах...

Внизу на улице собирается толпа...

Из остановившегося трамвая выскакивают люди...

Бегут, громко стуча сапогами, дворники...

Вой и свист наверху усиливается. Это взломали наконец двери и ворвались в спальню халдеи. Но трещат и несутся по воздуху поленья; несутся, рассыпая песок, плевательницы; залпами гремят выстрелы; кричит и падает, схватившись за лицо, Селезнёв. Сашкец выбегает за дверь; за ним выскакивает Викниксор.

— Скорей! — кричит он: — скорей в учительскую!.. Звоните в милицию, иначе всё погибло...

Но и внизу крик и грохот встречают их. Коридор завален шкафами, а сверху летят поленья, и гулко падают кирпичи. И надо бежать ещё дальше, вниз, под лестницу.

И Викниксор понимает, что им ничего не остаётся больше делать, как отсиживаться и ждать помощи.

И ещё он понимает, что это наступил конец.

А наверху разбивают изолятор и двери. Потом отблески огня ползут по стенам. Слышится свисток постового милиционера. Помятся в закрытые на ночь ворота и зовут на помощь...

Арбуз вдруг опомнился:

"Заложник... Милиция... Сейчас возьмут..."

Он стаскивает с головы шиньон и вместе с дубиной кидает его в полыхающий посреди спальни костёр...

В окна несёт туманом, дождём и ветром. Внизу чернеет холодная земля; задрав голову, стоят привлечённые скандалом люди; кричит дворник; хлопает калитка ...

Арбуз перекрестился и начал спускаться по водосточной трубе...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

(э_п_и_л_о_г)

1

От прошлого, от всего пережитого раньше, у Химика, ставшего теперь взрослым парнем, осталась привычка заглядывать на рынки. И сегодня, слоняясь по Покровской толкучке, он встретил бывшего товарища по Шкиде — Кузю. Мало изменившийся, грязный, не поднимая глаз от засаленной своей кепки, положенной у босых ног, тот пел:

--

Привели на переу-лок

И-и ска-зали: бе-е-ги...

Восемь пуль ему вдо-о-гонку,

Семь за-стра-ло в груди.

--

Кузя нищенствовал. Вокруг него стояло неровное кольцо зевак. Химик нагнул голову и, протолкавшись сквозь толпу, отошёл в сторону, к церковной ограде. Там Химик остановился и стал ждать конца кузино концерта, чтобы после идти за Кузей следом и уже на улице завязать разговор. Но Кузя, кончив одну, затащил другую песню, длинную, тоскливую и начинавшуюся так:

--

Зачем ты, мать, меня родила,

На жутки муки отдала,

Судьбой несчастной наградила,

Тюрьма свободу отняла?

--

Химик подумывал уже об уходе, но у Кузи появились конкуренты, двое цыганят — мальчик и девочка. Цыганёнок заставлял свою чертёхлетнюю партнёршу плясать, а сам, подпевая что-то, ударял её бубном по задку:

— Больше жизни!..

Толпа переметнулась к цыганятам и продолжавший петь Кузя мрачно оглядывал поредевших слушателей.

Когда девочка запела: "Задумал он с сестрою жить, пришлось ребёнка задушить", — последние зеваки покинули Кузю и перешли к цыганятам.

Кузя поднял кепку, пересчитал собранные медики, спрятал их в карман и, поругиваясь, двинулся прямо к Химику.

— ЗдравОво!

Химик покраснел. Они уселись на фундаменте ограды.

— Вот, как видишь, филоно! — сказал Кузя и криво усмехнулся.

— Полгода уже как из тюрьмы освободили, а всё не могу устроиться.

От его лохмотьев несло карболовкой и потом. Химик смотрел на опустившегося парня и вспоминал прежнего ровного шкидца Кузю. Потом сказал нарочито бодро:

— Из тюрьмы говоришь? Тут, брат, удивительного ничего нет. И я побывал.

— А ты за что? — неприязненно и подозрительно спросил Кузя и стал закуривать. Химику он папироску не предложил, отогнулся в сторону, чиркал спички, но их гасил ветер.

— Ты сразу две спички вычиркивай. Всегда надо так. Ветер в два балла — чиркай две. Ветер в четыре — вычёркивай четыре, — посоветовал Химик и потом уже ответил: — Я, брат, в тюрьму за воровство попал.

Воровство Химик приплёл для того, чтобы расположить к себе бывшего шкидца. Но Кузя разговорчивее не стал и молча попыхивал папироской.

— Кузя, — сказал Химик: — ты Федорку не встречал?

— Нет. Храпу, Калину, Женьку встречал. В ночлежке на Стремной. А Федорку нет.

Химик сидел и, поглядывая на Кузю, думал о Федорке, выгнанном из Шкиды. Химик встретился с Федоркой и долго гоппничал с ним

по России. Жизнь тогда не успела ещё встрясти из него последних остатков романтики, и Химик, потеряв Федорку под Рязанью, решил махнуть за границу и поступить в шпионы. Но его изловили на пограничной полосе. За это Химик и познакомился с кингисеппским исправ-домом и Особым отделом. Порывавшийся уйти, Кузя докурил и спросил:

— Викниксора не видел, не знаешь, что с ним?

— Нет.

Химик соврал опять. Викниксора он видел, слышал, что тот после Шкиды устроился опять заводом в другую школу, но и там его сняли с работы. Химик не сказал об этом, зная, что Кузя начнёт злорадствовать. А Викниксор в представлении Химика вставал уже не врагом, не мучителем, а просто человеком, натворившим ошибок и не сумевшим вовремя поправить их.

— Вот Сашке, — в голосе Кузи зазвучала зависть и злость, — повезло дьяволу, — сам халдеем стал.

— Не завидуй, вышибли его, — ответил Химик.

Бывшие шкидцы встали.

— Идём в столовку, пошамеем! — предложил Химик.

— Не хочу! — Кузя протянул руку, словно прощаясь, но спросил: — А сам где работаешь?

— Тумбычитаю, — ответил Химик. — Ведь ремесла не знаю, да и рука мешает. Образования нету, ну и торговал папиросами, но бросил, надоело.

— А сейчас?..

— Сейчас? — понизил голос Химик. — Я, брат, сейчас книги пишу, очерки из своей жизни...

— Так, — равнодушно сказал Кузя. — Мне пора в ночлежку.

Химик смотрел вслед уходившему Кузе. Химику захотелось окликнуть его, сказать ему что-то важное, чего Химик и сам не знал. Но он вспомнил, что всё будет бесполезно и они не найдут общего

языка. Пробормотав: "Здорово шкидцы поустраивались — на руко-
протажных фабриках", — он невесело усмехнулся.

2

По Вознесенскому к улице 3 Июля шёл Купец. Одет он был не-
важно. Детские штаны из чёртовой кожи еле вмещали толстые, как
чурбашки, ноги, а широкой груди было тесно в ситцевой рубашонке.
Купец шёл и улыбался, оглядывая прохожих. Впрочем, лицо его бы-
ло сумрачно, а глаза хмуры. Жизнь научила Купца улыбаться нут-
ром, незаметно для окружающих. У Садовой он увидел паренька
чуть поменьше его самого. Парнишка сидел на ступеньке подъезда
и отдыхал. Рядом сияли жёлтым лаком поставленные к стенке но-
венькие стульчаки.

— Здорово! — закричал Купец, узнав в пареньке Кубышку.

— Ну, как поживаем? — спросил Кубышка.

— Я поживаю не плохо, — оглушительно гаркал Купец. — Я,
можно сказать, свою точку нашёл. На завод поступаю.

И рассказал, как, получив бумажку о том, что он выгнан из школы
за хулиганство, голодал и бедствовал, не находя себе работы, как
пришёл к своему дяде.

— Да, прихожу это к нему, он шишка, может устроить, — говорил
Купец. — Насчёт работы. А он спрашивает, что умеешь делать, что
знаю. "Знаю, — говорю, — немецкий язык". — "Не то, какое ремесло
знаешь?" Потом и говорит: "Чему же, вас там учили?" А я всё помал-
киваю. Но всё-таки устроил в Петропавловскую крепость, пилиль
дрова. А потом кирпич носить на постройках. А теперь вот надор-
вался, порок сердца получил, и доктор сказал, что меня на лёгкую
работу переведут, на завод.

— Молодец, — сказал Кубышка, и рассказал в свою очередь о
своих бедствиях, пока один старичок не взял его к себе в помощники
— делать стульчаки.

— Надо заказ снести, — закончил Кубышка и поднялся. Купец
помог ему поднять на плечо стульчаки.

— И я тоже скоро поступлю, — с таинственным видом сказал,
прощаясь, Кубышка: — на фабрику. Я ведь через эти стульчаки ква-
лификацию получил. Могу столпарить.

На прощанье Кубышка показал Купцу комсомольский билет. Ку-
пец шёл дальше, чувствуя, что и Кубышка стал на свою точку. От
этой мысли сделалось до того весело, что Купец широко, по-
настоящему улынулся. Улыбнулся солнцу, пешеходам и той жизни,
которая не всегда бывает хорошей и лёгкой, но всегда помогает че-
ловеку найти своё место, по своим силам и способностям.

3

[1930-й год]

Почти пять лет отделяют нас от конца Шкиды — многое уже за-
былось, повыветрилось из памяти, стало далёким и смутным,
— и хочется сказать ещё несколько слов, предупредить от по-
спешных выводов.

Ошибкой будет считать основной злв Викниксора. Он много отдал
сил и здоровья школе, работал не покладая рук и не его вина, разу-
меется, что Шкида всё-таки развалилась. Отдельные личности мало
что могут здесь сделать. Они могут быть и бывают хорошими в от-
дельности людьми, добрыми и отзывчивыми. И неудачи в их работе
обычно приписывают времени, стечению обстоятельств, исключи-
тельно неблагоприятному положению.

Но когда людей этих тысячи, когда детдома начинают трещать и
разваливаться, когда под развалинами их губятся и калечатся чело-
веческие жизни, — это уже не ошибка, не исключение из правил, не
стечение обстоятельств, это — система...

И трудно изучить или распознать её. В каждом детдоме сущест-
вуют две самых противоположных личности. С одной стороны спа-
денькая, улыбочная, самодовольно-бренчащая связкой пустопорож-
них достижений, личина конференций, выставок, учётов, кабинетов
разных научных и ненаучных исследований, — личина для гостей
посетителей и начальства, а с другой стороны:

"Каждый год бунт.

В декабре 1927 года. В августе 1928 года. В июне 1929 года.

Последний бунт превосходил предыдущие по размаху и по последствиям. Одних стёкол было выбито сорок. Наряд из восьми милиционеров оказался недостаточным. Прибыл дополнительный отряд. Прибыла пожарная команда. Два часа продолжались осадные действия и только в конце этих двух часов милиция проникла в помещение... 53-го детдома.

Нужно отметить, что следствие было произведено чрезвычайно добросовестно. За непосредственными виновниками сумели увидеть тех, кто изо дня в день воспитывал в детях злобу и месть.

Обвинительное заключение начинается установлением факта: "В течение нескольких лет в детдоме практиковалось избивание воспитанников". Было даже специальное словцо: "волокать"...

Босых воспитанников "в наказание" посылали по снегу за дровами. Долгое время в доме существовал изолятор с решётками.

Бунты против воспитателей возникали как следствие системы". ("Смена" 8/10-1929 г. Суд.)

... "Бунт, который приключился в детдоме в июле, и был вызван избиванием воспитанников. Так и расценило это предварительное следствие, которое, по мнению преподавателей, должно было привлечь к ответственности только детей и которое привлекло к ответственности в первую голову преподавателей.

Подсудимые воспитанники превращаются в обвинителей. Их показания звучат жёстче и отчётливее лицемерных показаний воспитателей.

Кто-то в детдоме плюнул.

— Кто? — допытывается воспитатель.

Воспитанник — член санитарной комиссии — не знает, и воспитатель тычет его лицом в плечок.

В этом случае, который обрамлён мелкими эпизодами избиений и затрепчин, отражено всё то унижение, которым воспитывали чув-

ство мести и хулиганскую безудержность воспитанников". (Смена 5/11-1929 г. Суд.)

.....

Мы живём в эпоху, когда распадаются старые хозяйственные формы, когда отмирают целые общественные классы, когда на новых основаниях строятся новые общественные отношения людей, "когда семья перестаёт всё больше и больше быть определённой экономической единицей — семейное воспитание меняет свой характер, его положительные стороны слабеют, возможности суживаются, оно всё меньше и меньше удовлетворяет и самих родителей и ребят". (Н.К. Крупская).

И сейчас вплотную подойдя к вопросу об обобществлении воспитания, когда нужно сделать резкий выбор в путях работы с трудновоспитуемыми: или признать оправданной систему принудительное воспитание "за решёткой с вооружённой стражей", или идти по линии общественно-трудового воспитания на основе самодеятельности при развёрнутой самоорганизации" (Доклад Данишевского на III съезде по охране детства), под контролем и при самом близком участии советской общественности, когда и теперь ещё у нас висят на буферах, на подножках поездов, околачиваются на вокзалах и рынках, ночуют в мусорных ящиках, асфальтовых котлах, ночлежках, — сотни и тысячи беспризорных, которых поставляет семья,

(в 1925 г. Семья дапа 34% правонарушителей, в 1926 — 55,4%, в 1927 — 66,5%, в 1928 — 80%)

сотни и тысячи которых попадают ежегодно в детские дома, и что же получится там с ними, если воспитывать их будут приёмами Шкиды.

И не надо уверять себя, что Шкида — печальное исключение. Шкида не была исключением: история её роста и гибели — это история целой педагогической системы... Детдома в условиях этой же системы обречены пройти и проходят свой скорбный путь.

Система устрашений, система штрафов, наказания, изоляция, система кулака процветает и является основой педагогических воздействий в детдомах, основой современной дефектологии.

Хотя ничего нет обманчивее всей этой системы. Она развращает самих воспитателей уже одной первоначальной лёгкостью, с которой устрашённые воспитанники начинают подчиняться и трепетать. Но проходит время, трепет исчезает, война воспитанников с воспитателями становится традицией, а наказания необходимы, которые отбывать даже будет молодечеством, и появляются теории, вроде Иошкиной...

— Тот не шкидец, который трижды не побывал в пятом разряде...

А тот, кто попадал в последний, пятый разряд, мог выбраться из него только через месяц, а месяц он лишался прогулок, отпусков, обедал стоя, ходил одетый в рвань и т. д.

Через месяц, если у шкидца не было ни одного плохого замечания, его переводили в четвёртый, тоже штрафный разряд, откуда через неделю он попадал в третий разряд, где ему давались некоторые права: право еженедельного отпуска, право обедать сидя и право требовать, чтобы выдали вместо рвани хорошую одежду.

Просидев неделю без плохих замечаний, шкидец переходил во второй разряд, а если у него месяц не было замечаний — переводили в первый разряд и он получал ещё право ежедневной прогулки.

Словом, для того, чтобы попасть из пятого разряда в первый требуется три месяца. Но для того, чтобы из первого разряда попасть в пятый не потребуется и трёх минут. Стоит лишь попасться под горячую руку халдею.

И ребята привыкают и приспосабливаются и к этой системе. Если им не разрешают гулять — гуляют без разрешения, не разрешают отпуска — идут самовольно, велят обедать стоя — не слушают, дают для носки рвань — добывают хорошее кражей.

Вот когда школа дойдёт до такого предела, пятый разряд уже никого не устрашает: ребят заключают в изолятор (карцер), на день — на два, на неделю, а когда изолятор не помогает, выгоняют из школы совсем, хотя чаще случается, что выгоняют сразу, минуя все инстанции.

Но ребята и здесь привыкли ко всем скорпионам. Они стали дуличными и двуязычными: обычное наказание — запись в "летопись" — считали пустяком, перевод в пятый разряд принимали как должное; при остракизме, на записках писали похабщину и даже считали не по-товарищески сидеть в нештрафных разрядах... Бейте лошадей — она привыкнет к ударам, но не бейте ребят, потому что они не только привыкают, но и помнят, кто бил... И когда увидят, что враг ослабел, когда видят, что воспитатели одиноки, разрознены — тогда начинается великое избиение: бьют нещадно и бешено, как только можно бить действительно врагов и притеснителей.

В редком детдоме не происходило подобных баталлий. Воспитатели на время бунта или разбегаются или отступают, вызывается милиция, ребят "успокаивают", а потом оправившийся педсовет распределяет кого куда: кого в Лавру, кого в реформаториум, кого в Пересылку.

Но после этих удалений буза уже не прекращается: она затихает только на время, и потом вспыхивает снова и с новой силой. Снова бьют воспитателей, снова гремят стёкла и ставятся баррикады, снова вызывают милицию и снова после этого партия ребят отправляется в детские тюрьмы. В промежутках между двумя бунтами ребят тоже отправляют туда: по одному, по два, группами, либо просто вышибают, либо, наконец, они убегают, сами.

И часто идёшь по улице, вдруг окрик: "Здравствуй, стой". Встретился человек, с которым где-то, когда-то встречался — не то в казантине, не то в распределителе, не то в детдоме. Потом начинается разговор — вспоминаем, перебираем "своих", с кем раньше жил под одной крышей, вместе учился и работал... Как несколько дней

назад попался навстречу паренёк. Вместе случилось быть несколько лет назад в институте одного высокоученого, высокоумного профессора. Этот паренёк теперь выбился из старого, выбился с большим трудом и сейчас кончает политехникум. Разговорились. Разговор был невесёлый, мелькали слова "Кресты", исправдом, принудительная работа, двое в тюрьме, а Володя Черепанов расстрелян...

Так кончали многие. А они были вовсе неплохими людьми, были хорошими товарищами — умными, способными, развитыми, были тем немного подпорченным сырьём, которое надо бы было тщательно обработать, верно отшлифовать, — но в том-то и дело, что инструментом шлифа служила здесь не педагогика, а муштра, — не воспитание, а устрашение, — не наука, а вивисекция. И вот результат...

Некоторые шкидцы выбились в жизнь, стали полезными и выправившимися людьми. Но они встали на ноги только после того, как были изгнаны из Шкиды, когда Шкида отказалась от них, и встали на ноги, стали честными людьми самостоятельно, не потому что такими их сделала школа, а потому что они были люди более крепкие, более выносливые, более сильные и приспособленные.

А, между тем, все, кто оставлял Шкиду, кто изгонялся прочь, казались, всего менее был приспособлен к жизни.

Им-то как раз всё равно, какой ширины у них череп,

им-то как раз не пригодились знания древних и новых историй.

Что толку, если они немного подучились, поумнели, а дальше — на полдороге, недоучками вышвырнуты из школы.

Они поумнели, поразвились — правда, но эти общие нахватавшиеся знания только повредили им, потому что не сообщили никаких полезных навыков, не укрепили ни воли, ни сознания ребят (а кому было крепить), и по изгнанию это только толкнуло искать более лёгких, прибыльных и нетрудных занятий...

Да, ребята поумнели, поразвились, понахватались знаний, но "умный мошенник во сто раз опаснее глупого", — а встречи со своими бывшими товарищами, которые попрошайничают на улицах и рынках, городущиначают, гопничают, живут по ночлежкам, по вокзалам, по лаврам — такие встречи нередки.

Выбились в люди единицы, а пропали десятки...

Шкида рассчитывалась на отборных учеников, и для этого Виккисор бродил по всем распределителям города и отбирал для себя способных ребят. Но при полном отсутствии производственных трудовой базы, при резко-противоположных устремлениях воспитателей и учеников ("тутеры и комсомол"), Шкида — эта последняя гимназия с "классическим" образованием, со всевозможными педагогическими ухищрениями — экзекуциями-штрафами, разрядами, изоляторами — неизбежно должна была крахнуть.

Распад Юнкома был началом конца...

Когда же один за другими все способные ученики были повышиблены, а на их место пришло обычное ребячье сырьё из реформаториев, детских тюрем, распределителей — ясно стало, что работать старыми методами нельзя, нельзя делать из ребят паразитов и приучать их к сознанию этого.

Но в том-то и дело, что Шкида, построенная по буржуазным канонам и приёмам буржуазной школы, не в силах была переродиться, и надо было строить школу сначала.

После ухода Викниксора в Шкиде была произведена коренная ломка всего уклада. Одна за другой открывались мастерские. По-немногу начали учить ребят ремеслу, плотничать, сапожничать, то-чить, переплётничать. Знали (а если не знали, то тем ещё лучше), что там в жизни — у станка, на заводе, в конторе или за прилавком — там шкидец выправится лучше, втянется в работу: нужно только подготовить его к этому, а для того нужно приучить к труду, заставить полюбить его, чтобы меньше стало пропадать лишних человеческих жизней, меньше уходило из школы на дно, а больше тянуться вперёд, к работе, чтобы если не гении выходили, не писатели, режиссёры, учителя, — выходили столяры, плотники, переплётчики — выправившиеся люди.

Но и теперь не надо преуменьшать трудностей, не надо закрывать глаза на недостатки. Их много, очень много в системе воспитания и в новой Шкиде. Здесь много чего ещё надо сделать, ещё много трудностей надо преодолеть в борьбе за подлинно-трудо-вое социальное воспитание. Но путь выбран правильный и он приведёт к верной цели.

А в детдом старого шкидского типа надо забить крепкий осиновый клин, и чем скорее это сделать, тем лучше.